

Мотин А.В.

**ПРОБЛЕМЫ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ**

МОНОГРАФИЯ

МОСКВА
2021

МОТИН
Анатолий Владимирович

**ПРОБЛЕМЫ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ**

МОНОГРАФИЯ

Москва
2021

УДК 343.3/7 (035.3)

ББК 67.408.1

М85

Автор:

Мотин Анатолий Владимирович — кандидат юридических наук,
адвокат Палаты адвокатов Самарской области

Научный редактор:

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — доктор юридических наук,
профессор, главный научный сотрудник — руководитель уголовно-
правового направления Центра исследований проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия

Рецензенты:

Букалерева Людмила Александровна — доктор юридических
наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики Юридического института Российского
университета дружбы народов;

Дмитренко Андрей Петрович — доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры уголовного права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Мотин, А. В.

М85 Проблемы дифференциации ответственности за преступления
против личности : монография /А. В. Мотин, под науч. ред.
Ю. Е. Пудовочкина. — Москва : Знание-М, 2021. — 240 с.

ISBN 978-5-907258-41-9

DOI 10.38006/907258-41-9.2021.1.240

Монография посвящена актуальным проблемам теории и практики дифференциации ответственности за посягательства на личность. Раскрываются вопросы разграничения оснований и видов ответственности за причинение вреда интересам личности, исследуется связь процессов криминализации и дифференциации уголовной ответственности, анализируется состояние и перспективы развития системы квалифицирующих признаков составов преступлений против личности. Адресуется специалистам в области уголовного права.

(Справочно: законодательство приводится по состоянию на 01 февраля 2021 года).

УДК 343.3/7 (035.3)

ББК 67.408.1

ISBN 978-5-907258-41-9

© Мотин А. В. 2021
© Издательство «Знание-М», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Межотраслевая дифференциация ответственности за посягательства на личность	6
§ 1. Межотраслевая дифференциация оснований ответственности за посягательства на личность.....	6
§ 2. Межотраслевая дифференциация видов ответственности за посягательства на личность.....	34
Глава 2. Криминализация преступлений против личности и дифференциация уголовной ответственности	67
§ 1. Дифференциация уголовной ответственности в процессе криминализации и систематизации преступлений против личности	67
§ 2. Привилегированные составы преступлений против личности: теоретико-прикладные проблемы.....	104
Глава 3. Квалифицирующие признаки преступлений против личности как средство дифференциации уголовной ответственности	137
§ 1. Квалифицирующие признаки преступлений против личности: теоретический анализ	137
§ 2. Квалифицирующие признаки преступлений против личности: вопросы законодательной и правоприменительной практики	167
Заключение	197
Приложения	198
Литература	217

ВВЕДЕНИЕ

Дифференциация уголовной ответственности справедливо признаётся одним из приоритетных направлений уголовной политики, существенно охватывающим едва ли не весь спектр уголовно-правовых решений — от криминализации общественно опасных деяний до установления оснований освобождения от уголовной ответственности. В отечественной науке ей уделяется повышенное внимание, она выступает темой множества диссертационных исследований, монографических сочинений и публикаций в периодической юридической печати. При этом анализ библиографии показывает, что изучение проблем дифференциации уголовной ответственности развивается в двух основных направлениях. Во-первых, исследование общей теории дифференциации ответственности, её понятий и средств (Л.Л. Кругликов, Е.В. Рогова), в том числе правил конструирования состава преступления (А.В. Иванчин), отбора квалифицирующих признаков (Т.А. Лесниевски-Костарева), освобождения от ответственности (А.В. Ендольцева), отбывания наказания (А.В. Бриллиантов). Во-вторых, это приложение общетеоретических постулатов к решению задач дифференциации ответственности за отдельные виды преступлений. Именно оно и выступает той теоретико-методологической рамкой, в пределах которой разворачивается содержание настоящей монографии.

Дифференциация ответственности за преступления против личности в качестве самостоятельного предмета научного анализа в нашей литературе исследована явно недостаточно. Наука добилась определенных успехов в решении теоретико-прикладных задач дифференциации ответственности за преступления против жизни и здоровья (Э.В. Кабурнеев, М.Н. Каплин, Т.А. Плаксина, А.Н. Попов), против несовершеннолетних (Ю.В. Николаева, Ю.Е. Пудовочкин), против половой свободы и половой неприкосновенности (А.Н. Игнатов, А.П. Дьяченко). Однако как комплексный, целостный предмет дифференциация ответственности за преступления против личности ещё не подвергалась изучению. В связи с чем некоторые значимые аспекты темы остались вне рамок научного анализа. Среди них — механизм и средства межотраслевой дифференциации ответственности за причинение вреда личности, взаимосвязь процессов криминализации и дифференциации ответственности, правовая природа привилегированных составов

преступлений, систематизация квалифицирующих признаков преступлений против личности.

Обсуждение этих вопросов составляет основное содержание предлагаемой читателю книги. Автор сознает, что их постановка и обсуждение не исчерпывают всего объёма темы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности. За пределами монографии остаются теоретические и конституционные основы дифференциации, использование дифференцирующих средств для градации объёма ответственности и уголовного наказания и некоторые иные. Их изучение может быть определено в качестве самостоятельного и перспективного объекта последующих научных изысканий.

Предлагая результаты своего исследования научной общественности, автор рассчитывает, что они способны восполнить некоторые пробелы в научном осмыслении темы дифференциации ответственности за посягательства на личность, могут стать основой для последующего углублённого изучения темы, а также способствовать теоретическому обоснованию возможных направлений развития уголовного законодательства и практики его применения.

Глава 1. МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЛИЧНОСТЬ

§ 1. Межотраслевая дифференциация оснований ответственности за посягательства на личность

Охрана человека, его прав и свобод является конституционной обязанностью государства. В осуществлении этой обязанности оно вольно использовать любые доступные ему легитимные средства, при этом, как известно, уголовный закон выступает согласно принципу *ultima ratio* в качестве «последнего довода» власти в обеспечении безопасности. «Принцип *ultima ratio* в соответствии с либеральными представлениями позволяет сделать вывод о том, что уголовное право, как самая серьёзная форма вмешательства государства в правовую сферу граждан, должно быть использовано только тогда, когда применение других средств представляется безнадёжным»¹. Это обстоятельство побуждает государство к разработке не только предупредительных, но и различных по силе воздействия охранительных средств защиты личности, что находит своё содержательное воплощение, среди прочего, в межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на интересы безопасности человека.

Как верно отмечает Л.Л. Кругликов, «уже на самой первой ступени (при разделении права на отрасли, компоновке последних) им [государством — А.М.] должна использоваться идея дифференциации юридической ответственности. ... Основанием межотраслевой юридической дифференциации... выступает прежде всего характер вредоносности соответствующего вида поведения, или, как говорят иначе, характер его общественной опасности, вредности»². Межотраслевая дифференциация, — поддерживает его В.Ф. Лапшин, — присутствует уже на первых этапах деления

1 Хильгендорф Э. Пунитивное законодательство и уголовно-правовая доктрина. Скептические замечания к некоторым руководящим терминам современной теории уголовного права // Вопросы российского и международного права. — 2012. — № 1. — С. 121.

2 Кругликов Л.Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // Lex Russica. — 2014. — № 3. — С. 306, 307.

всего национального права на отдельные отрасли в зависимости от предмета правового регулирования. Существование отраслей российского права предопределяет наличие нескольких видов юридической ответственности, которые присущи отдельной отрасли или совокупности отраслей системы права. Для каждого вида ответственности существует определённый набор мер воздействия на лиц, нарушивших установленные нормами соответствующей отрасли (отраслей) права правила поведения. При этом степень интенсивности воздействия (тяжести наказания), применяемого к правонарушителю, находится в пропорциональной зависимости от степени тяжести правонарушения, т.е. его общественной опасности³.

В сфере публично-правовой ответственности за посягательства на личность, как она исторически сложилась в России, существует так называемая «двухуровневая система публично-правовой охраны»⁴, при которой межотраслевая дифференциация ответственности выражается в установлении различных видов и объёмов юридической ответственности в зависимости от характера и степени вредоносности правонарушения в уголовном и административном отраслях законодательства⁵.

Проблема соотношения административного и уголовного законодательства всегда относилась к числу наиболее сложных и важных, а в современных условиях (в связи с декриминализацией некоторых преступлений и реформированием КоАП РФ, внесением в УК РФ конструкции административной преюдиции, оформлением, благодаря усилиям Европейского Суда по правам человека понятия «уголовной сферы») приобрела дополнительный стимул для глубокого и всестороннего исследования.

Исходные начала для решения вопросов соотношения уголовного и административного законодательства в деле дифференциации ответственности, в том числе за посягательства на личность, сформулировал в ряде своих решений Конституционный Суд РФ. Он, в частности, указал:

— в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности,

-
- 3 Лапшин В.Ф. Средства дифференциации ответственности в новейшей уголовно-правовой доктрине // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 3. — С. 105 — 106.
 - 4 Кузнецов А.В. Преступления в сфере несостоятельности (ст. 195 — 197 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2004. — С. 8.
 - 5 Адоевская О.А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2007. — С. 7.

а также в иных конституционно значимых целях федеральный законодатель не только вправе, но и обязан использовать все доступные — в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий — средства, включая установление административной и уголовной ответственности за те или иные деяния, руководствуясь при этом общими принципами юридической ответственности, которые имеют универсальное значение и по своей сути относятся к основам конституционного правопорядка⁶;

— преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность⁷, уголовная ответственность в отличие от административной ответственности установлена для случаев, представляющих повышенную общественную опасность⁸;

— административная ответственность и ответственность уголовная, будучи разновидностями публично-правовой ответственности, преследуют общую цель охраны публичных интересов, прежде всего, таких как защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка. В силу этого они имеют схожие задачи, принципы и тем самым дополняют друг друга. Применение мер административной и уголовной ответственности базируется на закрепляемых схожим образом принципах равенства. Потому и федеральный законодатель во многих случаях конструирует составы административных правонарушений и преступлений

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в связи с жалобами граждан А.И. Залаятдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чердняк».

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной».

8 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

как смежные, а также, принимая во внимание изменение степени общественной опасности тех или иных правонарушений, другие обстоятельства, зачастую преобразует составы административных правонарушений в составы преступлений и наоборот⁹.

Интерпретация этих конституционных требований доказывает, что в деле защиты интересов личности законодатель обязан использовать и уголовно-правовые, и административно-правовое средства, руководствуясь представлениями об общественной опасности посягательства, причём в силу общности целей и принципов уголовной и административной ответственности вправе использовать их как совместно, конструируя смежные составы правонарушений, так и последовательно, преобразуя составы административных проступков в составы преступлений и наоборот.

Исходя из этого, представляется возможным определить основные направления и формы межотраслевой дифференциации публично-правовой ответственности в сфере защиты интересов личности, восполняя тем самым теоретический пробел в отечественной науке, которая, несмотря на давнюю историю проблемы, так и не подошла, по нашему мнению, к решению этой сложной проблемы.

Прежде всего, надо обратить внимание, что *межотраслевая дифференциация ответственности за посягательства на личность имеет чётко выраженные два аспекта, касающиеся дифференциации оснований ответственности и дифференциации видов ответственности*. Каждый из них заслуживает отдельного анализа. В рамках настоящего раздела работы речь пойдёт в дальнейшем о дифференциации оснований уголовной и административной ответственности.

Дифференциация оснований ответственности за посягательства на личность представляет собой конструирование законодателем составов административных проступков и составов преступлений, которые традиционно

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области»; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

именуются в науке «смежными», и которые описывают различающиеся уровнем опасности разновидности одного и того же деяния.

Такая *дифференциация проявляет себя на динамическом и статическом уровнях*. К сожалению, в литературных источниках этот аспект проблемы не учитывается при обсуждении вопросов межотраслевой дифференциации ответственности. Как правило, специалисты основываются на текстах УК РФ и КоАП РФ как на данности, используют их как отправную точку для решения вопросов разграничения оснований уголовной и административной ответственности. Такой подход не только имеет право на существование, но и вполне оправдан потребностью в решении прикладных задач правоприменения. Тем не менее, конструирование смежных составов правонарушений должно рассматриваться не только как результат, но и как определённый процесс законодательной деятельности. Он приобретает особое значение, когда законодатель принимает решение о замене административной ответственности уголовной и наоборот.

Такие ситуации имеют место достаточно часто. Из 53 статей о преступлениях против личности, предусмотренных в первоначальной (на 1996 год) редакции УК РФ 5 статей (то есть 9,4%) были исключены с последующим установлением ответственности за описанные в них деяния в КоАП РФ. Декриминализация коснулась, в частности, «ординарных» (без специальных мотивов) побоев (ст.116 УК РФ), неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью (ст.118 УК РФ), оскорбления (ст.130 УК РФ), «ординарной» (совершённой общим субъектом) дискриминации (ст.136 УК РФ), уклонения от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей (ст.157 УК РФ). В целом специалисты справедливо отмечают устойчивую взаимосвязь декриминализации преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и формирования административно-деликтного законодательства¹⁰.

Наблюдается и «обратный» процесс. Из разряда административных проступков в категорию преступлений было переведено вмешательство в работу избирательной комиссии или комиссии референдума (ст. 5.2 КоАП РФ), частично криминализация коснулась таких административных деликтов, как использование незаконной материальной поддержки

10 Аратова А.А. Административная ответственность за оскорбление: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 9.

при финансировании избирательной кампании, кампании референдума (ст. 5.19 КоАП РФ), незаконное финансирование избирательной кампании (ст. 5.20 КоАП РФ), незаконная выдача гражданину избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме (ст. 5.22 КоАП РФ), оскорбление религиозных чувств граждан (ст. 5.26 КоАП РФ).

Такая динамика (не будем вторгаться в обсуждение её причин, которые, разумеется, могут отражать как естественный ход событий и переоценку ценностей в правовом и общественном сознании, так и быть продиктованными исключительно политическими и популистскими мотивами) свидетельствует о том, что государство, реализуя конституционную свободу усмотрения, относительно легко меняет свой выбор надлежащего вида ответственности за то или иное правонарушение. Однако такой выбор носит особый характер. Если бы решение законодателя о декриминализации преступления или криминализации административного проступка не сопровождалось корреспондирующим решением соответственно в КоАП РФ или в УК РФ, можно было бы говорить просто о динамике в оценке общественной опасности деяния. Взаимосвязанные же изменения, касающиеся различий в правовой оценке разновидностей одного деяния, свидетельствуют о том, что применительно к ситуациям одного рода законодатель конструирует различающиеся правовые основания ответственности — различные составы правонарушений, определяя для каждого из них в дифференцированном порядке различающиеся виды правовой ответственности. Таким образом, этот одновременный выбор, по сути своей, представляет собой не что иное, как дифференциацию публично-правовой ответственности, рассматриваемую с динамической точки зрения.

В прикладном отношении такая дифференциация порождает, прежде всего, сложные вопросы, связанные с определением действия законодательства во времени, подтверждением чего служит практика Конституционного Суда РФ, в которой они рассматривались неоднократно.

Суд справедливо исходил из того, что принятие законов, устранивающих или смягчающих ответственность, по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных правонарушений и правовой статус лиц, их совершивших, вследствие чего законодатель не может не предусмотреть механизм придания им обратной силы, а уполномоченные органы не вправе уклоняться от принятия юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от ответственности и наказания

или о смягчении ответственности и наказания, оформляющих изменение статуса этих лиц¹¹. Однако существующая дефектность правового регулирования этих вопросов и правовая неопределённость в их решении на практике потребовали от Конституционного Суда РФ разъяснения, как минимум, двух вопросов, связанных с возможностью (а) привлечения к административной ответственности за деяние, которое было совершено до момента изменения его уголовной противоправности на административную, и (б) исполнения ранее назначенного административного наказания после того, как административная ответственность за проступок была заменена на уголовную.

Рассматривая проблему в связи с изменением противоправности побоев, Конституционный Суд РФ указал, что отмена уголовной ответственности за то или иное деяние и одновременно — введение за него административной ответственности не могут рассматриваться в отрыве друг от друга. Частичная декриминализация с 15 июля 2016 года такого общественно опасного деяния, как побои, сопровождалась синхронным дополнением КоАП РФ статьёй 6.11. Соответственно, если ответственность за деяние смягчена, но не устранена, а само деяние получило другую отраслевую юридическую квалификацию, то его декриминализация при одновременном закреплении тождественного состава административного правонарушения не может рассматриваться как установление нового противоправного деяния, не наказуемого ранее. Такая декриминализация представляет собой смягчение публично-правовой ответственности за совершение соответствующего правонарушения, проявляющееся во введении менее строгих — по сравнению с уголовными — административных санкций, меньшее по степени — по сравнению с уголовно-правовым институтом судимости — ограничение прав при применении мер административной ответственности. Отмена законом уголовной

11 Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других».

ответственности за определённое деяние с одновременным его переводом под действие КоАП РФ свидетельствует о том, что федеральный законодатель продолжает рассматривать данное деяние как правонарушающее, однако по-иному оценивает характер его общественной опасности. Применительно к вопросу о введении административной ответственности за нанесение побоев на основании ст. 6.11 КоАП РФ это означает не исключение, а смягчение публично-правовой ответственности, что, следовательно, предполагает привлечение лиц, совершивших такие действия, хотя и до указанной даты, к административной ответственности. В иных случаях при оценке последствий изменения отраслевой принадлежности норм, устанавливающих наказуемость определённых форм поведения (например, при введении уголовной ответственности вместо административной или при отказе от уголовной ответственности в пользу административной, что, в свою очередь, влечёт усиление либо смягчение санкции соответствующей нормы), также следует иметь в виду не только совпадение объёма запрещённого деяния (по признакам, характеризующим его объективную и субъективную стороны, субъекта, потерпевшего, предмет посягательства), но и одновременность изменения природы его противоправности, поскольку лишь синхронные изменения законодательной оценки тождественных деяний означают преемственность правового регулирования публично-правовой ответственности. При этом перевод деяния из категории преступлений в группу административных правонарушений, влекущий смягчение ответственности за его совершение, не может расцениваться как ухудшение правового положения лица, совершившего такое деяние¹².

12 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в связи с жалобами граждан А.И. Залаятдинова, Н.Я. Исмаилова и О.В. Чередыня».

Применительно к обратной ситуации на примере криминализации организации азартных игр Конституционный Суд РФ указал, что отмена административной ответственности за то или иное деяние с одновременной заменой её уголовной ответственностью не может считаться устранением ответственности за совершение соответствующего деяния, иными словами, установление уголовной ответственности за деяние, которое ранее признавалось административно наказуемым, не может свидетельствовать об отмене публично-правовой ответственности за такое деяние. Более того, криминализация федеральным законодателем деяний, ранее признаваемых административными правонарушениями, представляет собой ужесточение публично-правовой ответственности за их совершение, проявляющееся в повышенной строгости уголовных санкций по сравнению с административными санкциями, большей степени ограничения прав при применении уголовно-правового института судимости по сравнению с институтом административной наказанности. Отмена законом административной ответственности за определённое деяние с одновременным переводом такого деяния под действие УК РФ означает, что законодатель не только продолжает оценивать данное деяние как правонарушающее, но и считает возросшей степень его общественной опасности. Соответственно, применительно к вопросу о возможном прекращении на основании пункта 2 статьи 31.7 КоАП РФ в подобных случаях исполнения вступившего в законную силу постановления суда о назначении административного наказания отмена административной ответственности за конкретное деяние с его одновременной криминализацией по своим правовым последствиям от ужесточения административной ответственности за административное правонарушение принципиально не отличается: и в том и в другом случае для прекращения исполнения судебного постановления нет оснований. В то же время исполнение ранее вынесенного постановления о назначении административного наказания при отмене законом административной ответственности за деяние в связи с криминализацией этого деяния должно прекращаться, если не будут соблюдены следующие условия: необходимо, чтобы, во-первых, положения закона, отменяющие административную ответственность за конкретное деяние и вводящие за него уголовную ответственность, вступали в силу одновременно, а во-вторых, чтобы при законодательном преобразовании состава административного правонарушения в состав преступления сохранялась бы ответственность

именно за то деяние, за которое ранее предусматривалось административное наказание¹³.

Будучи в определённый момент времени завершённым, процесс дифференциации оснований ответственности приводит к формированию в системе права параллельной системы нормативных предписаний об ответственности за посягательства на личность¹⁴. Различия в этих основаниях диктуются общими представлениями о различии преступлений и административных правонарушений. В литературе существует на сегодняшний день определённое согласие в том, что такое различие осуществляется на основе оценки характера и степени общественной опасности посягательства¹⁵ (или характера вредоносности поведения¹⁶), при том, что опасность посягательства детерминирована содержанием объекта, видом и объёмом причинённого вреда, а также иными объективными и субъективными признаками состава деяния.

Справедливо также отмечается, что определение законодателем чётких разграничительных признаков смежных деяний, включаемых в различные отрасли законодательства, является одним из важнейших правил межотраслевой дифференциации ответственности¹⁷. Данная проблема весьма значима для правоприменительной практики, поскольку ошибки в разграничении преступлений и проступков приводят либо к необоснованному

13 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области».

14 По мнению некоторых авторов, в КоАП РФ и в УК РФ содержится около 100 «пограничных» составов правонарушений. См.: Константинов П.Ю., Соловьева А.К., Стуканов А.П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Правоведение. — 2005. — № 3. — С. 58 — 74.

15 См. об этом: Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. — М.: РГУП, 2017; Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Международ. науч.-практ. конф. (27 — 28 мая 2004, МГУ им. М.В. Ломоносова). — М.: ЛексЭст, 2004.

16 Красильникова Е.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2007. — С. 20.

17 Тимофеева Е.А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2008. — С. 17.

смягчению ответственности, либо к неоправданно суровому наказанию. Для обеспечения правильной квалификации деяний и достижения целей межотраслевой дифференциации должна быть, во-первых, соблюдена преемственность в видах юридической ответственности и, во-вторых, в законе должны быть чёткие разграничительные признаки смежных деяний, включаемых в различные отрасли законодательства. В целях устранения рассогласованности между смежными отраслями, каковыми являются уголовное и административное право, и, в частности, между преступлениями и административными правонарушениями, законодателю надлежит сформулировать ясные, точные и чёткие критерии разграничения, что позволит правоприменителю избежать возникновения ошибок в ходе практической деятельности¹⁸.

Рассматривая вопрос о статическом соотношении преступлений и проступков против личности как часть проблемы межотраслевой дифференциации ответственности, представляется необходимым обратить внимание на ряд собственно правовых, уголовно-политических и юридико-технических аспектов.

Признавая приоритетную значимость объекта посягательства для оценки его общественной опасности, а следовательно, и выбора вида противоправности, отметим, что конституционное признание человека, его прав и свобод высшей ценностью не исключает возможности межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на личность. Такая дифференциация осуществляется с учётом ценности родовых (в иной теоретической интерпретации — видовых) объектов, в соответствии с которыми в уголовном законе выделяются отдельные главы его Особенной части.

Анализ показывает, что объективно существуют объекты столь ценные, что любое причинение им вреда позиционируется законодателем

18 Румянцев М.С., Кузнецов С.В. Дифференциация уголовной ответственности: юридическое содержание и проблемы межотраслевого характера // Юридическая наука. — 2013. — № 2. — С. 66, 67; Румянцев М.С. Некоторые аспекты межотраслевой дифференциации ответственности в уголовном праве // Юридические записки молодых учёных и аспирантов: актуальные проблемы законодательной и правоприменительной практики: материалы IV Международной научной конференции. — Ярославль: ЯрГУ, 2013, Вып. 13. — С. 54 — 57; Рогова Е.В. Межотраслевая дифференциация ответственности // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сб. мат. Межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Р.А. Забавко. — Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД РФ, 2018. — С. 5 — 9.

исключительно как преступление, а вопрос о возможности установления административной ответственности за посягательства на такие объекты даже не возникает. Речь идёт, в частности, о таких конституционных ценностях, как жизнь человека, его физическая свобода, половая свобода и половая неприкосновенность. КоАП РФ не содержит составов правонарушений, которые могут иметь своим основным объектом эти ценности.

В то же время нельзя не отметить, что в процессе внутриотраслевой дифференциации административной ответственности законодатель в ряде случаев использует признак причинения вреда этим объектам (в частности, причинение смерти) для усиления административной ответственности виновных лиц. Оставим в стороне ситуации, когда причинение смерти потерпевшему указывается в составе административного проступка признаком, характеризующим последствия поведения юридических лиц, учитывая, что ответственность таковых в уголовном законе сегодня не предусматривается (речь идет о ч. 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации» и ч. 6.1 ст. 20.4 КоАП РФ «Нарушение требований пожарной безопасности»). Но в КоАП РФ в 2020 году (Федеральным законом от 01.04.2020 № 99-ФЗ) была введена ответственность для физических лиц за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, повлекшее причинение вреда здоровью человека или смерть человека (ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ). Это создало коллизию с предписаниями ст. 236 УК РФ. Её разрешению было посвящено указание Президиума Верховного Суда РФ, который признал: «Административная ответственность по ч. 3 статьи 6.3 КоАП РФ наступает лишь в тех случаях, когда действия (бездействие) правонарушителя не содержат уголовно наказуемого деяния. В связи с тем, что за нарушение физическим лицом санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека, предусмотрена уголовная ответственность, в случае наступления последствий в виде смерти человека действия (бездействие) виновного следует квалифицировать по части 2 статьи 236 УК РФ¹⁹.

19 Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 (вопрос 15). Электронный ресурс <https://www.vsrfl.ru/documents/all/28882/> дата обращения 10.02.2021

Такое решение Верховного Суда РФ оправдано наличием в ч. 3 ст. 6.1 КоАП РФ специальной оговорки относительно того, что административный проступок «не содержит признаков уголовно наказуемого деяния». Но такая оговорка может содержаться далеко не всегда и не во всех смежных составах. Для этих ситуаций в науке разрабатывается иное правило разрешения межотраслевой коллизии: «В случае если совершённое лицом деяние содержит одновременно признаки преступления и признаки административного/налогового правонарушения или дисциплинарного проступка, лицо привлекается соответственно к административной/налоговой или дисциплинарной ответственности»²⁰. Такое правило поддерживается и высшей судебной инстанцией²¹. В итоге получается, что правило разрешения коллизии и выбор нормы правоприменителем во многом предопределяется не столько сутью правонарушений, сколько юридико-техническим приёмом законодателя при описании составов правонарушений, что нельзя признать в полной мере оправданным.

Однако наша задача не состоит в том, чтобы разработать сейчас правила преодоления межотраслевых коллизий. Задача в ином — показать, что законодатель допускает само создание таких коллизий, игнорируя правила разграничения преступлений и проступков, исходя из оценки общественной опасности деяний на основе объекта посягательства. Тот факт, что противоречивая оценка причинения смерти создаёт неоправданную коллизию УК РФ и КоАП РФ только в одной ситуации, лишний раз доказывает, что законодателем была допущена ошибка, которая должна не минимизироваться решением высшей судебной инстанции, а исправляться самим законодателем путём корректировки положений административно-деликтного

20 Чуличкова Е.А. Межотраслевые коллизии уголовно-правовых норм с охранительными нормами права иной отраслевой принадлежности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2011. — С. 11 — 12.

21 Применительно к разграничению правонарушений в области незаконного оборота оружия Верховный Суд РФ указал: «в случаях, когда допущенное лицом административное правонарушение (например, нарушение правил хранения или ношения оружия и боеприпасов, их продажи, несвоевременная регистрация и перерегистрация оружия и т.п.) содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, указанное лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности». См. п.8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». Электронный ресурс <https://www.vsrif.ru/documents/own/7959/> дата обращения 10.02.2021

законодательства. Жизнь человека ни при каких условиях не может выступать объектом (основным или дополнительным) состава административного правонарушения.

Наряду с указанными выше, есть группа объектов — конституционные права и свободы граждан, интересы формирования личности несовершеннолетнего — которые традиционно рассматриваются как область межотраслевой дифференциации ответственности в зависимости от характера посягательства и объёма причиняемого вреда, и именно здесь возникает наиболее тесное соприкосновение преступлений и проступков.

Анализ позволяет выделить две группы смежных проступков и преступлений, различающихся техникой описания их составов. Первую группу образуют составы административных правонарушений, при конструировании которых законодатель сделал специальную оговорку — «если состав не содержит признаков уголовно-наказуемого деяния». К ним следует отнести составы, описанные в ст. 5.16 КоАП РФ (подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах), ст. 5.22 КоАП РФ (незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, бюллетеня для общероссийского голосования), ст. 5.35.1 КоАП РФ (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей), ст. 5.46 КоАП РФ (подделка подписей избирателей, участников референдума), ст. 14.16 КоАП РФ (нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции). Во вторую группу следует отнести составы, описание которых не содержит соответствующей оговорки. Они предусмотрены ст. 5.35 КоАП РФ (неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних), ст. 5.37 КоАП РФ (незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребёнка, передаче его под опеку (попечительство) или в приёмную семью), ст. 5.38 КоАП РФ (нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании), ст. 5.62 КоАП РФ (дискриминация), ст. 6.10 (вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ), ст. 6.23 (вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления

табака), ст. 6.32 (нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности).

Разграничение преступлений и смежных с ними административных правонарушений, хотя и представляет собой известную сложность, тем не менее, вполне успешно преодолевается на практике на основе указанных выше коллизионных правил, а также с учётом доктринального и нормативного понимания разграничительных признаков, к каковым традиционно относятся признаки субъекта, предмет, характер деяния и некоторые иные.

В ряде объектов, раскрывающих интересы личности, существует ещё одна группа конституционно значимых ценностей, отношение к которым со стороны законодателя в последние годы существенно меняется. Речь идет о здоровье человека, его физической неприкосновенности, чести и достоинстве. Если из первоначальной редакции УК РФ и КоАП РФ следовало, что лишь неосторожное причинение лёгкого вреда здоровью не влечёт публично-правовой ответственности, тогда как любое деяние (умышленное или неосторожное), связанное с причинением и тяжкого, и средней тяжести вреда здоровью, было уголовно наказуемым, равно как и любое посягательство на честь и достоинство, то в последние несколько лет ситуация коренным образом изменилась. Декриминализация побоев и оскорбления с конструированием соответствующих составов административных проступков, декриминализация неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью с последующей дифференциацией ответственности за проступки, содержащие такой признак, свидетельствуют о том, что в оценке отмеченных объектов произошли существенные сдвиги, официально оправданные потребностью в гуманизации уголовной политики.

Между тем такие решения далеко не всегда воспринимаются как оправданные, прежде всего, по причине своей непоследовательности и противоречивости. Так, не может восприниматься в качестве продуманных решений декриминализация (Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ) и последующая через несколько месяцев криминализация (Федеральным законом от 28.07.2012 № 141-ФЗ) клеветы; декриминализация оскорбления между частными лицами при сохранении ответственности за оскорбление участников судебного разбирательства и лиц, участвующих в отправлении правосудия (ст.297 УК РФ), представителя власти (ст.319 УК РФ), военнослужащего (ст.336 УК РФ); декриминализация неосторожного причинения

средней тяжести вреда здоровью при неустановлении ответственности за это деяние в КоАП РФ и сохранении данного признака в ст.124 УК РФ.

Эти обстоятельства оцениваются в научной литературе и на практике как отступление от требований всемерной охраны здоровья²², как нарушение требований системности в политике и законодательстве²³, как проявление неравного подхода к охране интересов частных лиц и представителей власти²⁴. При этом есть основания полагать, что отрицательные оценки законодательных решений являются преобладающими, образуют мейнстрим теоретического дискурса.

Не повторяя общеизвестного относительно требований системности и равенства в установлении ответственности, заметим, что обсуждение состоявшихся законодательных решений в контексте темы межотраслевой дифференциации ответственности должно начинаться с уяснения принципиального вопроса — о допустимости установления административной ответственности за посягательства на здоровье, честь и достоинство граждан.

Но вопрос этот связан не только (а, возможно, и не столько) с социально-правовой оценкой значимости самих этих конституционных ценностей, а с определением сути административно-деликтного законодательства: является ли оно законодательством об ответственности лишь за деяния, которые не обладают высокой («криминальной») общественной опасностью, либо же это законодательство об ответственности за некоторую специфическую группу деяний, так или иначе связанных с административной, управленческой деятельностью государства. Причём установление природы и сути административно-деликтного законодательства (а следовательно, и административных правонарушений) будет иметь значение не только для решения вопроса о криминализации или декриминализации посягательств на здоровье, честь и достоинство, но также и для оценки посягательств на конституционные права граждан

22 См.: Побегайло Э.Ф. Кризис современной уголовной политики // Уголовное право. — 2004. — № 4. — С. 115; Кузнецов А., Нуркаева Т. Вопросы уголовно-правовой охраны здоровья в свете изменений и дополнений Уголовного кодекса // Уголовное право. — 2004. — № 3. — С. 38.

23 См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. — М.: Юрлитинформ, 2019. — С. 260.

24 См.: Законопроект № 956144-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части исключения из Уголовного кодекса РФ статьи 319». Электронный ресурс: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/956144-7> (дата обращения: 25.07.2020).

и интересы несовершеннолетних, то есть универсальное значение, приемлемое для всех охраняемых объектов. С учетом этого обстоятельства должны оцениваться и выдвигающиеся в науке предложения, как о криминализации некоторых административных проступков против личности²⁵, так и о частичной декриминализации преступлений с установлением административной ответственности за соответствующие деяния²⁶.

В современной научной литературе нет единого подхода к пониманию природы административных правонарушений. Оставим в стороне большую дискуссию относительно того, стоит ли ограничивать сферу административной ответственности лишь ответственностью государства (публичной администрации) перед индивидом. Это классическое для западной правовой доктрины понимание административной юстиции составляет совершенно самостоятельную область исследования, которая не имеет касательства к нашей теме. Ограничимся анализом административных правонарушений как малозначительных с точки зрения представлений о «криминальной опасности» деликтов, которые совершаются, в том числе «частными» лицами.

В науке было высказано мнение о том, что административно-правовое отношение, как объект административных правонарушений, есть урегулированное административно-правовой нормой управленческое общественное отношение, в котором стороны выступают как носители взаимных обязанностей и прав, установленных и гарантированных административно-правовой нормой, и содержание которого образует поведение управляемых лиц в сфере реализации исполнительной власти. Отсюда — делается вывод о том, что деяния, которые не связаны с нарушением механизма

25 Специалисты, к примеру, предлагают установить уголовную ответственность за оскорбление (Аратова А.А. Административная ответственность за оскорбление: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 11, 18), за вовлечение несовершеннолетних в курение (Зырянов В.Н. Попустительство преступлениям, посягающим на права человека и гражданина // Конституционные гарантии прав и свобод человека (сборник научных статей). — Ставрополь: СГУ, 1999. — С. 15).

26 Предлагается, например, установить административную ответственность за воспрепятствование профессиональной деятельности журналиста, не сопряжённое с принуждением (Красильникова Е.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2007. — С. 20 — 21), за частичную невыплату заработной платы (Панкратова О.В. Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ): уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — С. 12 — 13).

исполнительной власти, не связаны с посягательством на организационную деятельность (например, клевета и оскорбление), не могут считаться административными правонарушениями²⁷. Но такой подход «взламывает» представления о единстве всех предусмотренных в КоАП РФ правонарушений, позволяет выделить в них те, что посягают на опосредованную административными актами управленческую деятельность, и те, что посягают на иные отношения. Определить природу последних в таком случае не представляется возможным. Хотя некоторым выходом из ситуации могла бы здесь стать концепция уголовного проступка²⁸ (если проступком считать административные правонарушения, не связанные с посягательством на управленческую деятельность), но она только затруднит при таком подходе разграничение и определение правовой природы преступлений, уголовных проступков и административных правонарушений. Согласимся с В.Ф. Лапшиным, который пишет: «Выделение правонарушений переходного значения — уголовных проступков, является нерациональным решением. В противном случае будет иметь место нарушение ... системы межотраслевой дифференциации юридической ответственности, что приведет к значительному увеличению объема действующего уголовного закона, а также к назначению наказаний, схожих по содержанию с мерами административного воздействия. Поэтому виды уголовно наказуемых деяний, которые к настоящему времени утратили присущую преступлению общественную опасность, целесообразнее не переводить в категорию уголовного проступка, а признать административным или иным правонарушением с одновременным исключением соответствующей статьи из УК»²⁹.

В этой связи представляется более убедительным подход, в соответствии с которым административные правонарушения рассматриваются просто как деяния, обладающие меньшей, по сравнению с предусмотренной в УК РФ, опасностью, но единые по своей природе с преступлениями, в рамках учения об «уголовной сфере» и классификацией

27 Пелипенко Р.С. О декриминализации клеветы и оскорбления // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2012. — № 4. — С. 163 — 171.

28 См.: Рогова Е.В. Уголовный проступок и межотраслевая дифференциация ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2017. — № 3. — С. 23 — 29.

29 Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2016. — С. 15 — 16.

уголовно-противоправных деяний на преступления, проступки и нарушения³⁰. Не углубляясь в решение вопросов о том, по каким конкретно критериям такая градация может (или должна) осуществляться, подчеркнём главное — преступление и административное правонарушение обладают единой, причём подчеркнуто уголовно-правовой природой. С этой точки зрения выбор законодателем уголовного или административно-деликтного закона для описания оснований публично-правовой ответственности приобретает дополнительные основания. Более того, при таком подходе поставленный выше вопрос о допустимости применения КоАП РФ для оценки посягательств на здоровье, телесную неприкосновенность, честь и достоинство, а также права граждан и интересы формирования личности несовершеннолетнего лишается своего основания. Само по себе содержание объекта посягательства не может предопределять выбор вида ответственности за него. Здесь уже «вступают в действие» иные факторы криминализации, включая последствия деяния, способ его совершения, форму вины и т.д.. С учетом сказанного, декриминализация деяний против личности, не обладающих с точки зрения законодателя в современных условиях опасностью, достаточной для его признания преступлением, с одновременным (или последующим) установлением за него ответственности в КоАП РФ не может рассматриваться как достаточное основание для критики и оценки политики как дефектной.

Главное условие эффективности таких решений — справедливая оценка общественной опасности деяний и соблюдение выработанных наукой и практикой принципов и правил обеспечения межотраслевой согласованности правовых запретов. Основные эти правила были удачно сформулированы Л.Л. Кругликовым, который верно указывает: «В процессе межотраслевой дифференциации должна обеспечиваться преемственность, в том числе в видах юридической ответственности...; должны четко определяться разграничительные признаки смежных деяний, включаемых в различные отрасли законодательства»³¹. Принципы преем-

30 См. об этом: Головки Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. — 2013. — № 1 (5). — С. 42 — 52; Головки Л.В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex Russica (Русский закон). — 2016. — № 1. — С. 139 — 145.

31 Кругликов Л.Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // Lex Russica. — 2014. — № 3. — С. 307, 310.

ственности и чёткости в разграничении оснований административной и уголовной ответственности признаются всеми специалистами. Развивая их, В.Ф. Лапшин указывает: «Сущность правила чёткости в определении разграничительных признаков заключается в следующем: а) точное совпадение юридически значимых признаков, характеризующих процесс осуществления деяния (действия или бездействия); б) установление признаков, характеризующих стоимостное (количественное) выражение общественно опасных последствий, наступивших в результате совершения административного или уголовно-наказуемого деяния, ... что позволяет произвести строгое разграничение указанных видов правонарушений; в) максимальный размер санкции за совершение квалифицированного (особо квалифицированного) вида административного правонарушения должен быть менее минимального размера санкции, установленной за совершение аналогичного уголовно-наказуемого деяния»³².

Нет оснований оспаривать приведённые цитаты. Однако отталкиваясь от этих правил, следует обратить дополнительное внимание на процессы нормативного разграничения преступлений и административных правонарушений, посягающих на личность.

Начнем, пожалуй, с одного из наиболее спорных и сложных решений законодателя — с декриминализации неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью. Это решение, коснувшееся не только ст. 118 УК РФ, но и ст.ст. 143, 216, 219, 263, 264, 266, 267, 268, 269 УК РФ, не сопровождалось синхронным включением ответственности за неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью в КоАП РФ³³, лишь гораздо позднее соответствующий признак был добавлен в качестве квалифицирующего в некоторые составы административных проступков, связанных с нарушением специальных правил безопасности (в 2005 году в ст. 12.24 КоАП РФ, в 2007 году — в ст. 12.30 КоАП РФ, в 2009 году — в ст. 11.5 КоАП РФ, в 2011 году — в ст. 20.4 КоАП РФ, в 2017 году — в ст. 12.34 КоАП РФ). При этом, как показывает анализ,

32 Лапшин В.Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2004. — С. 17.

33 Федеральный закон от 08.12.2003 № 161-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 50. — Ст. 4847.

изменения в КоАП РФ компенсировали изменения в составах УК РФ, связанных с нарушением специальных правил безопасности, где здоровье было описано в качестве дополнительного объекта. Собственно же исключение ответственности за причинение «бытового» и «профессионального» неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью не было компенсировано в КоАП РФ созданием соответствующей нормы. А следовательно, такие деяния остаются сегодня в принципе без публично-правовой реакции. Между тем, данные статистики свидетельствуют, что на момент исключения из УК РФ ч.3 и ч.4 ст.118 УК РФ, по данным нормам осуждалось в среднем около тысячи человек (в частности, в 2003 году — 893 человека по ч.3 ст.118 УК РФ и 36 человек — по ч.4 ст.118 УК РФ). Законодатель не посчитал возможным установить для этой категории правонарушителей возможность привлечения к административной ответственности, как это было сделано, к примеру, в отношении лиц, совершающих побои, хотя, если сравнивать санкции первоначальной редакции ч.3 ст.118 УК РФ и санкцию переработанных в разряд административных проступков побоев (ст.116 УК РФ), то они были сопоставимы, а санкция ч.4 ст.118 УК РФ — даже более тяжкая, нежели санкция ст.116 УК РФ. Такое положение вещей, по нашему убеждению, не является оправданным. Полагаем, что и опасность неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью, и правила межотраслевой согласованности дифференциации ответственности, и начала системности законодательства требуют того, чтобы в КоАП РФ появилась общая норма об ответственности за такое деяние.

Критические оценки декриминализации неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью приводят некоторых специалистов к иным выводам. К примеру, И.М. Антонов полагает, что «неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью: 1) обладает выраженным характером и достаточно высокой степенью общественной опасности; 2) причиняет значительный материальный и моральный ущерб; 3) имеет достаточно широкое распространение; 4) поддается воздействию уголовно-правовыми средствами. Следовательно, его можно и нужно криминализировать вновь»³⁴.

34 Антонов И.М. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Владивосток, 2004. — С. 10. С аналогичными предложениями выступают и иные авторы, см., например: Камнев В.Н. Ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью по российскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2011.

Между тем, выбор вида противоправности неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью должен быть поставлен в рамки общей направленности уголовной политики. С учётом последовательно реализуемого в стране курса на максимальную гуманизацию законодательства, принимая во внимание отмеченную выше уголовно-правовую природу административных проступков и их сущностное единство с преступлениями, представляется, что возврат к нормам УК РФ для оценки исследуемого деяния был бы неоправданным, а задачи публичного наказания и предупреждения неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью могут вполне успешно решаться нормами КоАП РФ.

Далее, с точки зрения принципов межотраслевой дифференциации ответственности и правил преемственности, надо оценить положения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за угрозы. В рамках регламентации ответственности за посягательства на личность законодатель криминализирует их либо в качестве самостоятельного преступления (ст.119 УК РФ), либо описывает в качестве способа совершения иных преступлений (ст.ст. 120, 126, 127.2, 131, 132 и др. УК РФ). В КоАП РФ также неоднократно используется понятие угрозы, однако здесь оно используется для описания, прежде всего, последствий действий виновных лиц, которые создают угрозу причинения того или иного вреда. Вместе с тем, в одной единственной норме КоАП РФ угроза характеризует способ совершения деяния. В ст. 5.40 КоАП РФ установлено наказание за принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке путём насилия или угроз применения насилия либо с использованием зависимого положения принуждаемого.

Ответственность за угрозы — большая и вполне самостоятельная тема, полноценно исследовать которую в рамках нашей работы не представляется возможным³⁵. Однако некоторые вполне очевидные соображения нельзя не отметить. Анализ показывает, что в качестве самостоятельного деликта

35 См., например: Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2002; Лукьянова И.В. Угроза как преступление в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2004; Коростылев О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2004; Гертель Е.В. Уголовная ответственность за угрозу: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2006; Фомичева М.А. Угроза как способ совершения преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2008; Клоченко Л.Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019; и др..

ни УК РФ, ни КоАП РФ не называет угрозы совершения против человека какого-либо иного, кроме убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, преступления, например, угрозы причинения средней тяжести вреда здоровью, угрозы обращения в рабство, угрозы совершения изнасилования и насильственных сексуальных действий. Такие деяния остаются вне сферы публично-правовой оценки. Кроме того, угрозы, которые описаны в качестве способов совершения тех или иных преступлений, и угроза в ст. 5.40 КоАП РФ, носят, как правило, весьма ограниченный по своему содержанию характер. В связи с чем, например, вне сферы правового воздействия оказываются принуждение к забастовке под угрозой уничтожения имущества или совершение полового сношения под угрозой уничтожения имущества или под угрозой распространения информации, которое может причинить вред потерпевшей или иным лица (в частности, под угрозой разглашения тайны усыновления). Требуется большого напряжения сил и широкого толкования закона возможность квалификации в качестве преступления принуждения к изъятию органов или тканей для трансплантации под угрозой изнасилования.

Эти проблемы являются следствием двух упущений: отсутствия общей нормы об ответственности за угрозу и наличием множества специализированных предписаний, плохо согласованных между собой. Выход из ситуации видится, прежде всего, в необходимости проведения большой работы по обеспечению системности оценки угрозы в нормах уголовного закона, но, кроме того, также в использовании потенциала административно-деликтного законодательства. В литературе предложено создать ряд норм КоАП РФ, позволяющих оценить различные угрозы³⁶. Однако нам представляется, что конструирование множества специальных норм — тупиковый путь, который к тому же приведёт к неоправданному увеличению нормативного материала. Было бы разумным дополнить КоАП РФ нормой общего порядка, предусматривающей ответственность за угрозу применения насилия, уничтожения имущества, распространения информации, которое может причинить вред интересам потерпевшего, с одной важной принципиальной оговоркой, известной действующему закону — «при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния».

Наибольшую область соприкосновения в деле охраны личности УК РФ и КоАП РФ имеют при регламентации ответственности за нарушения

36 Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. — М.: РГУП, 2017. — С. 116.

конституционных прав и свобод граждан. Более половины преступлений из главы 19 УК РФ (11 из 17) имеют смежные составы административных проступков. Анализ показывает, что законодатель стремится к тому, чтобы предусмотреть чёткие признаки, позволяющие их разграничить, используя в этих целях признаки, характеризующие последствия, способ, субъекта, мотив преступления (см. таблицу 1). Это позволяет правоприменителю относительно успешно решать проблему разграничения деяний.

Таблица 1. Разграничение преступлений и проступков против конституционных прав и свобод граждан

УК РФ (ст.)	КоАП РФ (ст.)	Деяние	Отличительные признаки преступления
136 УК РФ	5.62 КоАП РФ	Дискриминация	Субъект — «лицо, использующее своё служебное положение»
140 УК РФ	5.39 КоАП РФ	Отказ в предоставлении информации	Адресат — только «гражданин» Последствие — «причинение вреда правам и законным интересам граждан»
141 (п. «а» ч.2) УК РФ	5.16 КоАП РФ	Подкуп избирателей	Признаки деяния — «воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав»
141.1 УК РФ	5.18 КоАП РФ	Нарушение порядка финансирования избирательной кампании	Предмет — «крупный размер»
142 (ч.2) УК РФ	5.46 КоАП РФ	Подделка подписей избирателей	Субъект — «совершённые группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» Способ — «соединённые с подкупом, принуждением, применением насилия или угрозой его применения, а также с уничтожением имущества или угрозой его уничтожения» Последствия — «повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства»

143 УК РФ	5.27 КоАП РФ	Нарушение трудового законодательства	Последствия — «причинение тяжкого вреда здоровью»
145.1 УК РФ	5.27 КоАП РФ	Невыплата заработной платы	Деяние — сроки совершения (свыше двух или трех месяцев) Мотив — «корыстная или иная личная заинтересованность»
146, 147 УК РФ	7.12 КоАП РФ	Нарушение авторских прав	Последствия — «крупный ущерб»
148 УК РФ	5.26 КоАП РФ	Воспрепятствование свободе совести	Адресат — «организация» или группы граждан
149 УК РФ	5.38 КоАП РФ	Нарушение законодательства о публичных мероприятиях	Субъект — «должностное лицо с использованием своего служебного положения» Способ — «применение насилия или угроза его применения»

Вместе с тем, некоторые закреплённые в законе решения вызывают критическую оценку:

— Справедливо исключив признак последствий в составе дискриминации, поскольку любое нарушение политических прав гражданина неотделимо от существенных последствий, законодатель, тем не менее, сохранил этот разграничительный признак при описании составов отказа в предоставлении гражданину информации. Однако отказ в предоставлении информации, затрагивающей права гражданина, который не влечёт за собой нарушения прав этого гражданина, теоретически и практически немислим. В связи с чем логика требует трансформации состава преступления, предусмотренного ст.140 УК РФ, из материального в формальный. Но при таком подходе деяния, указанные в ст.140 УК РФ и ст. 5.39 КоАП РФ, становятся неразличимыми, что с учётом представлений об общественной опасности этого деяния ставит вопрос о целесообразности сохранения в системе законодательства нормы об ответственности за административный проступок³⁷;

37 Соответствующие предложения уже высказывались в науке, см.: Смирнов В.А. Статья 140 УК РФ как уголовно-правовое средство обеспечения прав гражданина на информацию в сфере оказания трансплантологической помощи // Сибирский юридический вестник. — 2007. — № 3. — С. 53; Маляр М.Ю. Неправомерный отказ в предоставлении информации (ст. 140 УК РФ): изъяны законодательной техники // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. — 2014. — № 3. — С. 48.

— Справедливо усиливая ответственность за посягательства на избирательные права граждан, законодатель не в полной мере определился с опасностью такого деяния как подкуп избирателей и участников референдума. Указание на подкуп как на способ воспрепятствования свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав, нарушения тайны голосования, а также воспрепятствования работы избирательных комиссий либо деятельности их членов, поставило неразрешимую проблему отграничения деяния, указанного в п. «а» ч.2 ст.141 УК РФ, от проступка, описанного в ст. 5.16 КоАП РФ. От правоприменителя требуется отграничить подкуп, направленный на воспрепятствование избирательным правам, и подкуп, не направленный на такое воспрепятствование. Но должно быть очевидным, что подкуп сам по себе есть воспрепятствование свободе осуществления избирательных прав. С этой точки зрения вполне оправданным выглядят рекомендации специалистов исключить из системы охранительных норм ст. 5.16 КоАП РФ и предусмотреть в УК РФ отдельную норму об ответственности за подкуп избирателей³⁸.

Некоторые нарушения в принципе преемственности и системности наблюдаются при дифференциации ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних.

Так, смежный с составом вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 6.10 КоАП РФ, вполне отчётливо отличается признаком систематичности действий виновного лица и его возрастом.

Между тем, предметом административного проступка выступают, среди прочего, новые потенциально опасные психоактивные вещества, систематическое вовлечение в употребление которых не влечёт усиления ответственности ни в пределах КоАП РФ, ни на основании норм УК РФ. Эти вещества — достаточно новая для законодательства субстанция и подход к оценке действий в отношении них не отличается последовательностью. Законодатель криминализировал действия по незаконному обороту новых психоактивных веществ, наряду с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Что же касается оценки действий по склонению к потреблению таких веществ,

38 См.: Круглень А.Н. Подкуп на выборах, референдуме: преступление или административное правонарушение // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2012. — № 2. — С. 31.

он проявил непоследовательность: установил уголовную ответственность за склонение (то есть совершение разовых действий) к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершённое в отношении несовершеннолетнего, однако для оценки действий, связанных с разовым или систематическим склонением несовершеннолетних к потреблению новых потенциально опасных веществ, использовал только возможности КоАП РФ. Это при том, что вовлечение несовершеннолетних в систематическое потребление менее опасных веществ, в частности, алкогольной и спиртосодержащей продукции, признаётся преступлением. Полагаем, что в данном случае допущена ошибка, которую следует исправить. У законодателя есть два варианта: либо использовать конструкцию ст.151 УК РФ, либо потенциал ст.230 УК РФ. Всё зависит от оценки им опасности новых потенциально опасных психоактивных веществ и определения их природы: следует ли их рассматривать как близкие к алкогольной продукции и требовать для криминализации систематических действий взрослого лица или же их следует рассматривать как близкие к наркотическим и психотропным веществам и на этой основе полагать достаточным одного факта склонения для криминализации. С учётом того, что новые потенциально опасные психоактивные вещества это вещества, оборот которых в РФ запрещён³⁹, нам видится более логичным и правильным использование для оценки случаев склонения к потреблению таких веществ возможностей уголовного закона, в частности, ст.230 УК РФ, что, однако, потребует соответствующей корректировки ст. 6.10 КоАП РФ.

С точки зрения согласованности норм вызывает сомнения справедливость решения законодателя об установлении различных возрастных рамок субъекта ответственности деяний, указанных в ст.151 УК РФ и ст. 6.10 КоАП РФ. Складывается ситуация, при которой нормы административного законодательства применяются для оценки систематических действий лица в возрасте 16 — 17 лет, а также для оценки разовых (единичных) действий всех лиц, достигших 16 лет, тогда как нормы УК РФ — только для оценки систематических действий, достигших восемнадцатилетия. При этом требование возрастного превосходства

39 См. ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 2. — Ст. 219.

виновного над потерпевшим выдвинуто только для состава преступления. Но именно это требование, на наш взгляд, и должно быть доминирующим при выборе решения о возрасте субъекта правонарушения, поскольку его соблюдение обеспечивает надлежащее содержание умысла и степень виновности. А потому разумным полагаем повысить возраст субъекта правонарушения в ст. 6.10 КоАП РФ с тем, чтобы обеспечить межотраслевую преемственность и согласованность.

Подводя итог исследованию вопросов, поднятых в настоящей части работы, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы и предложения:

— теоретической предпосылкой самой возможности межотраслевой дифференциации уголовной и административной ответственности за посягательства на личность выступает подтверждённое практикой Европейского Суда по правам человека понимание преступлений и административных проступков как деяний, обладающих по сути своей единой понятийной природой и требующих единых процессуальных гарантий конституционных прав, но различающихся уровнем общественной опасности;

— межотраслевая дифференциация ответственности за посягательства на личность может осуществляться посредством дифференциации как оснований ответственности за правонарушения, так и видов ответственности в случае их совершения;

— дифференциация оснований ответственности за посягательства на личность представляет собой конструирование законодателем составов административных проступков и составов преступлений, которые традиционно именуется в науке «смежными», и которые описывают различающиеся уровнем опасности разновидности одного и того же деяния;

— динамический аспект дифференциации оснований ответственности за посягательства на личность представляет собой процесс изменения законодательной оценки вида противоправности правонарушения, отражающийся в одновременном переводе декриминализированных преступлений в разряд административных правонарушений либо напротив, в признании уголовно-противоправными деяний, которые ранее считались проступками;

— статистический аспект дифференциации оснований ответственности выражается в системе смежных составов преступлений

и административных правонарушений, конструирование которой должно быть подчинено требованиям преемственности составов и чёткости (определённости) изложения их признаков в тексте нормативных правовых актов; надёжным технико-юридическим приёмом разграничения составов правонарушений должна служить оговорка в составах административных правонарушений об отсутствии в них признаков уголовно наказуемого деяния;

— соблюдение правил межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на личность предполагает необходимость корректировки действующего законодательства по следующим направлениям:

а) включение в КоАП РФ норм об ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности и за угрозу применением насилия, уничтожением имущества, распространением информации, которой может быть причинён вред интересам потерпевшего;

б) исключение из КоАП РФ ст. 5.39 и ст. 5.16; исключение из числа признаков правонарушения, предусмотренного ст. 6.10 КоАП РФ, вовлечения несовершеннолетнего в употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ;

в) исключение последствий из числа обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ; криминализация на уровне отдельной статьи закона подкупа избирателей и участников референдума; криминализация в рамках ст. 230 УК РФ склонения несовершеннолетнего к употреблению новых потенциально опасных психоактивных веществ.

§ 2. Межотраслевая дифференциация видов ответственности за посягательства на личность

Межотраслевая дифференциация ответственности за посягательства на личность, как было отмечено в предшествующем изложении, выражается не только в различении оснований возложения уголовной и административной ответственности, что подтверждает процессы дифференциации соответствующих отраслей права. Она имеет и некую «оборотную» сторону, которая отражает процессы интеграции этих отраслей, и проявляется в дифференциации видов ответственности. Суть её состоит в том, что в процессе обеспечения правовой охраны личности законодатель

конструирует определенные механизмы, которые позволяют правоприменителю изменять вид ответственности (с уголовной на административную и наоборот), не меняя при этом правовой характеристики основания этой ответственности. В практическом преломлении это находит выражение в институте освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности и в институте административной преюдиции.

Эти аспекты правового регулирования привлекают, особенно в последнее время, повышенное внимание специалистов, хотя, как правило, соответствующая проблематика не исследуется целостно и в рамках обсуждения проблем дифференциации ответственности. Обсуждение вопросов административной преюдиции сводится к выяснению природы соответствующего преступления и обсуждается в контексте гуманизации и усиления репрессивности законодательства, тогда как вопросы замены уголовной ответственности ответственностью административной не обсуждаются вовсе по причине отсутствия в действующем УК РФ соответствующих оснований. Такая ситуация приводит к консервации аргументов сторонников и противников преюдиции и не способствует выходу научной дискуссии на новый уровень анализа межотраслевой дифференциации ответственности. Между тем, полагаем, что поставленные вопросы требуют совместного анализа. Именно интегративный подход, в рамках которого административная преюдиция и замена уголовной ответственности административной будут рассматриваться как единый двусторонний процесс дифференциации ответственности, необходим для того, чтобы составить взвешенную оценку обсуждаемого направления уголовной политики, определить природу соответствующих институтов и наметить перспективы их использования в отечественной правовой системе.

Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности

В российском законодательстве возможность использования мер административного наказания для реагирования на преступные деяния появилась в конце 70-х годов прошлого столетия. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 08.02.1977 устанавливалась новая редакция

частей 3 и 4 ст.43 Основ уголовного законодательства Союза ССР, согласно которой предусматривалась возможность освобождения от уголовной ответственности для лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, с привлечением лица к административной ответственности⁴⁰. Указом Президиума ВС РСФСР от 11.03.77 соответствующим образом были изменены положения УК РСФСР 1960 г., в ст.50 и ст.50.1 которого значилось, что лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, за которое законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое более мягкое наказание, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление и перевоспитание возможно без применения уголовного наказания с привлечением лица к административной ответственности.

Практика применения соответствующих норм и их доктринальная интерпретация⁴¹ отмечали как достоинства, так и недостатки правовой регламентации освобождения от ответственности с применением мер административного наказания. Не углубляясь в их описание, отметим, что ст.50.1 УК РСФСР 1960 г. просуществовала вплоть до момента утраты этим законом своей силы, несмотря на состоявшееся в 1990 году решение Комитета конституционного надзора СССР, который признал рассматриваемый механизм неконституционным по причине нарушения презумпции невиновности, поскольку нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, позволяющие признавать лицо виновным в совершении преступления и освобождать его от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия

40 Указ Президиума ВС СССР от 08.02.1977 № 5199-IX «О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР» // Ведомости ВС СССР. — 1977. — № 7. — Ст. 116.

41 См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 07.09.1978 № 8 «О практике применения судами мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // БВС СССР. — 1978. — № 5. — С. 6 — 10; Песлякас В.Ч. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (по материалам ЛитССР): дисс. канд. юрид. наук. — Минск, 1979; Мацнев Н.И. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности: дисс... канд. юрид. наук. — Л., 1981.

без рассмотрения дела в суде и вынесения приговора⁴². Комитет рекомендовал устранить это несоответствие в процессе обновления законодательства, что в конечном итоге и было сделано. Действующий уголовный закон не предусматривает аналогов исследуемой нормы.

Вместе с тем, стоит отметить, что основной вектор теоретической дискуссии в оценке ст.50.1 УК РСФСР был задан не столько проблемой соблюдения презумпции невиновности, сколько самой возможностью замены видов ответственности за деяние, юридическая природа и квалификация которого оставалась неизменной в пределах, заданных уголовным и административно-деликтным законодательством. Дискуссия свелась к вопросу о возможности существования нескольких видов ответственности за преступление. При этом, как показывает анализ литературных источников, речь шла именно о внутриотраслевой дифференциации видов ответственности за преступление, что привело к различению понятий «уголовная ответственность» и «ответственность в уголовном праве». А.Н. Тарбагаев писал, что «ответственность в уголовном праве представляет собой своеобразный межотраслевой институт, существенно корректирующий механизм правового регулирования»⁴³. Однако именно в этом нам видится основной изъян теоретических построений того времени. По сути, конструкция ст.50.1 УК РСФСР утверждала не внутриотраслевую дифференциацию видов ответственности в уголовном праве, а межотраслевую дифференциацию уголовной и административной ответственности за противоправное деяние. Согласно закону, освобождение от уголовной ответственности сопровождалось привлечением к административной ответственности и реализацией административного наказания. На это обратил внимание и Комитет конституционного надзора СССР, справедливо утверждая, что привлечение к административной ответственности осуществлялось без решения вопроса о вине.

Такая ситуация воспринималась неоднозначно. Ряд специалистов писал о целесообразности нахождения различных видов ответственности

42 Заключение Комитета Конституционного надзора СССР от 13.09.1990 № 2-8 «О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека» // Вестник Верховного Суда СССР — 1991. — № 1. — С. 45 — 46.

43 Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве // Известия вузов. Правоведение. — 1994. — № 3. — С. 102.

в уголовном законе и необходимости их дифференциации⁴⁴, другие признавали это обстоятельство свидетельством недостаточно чёткого законодательного определения предмета регулирования отрасли уголовного права, его неудовлетворительного разграничения со сферой действия административного права, о «девальвации самого понятия преступления»⁴⁵.

Как мы уже отметили, этот исторический спор был завершён исключением института освобождения от уголовной ответственности с применением мер уголовного наказания из УК РФ. При этом важно подчеркнуть, что такое решение сопровождалось ещё одним принципиальным нововведением: из уголовного закона были исключены нормы об ответственности за преступления с административной преюдицией. Тем самым уголовное право было полностью «очищено» от элементов административной ответственности, а уголовное и административно-деликтное право предельно дистанцированы друг от друга в качестве самостоятельных и не пересекающихся правовых отраслей.

В настоящее время институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности в качестве практической конструкции существует в УК Республики Беларусь⁴⁶. Согласно ст.86 УК Беларуси, лицо, впервые совершившее преступление,

44 Лумпова И.А. Виды ответственности в советском уголовном законодательстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 1991. — С. 7; Шергин А.П. Административная юрисдикция // Советское государство и право. — 1976. — № 6. — С. 15; Чугаев А.П. Индивидуализация ответственности за преступления и её особенности по делам несовершеннолетних. Учебное пособие. — Краснодар, 1979. — С. 4 — 8.

45 Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве: дисс. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада, выполняющего также функции автореферата. — СПб., 1994. — С. 5 — 7; Келина С.Г. Меры ответственности, предусмотренные законодательством, и основания их применения // Государство и право. — 1982. — № 5. — С. 100 — 108; Игнатов А. Н., Красиков Ю. А., Побегайло Э.Ф., Шишов О.Ф., Пашин С.А., Палеев М.С. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации // Советская юстиция. — 1992. — № 3. — С. 2; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998. — С. 56 — 57.

46 Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9.07.1999 № 275-3 [Электронный ресурс]: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 01.08.2020); Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29.03.2012 № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности. [Электронный ресурс]: http://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/toco/cae9d2aedc1bdaa2.html (дата обращения: 01.08.2020).

не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление и возместившее ущерб, либо уплатившее доход, полученный преступным путём, либо иным образом загладившее нанесенный преступлением вред, может быть освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, если будет признано, что для его исправления достаточно применения мер административного взыскания. При этом сделана важная оговорка, отражающая системную связь этого института с административной преюдицией: освобождение от уголовной ответственности по указанной статье не применяется к лицу, совершившему преступление, предусмотренное содержащей административную преюдицию статьёй Особенной части. В соответствии со ст.30 УПК Беларуси прекратить при наличии согласия обвиняемого производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания вправе суд, прокурор или следователь с согласия прокурора; административные меры в этом случае применяет прокурор⁴⁷.

Российское законодательство, последовательно отказываясь от реанимации института освобождения от уголовной ответственности с привлечением к ответственности административной, тем не менее встало на путь возвращения административной преюдиции, допуская тем самым применение уголовной ответственности за повторное совершение административных правонарушений. В итоге наблюдается откровенный дисбаланс и противоречивость: разрешая подключение уголовно-правовых средств к реагированию на случаи возрастания опасности при совершении административных правонарушений, законодатель отказывается от возможности использования средств административного права в ситуациях существенного понижения общественной опасности деяния и лица, его совершившего.

Вместе с тем, представляется необходимым заметить, что решение вопроса о дифференциации видов ответственности за совершение преступлений, основанное исключительно на формальном критерии отраслевой принадлежности применяемых к нарушителю закона мер, не может считаться оптимальным. С содержательной точки зрения есть все основания

47 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 [Электронный ресурс]: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=НК9900295> (дата обращения: 01.08.2020).

к тому, чтобы поставить его обсуждение в более широкий контекст дифференциации мер правового воздействия в уголовном законе.

Специалисты уже отметили, что использование в рамках уголовного права наряду с наказанием «иных мер уголовно-правового характера», в частности тех, что применяются при освобождении от ответственности (к ним сегодня следует отнести в первую очередь, судебный штраф) свидетельствует о продолжении процессов дифференциации ответственности в уголовном законе⁴⁸. На необходимость такой дифференциации с прямой ссылкой на опыт применения ст.50.1 УК РСФСР 1960 г. указывал и Верховный Суд РФ в Пояснительной записке к законопроекту № 953369-6⁴⁹, которым предлагалось включить в уголовный закон институт освобождения от уголовной ответственности с применением мер уголовно-правового характера, и который частично был реализован в форме закона, установившего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В этой Пояснительной записке, в частности, указывалось, что ст.50.1 УК РСФСР широко применялась вплоть до принятия УК РФ. ***Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности влекло применение к лицу таких мер административного взыскания, как штраф, исправительные работы или арест. Наиболее применяемым видом административного взыскания являлся штраф, которому в последние пять лет применения ст.50.1 УК РСФСР ежегодно подвергались 81–91 % лиц, освобождённых от уголовной ответственности на основании этой статьи.*** Применение данной нормы было достаточно эффективным, о чём свидетельствуют результаты научных исследований, проведённых ВНИИ МВД СССР в 70-е годы прошлого столетия: уровень рецидива лиц, освобождённых от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, был ниже, чем в других контрольных группах.

48 Румянцев М.С., Кузнецов С.В. Дифференциация уголовной ответственности: юридическое содержание и проблемы межотраслевого характера // Юридическая практика. — 2013. — № 2. — С. 65.

49 Проект федерального закона от 14.12.2015 № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (дата обращения: 07.08.2020).

Как известно, законопроект предусматривал, что при освобождении от уголовной ответственности с применением мер уголовно-правового характера в качестве таковых могут быть применены виды уголовных наказаний, указанные в пунктах «а», «б», «г», «д» статьи 44 УК РФ — штраф, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, обязательные работы, исправительные работы. За исключением исправительных работ предложенные в качестве «иных мер» наказания отчётливо коррелировали административным наказаниям, указанным в пунктах 2, 5, 8, 10 ч.1 ст. 3.2 КоАП РФ: штраф, обязательные работы, лишение специального права, предоставленного физическому лицу, дисквалификация.

Законодатель реализовал идею Верховного Суда РФ частично, допустив применение в качестве мер уголовно-правового характера при освобождении от ответственности только судебного штрафа. Статистические данные свидетельствуют, что ст.76.2 УК РФ применяется в отношении лиц, совершивших преступления против личности, достаточно активно. В среднем около 13% всех освобождённых от ответственности с применением судебного штрафа совершили преступления, предусмотренные Разделом VII УК РФ. Если в целом ст.76.2 УК РФ применяется к 6,6% лиц, в отношении которых судом вынесено окончательное решение по уголовному делу, то среди лиц, совершивших преступления против личности, этот показатель, с учётом показателей общественной опасности деяний, закономерно ниже и равен 3,8%; он варьируется от наибольшего значения в 16,8% среди лиц, совершивших преступления против конституционных прав и свобод граждан, до наименьшего в 0,7% среди совершивших преступления против семьи и несовершеннолетних.

Правовая природа судебного штрафа для современных специалистов во многом остаётся не ясной и не познанной. Некоторые авторы утверждают очевидное, что суть освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа состоит в отказе государства от реализации в отношении лица, совершившего преступление, уголовной ответственности под условием применения судебного штрафа⁵⁰. Другие делают весьма аморфные и не проливающие свет на вопрос заявления о том, что «ин-

50 Полуэктов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — С. 18.

ститут судебного штрафа характеризуется дуальной правовой природой, выраженной в её закреплении в качестве вида освобождения от уголовной ответственности (ст.76.2 УК РФ) и иной меры уголовно-правового характера (гл.15.2 УК РФ), которые представляют собой два взаимосвязанных и взаимозависимых уголовно-правовых института, не имеющих самостоятельной реализации в действующей интерпретации уголовного законодательства»⁵¹.

Основная теоретическая проблема состоит в том, что до включения положений о судебном штрафе в УК РФ, законодатель, конструируя виды освобождения от уголовной ответственности, не предусматривал возможности применения к лицам, совершившим преступления, каких-либо иных мер правового воздействия. Исключением составляла ст.90 УК РФ о применении к несовершеннолетним мер воспитательного воздействия, которая некоторыми авторами воспринималась как необоснованно выбивающаяся из общей концепции освобождения от ответственности и предлагалась к исключению⁵². Считалось, что освобождение от уголовной ответственности предполагает освобождение от всех публично-правовых последствий совершения преступления и «не должно сопровождаться никакими обременениями»⁵³. Включение же в закон судебного штрафа (в совокупности с иными мерами уголовно-правового характера, которые применяются при освобождении от уголовной ответственности) поставило перед наукой трудноразрешимую задачу определения соотношения этих мер, с одной стороны, с наказанием, а с другой стороны — с ответственностью. Причём задача эта должна быть решена в пределах отрасли уголовного права, её институтов и категорий, поскольку замена одного вида ответственности иным видом ответственности действующим законом не допускается. Представляется, что доктрина ещё далека от разрешения этой проблемы,

51 Луценко Н.С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2020. — С. 11.

52 См.: Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2005; Тюрина И.Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как вид освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.

53 Благов Е.В. Освобождение от уголовной ответственности (размышления о проблемах и их преодолении). — М.: Юрлитинформ, 2018. — С. 159.

более того, её полноценное разрешение требует, по сути, создания принципиально новой теоретической концепции уголовно-правового воздействия.

Не ставя целью даже включение в эту большую дискуссию, применительно к нашей относительно частной теме заметим следующее: отказавшись от института замены уголовной ответственности за преступление иными видами ответственности, законодатель в процессе решения объективно существующей задачи дифференциации мер правового воздействия был вынужден искать такие средства, которые позволили бы решить её в рамках отрасли уголовного права, не выходя в область межотраслевого взаимодействия уголовного и административно-деликтного права. Предпосылкой к этому, по всей видимости, стало чёткое представление о том, что уголовное и административное право — полностью самостоятельные и разные (!) отрасли права. При таком подходе *конструирование, наряду с наказанием, параллельной системы мер уголовно-правового характера, которые применяются при освобождении от уголовной ответственности, позволило законодателю решить две проблемы: во-первых, обеспечить дифференциацию мер воздействия на лицо, совершившее преступление, в рамках уголовной ответственности и за её рамками; во-вторых, устранить конституционные сомнения в соблюдении презумпции невиновности, поскольку освобождение от уголовной ответственности и реализация мер уголовно-правового характера без привлечения к административной ответственности (в отличие от конструкции ст.50.1 УК РСФСР, которая требовала такого привлечения) не предполагают решение вопроса о вине.*

В итоге перед нами возникает уникальная конструкция, генезис которой свидетельствует о трансформации института межотраслевой дифференциации ответственности в институт внутриотраслевой дифференциации мер уголовно-правового воздействия.

Административная преюдиция

Ещё одним направлением межотраслевого взаимодействия различных видов ответственности за правонарушение является административная преюдиция, в самом общем виде предполагающая, что повторное совершение административного проступка лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности за аналогичное деяние, порождает основание для привлечения виновного к ответственности уголовной. Возникнув ещё

в УК РСФСР 1922 г., эта конструкция получила поддержку и распространение во всех последующих советских уголовных законах, однако в процессе создания действующего УК РФ была решительно отвергнута законодателем. Однако сегодня она вновь оказалась востребованной. Толчком к реанимации административной преюдиции послужило Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ 2009 г., где было предложено шире использовать в уголовном законе административную преюдицию, т.е. привлекать к уголовной ответственности за некоторые деяния только в случае неоднократного совершения административного правонарушения⁵⁴. На настоящий момент в общем массиве составов преступлений против личности административная преюдиция присутствует в трёх: нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст.116.1 УК РФ), розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст.151.1 УК РФ), неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст.157 УК РФ). Как верно пишет С.А. Маркунцов, наличие уголовно-правовых запретов, сконструированных с административной преюдицией, и постепенное расширение их числа в УК РФ необходимо рассматривать как реальность, в связи чем данные уголовно-правовые запреты должны получить соответствующее научное обоснование⁵⁵.

Такое решение законодателя возродило острую полемику среди специалистов, мнения которых на этот счёт традиционно полярны. По мнению некоторых авторов, конструирование уголовно-правовых запретов с использованием административной преюдиции имеет ряд преимуществ: возрастает их профилактический потенциал, повышается межотраслевая дифференциация уголовной и административной ответственности, реализуется принцип экономии уголовно-правовой репрессии путём «мягкой» криминализации деяний⁵⁶. Эти и близкие аргументы приводит

54 Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации: послание от 12 нояб. 2009 г. // Российская газета. 2009. 13 нояб.

55 Маркунцов С.А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении её использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 4. — С. 31 — 42.

56 Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: российский и белорусский опыт // Предварительное расследование. — 2019. — № 2 (6). — С. 39; Ананич С.В., Духовник Ю.Е. Составы преступлений с административной преюдицией: декриминализовать или оставить? // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — 2020. — № 1 (47). — С. 13.

большинство сторонников административной преюдиции⁵⁷. Другая группа специалистов высказывается категорически против юрисдикции, отмечая, что эта конструкция противоречит принципам уголовного права⁵⁸, способствует усилению репрессивности уголовного закона⁵⁹, не соответствует правилам конструирования составов преступлений и межотраслевой дифференциации ответственности⁶⁰.

Это достаточно «старый» спор и аргументы участников дискуссии, а также их взаимная критика хорошо известны. Между тем, стоит обратить

-
- 57 См.: Досаева Г.С. Административная преюдиция (вопросы теории и практики) и уголовный проступок как новый вид правонарушения в РФ // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 3. — С. 235 — 237; Иванчин А.В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 50 — 53; Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. — 2019. — № 6. — С. 82; Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». — 2011. — № 2 (10). — С. 39 — 40, 41, 42; Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Обоснованность уголовно-правовых норм с административной преюдицией // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 435. — С. 202 — 207.
- 58 Гогин А.А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. — 2004. — № 5. — С. 27 — 32; Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления. — М.: Юрлдитинформ, 2013. — С. 147; Аверинская С.А., Забавко Р.А., Радченко О.В. Административная преюдиция в уголовном праве: доктринальные противоречия // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 1 (88). — С. 72.
- 59 Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. — 1992. — № 2. — С. 65; Ангазаров О. Привлечение лица к уголовной ответственности после привлечения его к административной ответственности за то же правонарушение // Законность. — 2009. — № 2. — С. 56.
- 60 Кузнецова Н.Ф. Цели и механизм реформы Уголовного кодекса // Советское государство и право. — 1992. — № 6. — С. 83; Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. — Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982. — С. 11, 12; Коробеев А.И., Ширшов А.А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 68 — 72; Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — № 3 (23). — С. 64 — 71; Сабитов Р.А. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2019. — Т. 4, Вып. 1. — С. 86.

внимание, что имеющийся научный дискурс сформирован по преимуществу вокруг вопроса о том, соответствует ли преступление с административной преюдицией общему представлению об основании уголовной ответственности, и не включает в себя более широкую проблематику межотраслевой дифференциации ответственности. Но именно с этих более широких позиций только и может быть дана оценка исследуемой конструкции.

Представляется, что административная преюдиция должна рассматриваться как антитеза институту освобождения от уголовной ответственности с привлечением к ответственности административной. Она являет собой в этом случае «обратный процесс» подключения уголовно-правовых средств к реагированию на деяния, которые не обладают опасностью, достаточной для их ординарной криминализации. И именно в единстве анализа этих двух институтов может быть выработано как их адекватное теоретическое восприятие, так и последовательное воплощение в нормотворческой и правоприменительной практике.

С этой точки зрения заслуживает дополнительного анализа вопрос о сущности административной преюдиции. И.О. Грунтов писал, что административную преюдицию целесообразно использовать в тех ситуациях, когда правонарушения по характеру и степени опасности находятся на стыке между административными правонарушениями и преступлениями. «За совершение подобных деяний законодатель может применять меры административной либо уголовной ответственности. Избежать ошибки в процессе выбора форм юридической ответственности можно, используя общие правила криминализации деяний. Возможно также и другое направление: установление на совершение правонарушения в первый раз административной, а во второй — после применения мер административного взыскания — уголовной ответственности. Такое «усреднённое» решение позволяет использовать в определённой последовательности административно и уголовно-правовые формы регулирования. В результате значительно снижается степень возможности принятия законодателем ошибочного решения»⁶¹. Не возражая против такого подхода, можно заключить, что преюдиция позволяет избежать

61 Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Минск, 1985. — С. 3.

рисков неправильной, «завышенной» криминализации, но при этом одновременно избежать рисков недооценки опасности деяний, которые неэффективно предупреждаются мерами административной ответственности. Это подчёркивает динамические характеристики административной преюдиции, её расположение на стыке уголовного и административного права. Юристы отмечают в связи с этим, что сущность административной преюдиции заключается в трансформации юридической ответственности из административной в уголовную, что обусловлено связью последнего из совершенных лицом деяния с решением о назначении административного наказания за предыдущее аналогичное⁶².

Трансформация видов ответственности закономерно порождает вопрос о правовой природе её основания, в связи с чем, собственно, и возникает основная теоретическая проблема исследуемой конструкции: выступает ли основанием уголовной ответственности деяние и остаётся ли это деяние административным проступком или нет.

В решении вопроса можно выделить три основных подхода, каждый из которых обладает определённой объяснительной способностью, но вместе с тем порождает и ряд сложных теоретических рассуждений.

Наиболее уязвимой представляется позиция, которая усматривает основание ответственности за преступление с административной преюдицией в свойствах личности виновного. Так, П.Д. Фризен, оценивая личность правонарушителя, неоднократно совершающего однородные правонарушения, отмечает, что переход административного правонарушения в уголовное преступление происходит через субъекта, совершившего деяние. То есть конструкция данного состава предполагает не переход количества совершённых правонарушений в их новое качество, а приобретение нового качества лицом, совершившим правонарушение или уже преступление⁶³. Аналогичным образом В.И. Колосова полагает, что целесообразность преюдиции следует аргументировать

62 Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — С. 7; Гусев А.В. Административная преюдиция как связующий межотраслевой элемент: доктринальные подходы // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по материалам междунар. науч. —практ. конф. — СПб: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2020. — С. 386.

63 Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук. — Барнаул, 2004. — С. 12 — 14.

не через признак общественной опасности самого деяния (который действительно не меняется в зависимости от количества), а через признак, повышающий опасность виновного⁶⁴. О том же рассуждают иные специалисты⁶⁵. Полагаем очевидным, что такой подход, как противоречащий учению об основаниях как уголовной, так и административной ответственности, не выдерживает критики, а потому и не поддерживается в науке.

Гораздо более аргументированными выглядят две другие позиции, усматривающие основание ответственности в объективных и субъективных признаках деяния. Однако между ними есть принципиальное отличие.

Согласно одному из подходов, ставка делается на характеристику деяния и признаётся, что основанием уголовной ответственности выступает фактически административное правонарушение, совершенное повторно. Специалисты пишут, что административная преюдиция в уголовном праве есть совершение лицом, ранее подвергнутым административному наказанию, нового тождественного или однородного административного правонарушения, за повторное совершение которого предусмотрена уголовная ответственность⁶⁶. Об «аналогичном», «том же самом» деянии как признаке объективной стороны преступления с административной преюдицией утверждают и иные авторы. Основания уголовной ответственности, связанные с совершением лицом ранее административного правонарушения, — это лишь частный вопрос об объективной стороне

64 Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 5 (1). — С. 249.

65 Савельева О.Ю. Институт административной преюдиции в современном уголовном праве // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. — № 2(27). — С. 169; Головки Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богуш Г., Есаков Г. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. — 2017. — № 2 (мнение Г. Резника); Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». — 2011. — № 2 (10). — С. 40, 41.

66 Мустафаев Ч.Ф.-оглы. Административная преюдиция в советском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1986. — С. 8; Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2016. — С. 12 — 13; Сытников В.О. Правовые проблемы конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ // Пробелы в Российском законодательстве. — 2013. — № 6. — С. 167.

состава преступления, — утверждает И.М. Гошаев⁶⁷. «Правда состоит в том, — пишет А.Г. Безверхов, — что преступность деяния определяется в данном случае особенностями ... объективной стороны содеянного. Последняя состоит из двух и более актов однородного противоправного поведения, точнее их тождественных правонарушений, за первое из которых лицо было привлечено к административной ответственности»⁶⁸.

Такой подход в действительности предполагает, что к случаям неоднократного совершения административных проступков законодатель допускает применение уголовной ответственности, тем самым дифференцируя виды публично-правовой ответственности за одно правонарушение.

Именно это обстоятельство вызывает критику у представителей второго подхода, усматривающих основание ответственности за преступление с административной преюдицией в уголовной противоправности этого деяния, делая ставку не на характеристику объективной стороны, а на специальные признаки субъекта такого деяния — состояние его административной наказанности.

Так, А.В. Иванчин указывает, что основанием уголовной ответственности за совершение преступлений с административной преюдицией является не ранее совершённое административное правонарушение, а «новое нарушение... совершённое специальным субъектом — лицом, уже привлечённым к административной ответственности»⁶⁹. О специальном субъекте как составообразующем признаке преступления с административной преюдицией настаивают и иные специалисты⁷⁰.

67 Гошаев И.М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 7. — С. 82.

68 Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». — 2011. — № 2 (10). — С. 44.

69 Иванчин А.В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 52.

70 См.: Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — С. 10 — 11; Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. — М.: РГУП, 2017; Есаков Г.А. Юридические признаки состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII междунар. научн. практ. конф. (28 — 29 января 2016 г.). — М.: РГ-Пресс, 2016. — С. 161 — 164.

Такое решение снимает вопрос о дифференциации видов ответственности за одно правонарушение и переводит дискуссию в ординарную плоскость разграничения оснований различных видов ответственности — разграничение административных проступков и преступлений на основе признаков субъекта правонарушения.

Модели взаимодействия уголовной и административной ответственности: опыт обобщения

Представленный обзор основных подходов к пониманию двух базовых элементов процесса взаимодействия уголовной и административной ответственности подтверждает высказанную в начале параграфа мысль о том, что их анализ в науке осуществляется, как правило, разрозненно, что не способствует выработке системного взгляда на проблему. Если же подняться на более высокий уровень обобщения и рассмотреть этот процесс в единстве составляющих его компонентов, то *представляется возможным представить вполне определённую типологию моделей взаимодействия уголовной и административной ответственности, различающихся исходным пониманием сути уголовного и административно-деликтного права*. Типология эта может выглядеть следующим образом:

1. *Модель жёсткого противостояния*. В отечественном праве наблюдать её можно было с момента активации действующего кодекса в 1997 году до начала возврата в него в 2011 — 2016 годах норм о преюдиции и судебном штрафе.

Исходный пункт состоит в том, что уголовное и административно-деликтное право являют собой самостоятельные и предметно непересекающиеся отрасли права. Отсюда следует признавать, что:

— преступление как общественно опасное поведение и административный проступок как не опасное, а вредоносное поведение, качественно различаются между собой;

— административная преюдиция недопустима, поскольку неоднократное совершение проступков не приводит к возникновению нового, преступного качества деяния, при этом неоднократность проступка может учитываться в пределах дифференциации ответственности в рамках административно-деликтного права;

— замена уголовной ответственности ответственностью административной отражает смешение предметов правового регулирования и является принципиально недопустимым явлением, к тому же нарушающим требования презумпции невиновности.

2. *Модель жёсткого взаимодействия.* Хотя это прямо и не признавалось в отечественной доктрине, но по сути своей, такая модель проявляла себя в 70 — 90-е годы прошлого столетия, когда уголовный закон активно использовал нормы о преюдиции и замене уголовной ответственности за преступление иными видами ответственности.

Исходный пункт заключается в признании единой пунитивной природы уголовного и административно-деликтного права, отсутствии жёстких содержательных границ между их предметами. Отсюда следует признавать, что:

— преступление и административный проступок, обладая общим качеством общественной опасности, различаются лишь в степени этой опасности;

— административная преюдиция и освобождение от уголовной ответственности с привлечением к ответственности административной принципиально допустимы как проявление, по сути, внутриотраслевой дифференциации ответственности, выступая расширенными аналогами рецидива и последствий изменения категориальной принадлежности деяния.

3. *Модель мягкого противостояния.* Её мы можем наблюдать в текущий период истории отечественного уголовного права, она выступает модифицированным проявлением второй модели и пришла на смену первой из выделенных.

В рамках этой модели сохраняется представление о формальной самостоятельности уголовного и административно-деликтного права, хотя оно и активно торпедируется учением об «уголовной сфере». Исходя из этого, признается, что:

— преступление и административное правонарушение различаются характером и степенью общественной опасности, выбор уголовно-правовых или административно-правовых средств воздействия на него является исключительной прерогативой законодателя;

— уголовное и административно-деликтное право, будучи самостоятельными, тем не менее, должны иметь некоторый механизм взаимодействия, который исключая замену одних правовых средств реагирования

на правонарушение средствами иной отрасли права, будет отражать как потенциальную динамику опасности самого нарушения, так и степень жёсткости правового реагирования на него;

— замена уголовной ответственности административной ответственностью не допускается, что не исключает конструирование в уголовном законе конструкций, позволяющих применять более мягкие чем уголовное наказание средства воздействия на нарушителя за пределами уголовной ответственности;

— административная преюдиция допускается не в качестве отражения межотраслевого взаимодействия отраслей права, а как юридико-технический приём, посредством которого описываются специальные признаки субъекта преступления.

Рассматривая эти модели и определяя своё отношение к проблеме взаимодействия уголовной и административной ответственности за посягательства на личность, надо признать в качестве необходимых теоретических предпосылок, как минимум, два принципиально значимых тезиса:

— Во-первых, *взаимодействие различных видов публично-правовой ответственности является объективно необходимым и оправданным компонентом правового регулирования*. Жизнь и криминальные реалии слишком разнообразны и подвижны, чтобы «уложить» их в жёсткие рамки непересекающихся отраслей права и законодательства. Динамика общественных отношений, динамика правонарушающего поведения, динамика показателей опасности личности с необходимостью требуют того, чтобы в пределах стабильной правовой системы, без постоянных корректировок законов, у правоприменителя была бы реальная возможность учесть всё многообразие различающихся ситуаций и выбрать оптимальную меру правового воздействия на нарушителя, при соблюдении, естественно, как основных конституционных прав и свобод правонарушителя, так и публичных интересов обеспечения безопасности. С этой точки зрения первая из указанных моделей — «модель жёсткого противостояния» — представляется не вполне удачной, что в полной мере подтвердила современная история развития уголовного права;

— Во-вторых, *взаимодействие уголовной и административной ответственности не может быть однонаправленным (в сторону замены менее строгой более строгой или наоборот), оно должно учитывать как потенциал роста опасности деяния и личности виновного, так и потенциал ее*

сокращения. В связи с этим проблематика административной преюдиции и замены уголовной ответственности мерами, близкими к ответственности административной, должна восприниматься как многосоставная, но единая по своей природе. В связи с чем недопустимо, к примеру, выступать за сохранение института судебного штрафа и одновременно отстаивать недопустимость использования административной преюдиции. Логика требует либо последовательного отрицания этих институтов, что демонстрируют работы Н.А. Лопашенко⁷¹, либо их поддержки, о чём свидетельствуют работы Н.И. Пикурова⁷².

С учётом этих обстоятельств, выбор типа взаимодействия уголовной и административной ответственности может располагаться лишь в пределах, заданных второй и третьей из выделенных моделей — между «жестким взаимодействием» и «мягким противостоянием». При этом должно быть очевидным, что определяется он (выбор), прежде всего, глобальным пониманием природы уголовного и административного права. *С учётом исторического опыта взаимодействия уголовной и административной ответственности, современного состояния теории и практики их реализации, уровня развитости учения об «уголовной сфере», полагаем, что воплощаемая в российском праве на текущий момент модель «мягкого противостояния» представляется наиболее удачной, отражающей оптимальный баланс и компромисс между нормами уголовного и административного права в оценке общественной опасности правонарушений.*

В глобальном отношении важно заметить, что такая модель, при которой происходит «уголовно-правовое преобразование» административно-деликтных инструментов (в виде применения «иных мер уголовно-правового характера» вместо привлечения к административной ответственности при освобождении от уголовной ответственности и в виде

71 Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 84 — 93; Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — № 3 (23). — С. 64 — 71.

72 Пикуров Н.И. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: юридическая природа и перспективы применения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIV Международ. науч.-практ. конф. — М.: Оригинал-макет, 2017. — С. 262 — 267; Пикуров Н.И. Административная преюдиция в уголовном праве: возможна ли реабилитация? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. IV международ. науч.-практ. конф. — М.: Проспект, 2007. — С. 88 — 93.

трансформации преюдиции из неоднократного совершения административных проступков в признак специального субъекта преступления), воплощает в себе формальное, внешнее несоответствие институтов уголовной и административной ответственности, и тем самым выводит конструкцию освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа и административную преюдицию из сферы рассуждений о межотраслевой дифференциации ответственности в область рассуждений о внутриотраслевой, уголовно-правовой дифференциации мер правового воздействия. Межотраслевой компонент в этой модели остается лишь в качестве её историко-правовой предпосылки. Однако именно этот исторический фон и контекст в современных условиях позволяют правильно выстроить оптимальную систему мер и механизм «стыковки» уголовного и административно-деликтного права.

Состояние и перспективы взаимодействия уголовной и административной ответственности

Определившись с принципиальной допустимостью и социально-исторической обусловленностью реализуемого в действующем законе механизма взаимодействия уголовной и административной ответственности, можно перейти к решению некоторых частных проблем дифференциации ответственности за посягательства на личность.

Начнём с вопроса об освобождении от уголовной ответственности с применением к лицу, совершившему преступление, иных мер правового воздействия (административной ответственности — в исторической ретроспективе, мер уголовно-правового характера — в современных условиях). При этом возьмём за данность, не требующую обсуждений на страницах настоящей работы, тот факт, что освобождение от уголовной ответственности с применением мер воздействия, отличных от наказания, во-первых, принципиально допустимо, а во-вторых, может предполагать применение к лицу, совершившему преступление, различных по содержанию мер воздействия, не только воспитательного, социально-реабилитационного, компенсационного характера, но и мер правоограничительного свойства, степень жёсткости и репрессивности которых находится за пределами нижних границ строгости уголовного наказания. Именно в этом и состояла

суть освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности.

В ст.ст. 50 и 50.1 УК РСФСР было определено, что освобождение от ответственности с применением мер административного наказания применяется в случае совершения преступлений, не представляющих большой общественной опасности, за которые законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое более мягкое наказание. Это деяние по степени общественной опасности хотя и не рассматривалось как малозначительное, тем не менее не соответствовало и представлениям об опасности преступления, что давало потенциальную возможность уравнивать его опасность с опасностью административного правонарушения и применить соответствующие этому меры. В таком механизме межотраслевой дифференциации ответственности отчётливо видна параллель с современной конструкцией ч.6 ст.15 УК РФ, которая позволяет изменить законодательно установленную категорию преступлений, с той лишь принципиальной разницей, что ст.ст. 50 и 50.1 УК РСФСР давали возможность суду, по факту, изменить отраслевую противоправность совершённого поступка.

Такая логика была нарушена при конструировании ст.76.2 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Сегодня закон описывает соответствующее преступление весьма широко — «впервые совершённое преступление небольшой или средней тяжести». Тем самым был существенно повышен порог опасности преступления, в случае совершения которого допускается освобождение от ответственности. В их разряд попали умышленные деяния, караемые пятью годами лишения свободы, и неосторожные преступления с максимальной санкцией в десять лет лишения свободы. Заметим, что они составляют основной массив преступлений против личности, среди них — все неосторожные и большинство умышленных преступлений против жизни и здоровья, включая привилегированные виды убийств (ст.106, чч. 1, 2 ст.107, чч. 1, 2 ст.108, ст.113, ст.114 УК РФ, чч. 1, 2, 3 ст.110.1, чч. 1, 2 ст.112, чч. 1, 2 ст.115, ст.116, ст.116.1, ч.1 ст.117, чч. 1, 2 ст.119, чч. 1, 2 ст.120, ст.121, чч. 1, 2, 4 ст.122, чч. 1, 3 ст.123, чч. 1, 2 ст.124, чч. 1, 2 ст.124.1, ст.125 УК РФ), преступления против свободы (ч.1 ст.126, чч. 1, 2 ст.127, ч.1 ст.127.1, ч.1 ст.128 УК РФ), преступления против чести и достоинства (ст.128.1 УК РФ), половые преступления

(чч. 1, 2 ст.133, ч.1 ст.134, ч.1 ст.135 УК РФ), практически все преступления против конституционных прав и свобод граждан и преступления против несовершеннолетних. При наличии сегодня ч.6 ст.15 УК РФ, пожалуй, было бы большой ошибкой утверждать, что совершение таких преступлений впервые (особенно при сложившейся в судебной практике трактовке понятия «лицо, впервые совершившее преступление»⁷³) представляет опасность, сравнимую с административными проступками, минуя при этом стадию сопоставления с опасностью преступлений небольшой тяжести. Разрабатываемые в литературе предложения об ограничении возможности освобождения от ответственности с применением судебного штрафа в случае совершения некоторых преступлений средней тяжести (в том числе половых преступлений и преступлений, последствием которых выступает смерть потерпевшего⁷⁴) выглядят, хотя и обоснованными, но выступают лишь паллиативной и к тому же тупиковой мерой, ибо список исключений может быть весьма большим. В целом создание специальных предписаний в данном случае не представляется оптимальным решением.

Полагаем, что *с учётом изложенного выше относительно генезиса конструкции судебного штрафа, его применение следует рассматривать в качестве логического продолжения предписаний ч.6 ст.15 УК РФ. В случаях, когда преступление небольшой тяжести по степени своей опасности не соответствует уголовно-правовым и конституционным критериям опасности преступления, зафиксированной в ст.14 УК РФ, у суда должна иметься возможность «трансформировать» своей волей такое преступление в административное правонарушение. При этом с учетом особенностей модели «мягкого противостояния» уголовной и административной ответственности, такая трансформация должна осуществляться исключительно в пределах уголовного закона, что позволяет*

73 См. п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

74 См., например: Полуэктов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — С. 12; Хлебницына Е.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — С. 9 — 10; Луценко Н.С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2020. — С. 13.

обеспечить конструкция освобождения от ответственности с применением мер уголовно-правового характера. Помимо преступлений небольшой тяжести, которые могут заслуживать применения мер воздействия, сопоставимых по силе репрессии с административным наказанием, в уголовном праве есть ещё одна группа деяний, на которые может распространяться исследуемая конструкция освобождения от уголовной ответственности. Речь идёт о малозначительных деяниях, упомянутых в ч.2 ст.14 УК РФ. Специальные исследования доказывают, что лицо, совершившее малозначительное деяние, не подлежит уголовной ответственности, но при наличии к тому оснований может быть привлечено к иной юридической ответственности⁷⁵. Между тем механизм такого «привлечения» крайне сложный, неудобный и практически не используется на практике, в результате чего основной массив малозначительных деяний остается без реакции со стороны государства. Минимизировать эту прикладную проблему, а также решить старый спор о правовой природе малозначительности можно, используя рассматриваемую нами конструкцию освобождения от ответственности с применением судебного штрафа, опять же памятуя о её генетической связи с межотраслевой дифференциацией ответственности.

Надо отметить, что в науке высказывались как суждения о том, что малозначительное деяние должно признаваться основанием освобождения от ответственности⁷⁶, так и мысль о необходимости обеспечить

75 См.: Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. — М.: РГУП, 2019. — С. 96; Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — С. 10; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2018. — С. 314; Звечаровский И.Э., Саидов М.О., Яцеленко Б.В. Юридическая природа малозначительного деяния // Вестник Российской правовой академии. — 2016. — № 3. — С. 62; Винокуров В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. — 2014. — № 4. — С. 76; Дорохов Н.А., Безрук А.Н. Правовое явление «малозначительные деяния» // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2012. — № 1. — С. 95; Степанов В.В. Малозначительность правонарушения в российском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — С. 9; Мальцев В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. — 1999. — № 1. — С. 17.

76 См.: Лесниченко И.П. Уголовная ответственность и проблемы её реализации: дисс. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2005. — С. 11, 82 — 85.

административно-правовое реагирование на малозначительные деяния посредством включения в КоАП РФ специализированных норм, предусматривающих административную ответственность за деяния, признанные малозначительными на основании ч.2 ст.14 УК РФ⁷⁷. Однако каждое в отдельности это предложение представляется уязвимым.

На наш взгляд, оптимальный выход из создавшейся весьма запутанной ситуации дифференциации ответственности за деяния, не представляющие большой общественной опасности, с учётом того, что такие деяния в ряде случаев лишь формально соответствуют критериям преступления, требуют мер правовой реакции, отличных от уголовного наказания, не могут вызывать подмену оснований уголовной ответственности основаниями ответственности административной, состоит в существенной и системной корректировке положений ст.76.2 УК РФ и ч.2 ст.14 УК РФ. Полагаем, есть все основания к тому, чтобы: (а) исключить возможность освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа в случае совершения преступления небольшой тяжести; (б) допустить возможность освобождения от ответственности в случае совершения малозначительных деяний с назначением судебного штрафа. Такое решение позволит: (а) продолжить логику ч.6 ст.15 УК РФ за пределами нормативной категоризации преступлений, допуская восприятие отдельных преступлений небольшой тяжести и малозначительных деяний как поведения, обладающего опасностью, сопоставимой с опасностью административного проступка, не выходя при этом за пределы уголовного права в область межотраслевого взаимодействия различных видов публично-правовой ответственности; (б) сохранить генетический смысл освобождения от ответственности с применением мер уголовно-правового характера, продиктованный институтом замены уголовной ответственности ответственностью административной.

Сохранение этой генетической связи обуславливает возможность и некоторых иных существенных корректировок существующего механизма освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа. В кратком изложении они могут быть представлены следующим образом:

77 См.: Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — С. 10.

- *исключить в качестве условия освобождения от ответственности указания на факт совершения деяния «впервые»;*
- *расширить спектр применяемых к освобожденному от ответственности мер правового воздействия, как это предполагалось в упомянутом выше законопроекте Верховного Суда РФ;*
- *в качестве мер уголовно-правового характера предусмотреть известные КоАП РФ: предупреждение в письменной форме, штраф (причём его размер в ст. 76.2 УК РФ должен быть снижен, быть сопоставимым со штрафом в КоАП РФ и не выходить за пределы штрафа, которые устанавливаются в УК РФ за преступления небольшой тяжести), лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью.*

Такие предложения, безусловно, нуждаются в дополнительной проверке, аргументации, сопоставлении с иными институтами уголовного права (прежде всего, с категоризацией преступлений, конструированием санкций и т.п.), но логика, определённая этими предложениями, по нашему убеждению, способна оптимизировать уголовное законодательство и обеспечить необходимый уровень его согласования с предписаниями закона об административной ответственности.

Следующим направлением взаимодействия уголовной и административной ответственности, заслуживающим внимания, выступает, как было отмечено, административная преюдиция. Прогнозируя расширение круга уголовно-правовых запретов с административной преюдицией, специалисты отмечают, что её использование будет способствовать сближению административно-правовых и уголовно-правовых запретов, а в идеале — содержательному расширению их предупредительного воздействия⁷⁸.

Специальные исследования уже обратили внимание на ряд юридико-технических неточностей, допущенных законодателем при конструировании уголовно-правовых норм с административной преюдицией (так, в ряде составов административная преюдиция связана с фактом привлечения к административной ответственности, в других — с назначением административного наказания, в составах преступлений по-разному

78 Маркунцов С.А. О применении уголовно-правовых запретов, сконструированных с использованием административной преюдиции // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2019. — № 3. — С. 258.

определяется срок, в течение которого совершение проступка позволяет рассматривать его в качестве преступления⁷⁹).

Не будем повторять в этой связи общеизвестного, а в характеристике ключевого признака состава с административной преюдицией — субъекта преступления — сошлёмся на позицию Конституционного Суда РФ, который, на наш взгляд, совершенно обоснованно констатировал, что факт привлечения лица к административной ответственности для целей толкования признаков субъекта преступления с административной преюдицией надо понимать как факт его административной наказанности: «если новое административное правонарушение совершается лицом, ранее привлечённым к административной ответственности за аналогичное административное правонарушение, но не подвергнутым административному наказанию вступившим в законную силу судебным актом по делу об административном правонарушении, придание данному обстоятельству административно-деликтного или уголовно-правового значения, влекущего усиление публично-правовой ответственности, не согласуется с конституционными принципами пропорционального, соразмерного и справедливого использования мер государственного принуждения»⁸⁰.

Что же касается вопроса о количестве требуемых для привлечения к уголовной ответственности фактов совершения административных проступков и наказаний за них, то это — исключительно вопрос

79 См. об этом: Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2016. — С. 12 — 13; Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция сквозь призму междисциплинарных связей // Пробелы в Российском законодательстве. — 2016. — № 5. — С. 28 — 33; Курдюк П.М., Чернов Ю.И. Мелкие преступления: взаимосвязь или размывание границ административной и уголовной ответственности? // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2018. — № 1. — С. 12; Савельева О.Ю. Институт административной преюдиции в современном уголовном праве // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. — № 2(27). — С. 168; Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — С. 8; Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — С. 11; Тарасова Ю.Е. Формы множественности преступлений и конструкции множественного совершения деяний в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — С. 17.

80 Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

законодательного усмотрения, который не может быть объектом критики; главное здесь, чтобы в соответствии с конституционными началами правового регулирования, все эти случаи были совершены в период, в течение которого за лицом сохраняется статус административной наказанности, который согласно ст. 4.6 КоАП РФ составляет один год с момента исполнения назначенного наказания. Другое дело, что требования системности и единства в описании составов преступлений требуют унификации подхода к определению срока, в течение которого повторное совершение административного правонарушения может рассматриваться в качестве преступления. Полагаем, что все существующие разночтения в этом отношении должны быть унифицированы на основе конструкции, которая используется, к примеру, в ст.151.1 УК РФ, и согласно которой этот срок должен быть равен периоду административной наказанности.

Рассматривая составы преступлений против личности с точки зрения их соответствия положениям об административной преюдиции, обратим внимание на три аспекта проблемы (исключая обзор позиций тех юристов, которые предлагают полностью отказаться от соответствующей конструкции составов преступлений):

Во-первых, некоторые составы преступлений против личности с административной преюдицией вызывают критическую оценку специалистов, причём критику, обосновывающую диаметрально противоположные рекомендации. Так, оценивая предписания ст. 151.1 УК РФ, Е.А. Герасимова пишет о том, что в данном случае административная преюдиция искусственно принижает способность современного человека сознавать общественную опасность соответствующего деяния без предварительного административно-правового упрёка и предлагает сконструировать на её основе «ординарный состав» в ст.234.2 УК РФ об ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции⁸¹. В то же время О.С. Капинус указывает, что противодействие неоднократной незаконной розничной продаже алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции можно успешно осуществлять

81 Герасимова Е.А. Уголовно-правовое противодействие розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2015. — С. 12 — 13.

посредством административно-правовых мер воздействия, не прибегая к уголовной репрессии⁸².

Во-вторых, некоторые составы преступлений против личности, формально не содержащие указание на преюдицию, воспринимаются специалистами в качестве составов именно с административной преюдицией, в связи с чем предлагается соответствующая корректировка положений уголовного закона и правоприменительной практики. Так, наличие в составе преступления, предусмотренного ст.154 УК РФ, альтернативного признака неоднократности действий по усыновлению, с учётом наличия ст. 5.37 КоАП РФ об ответственности за незаконные действия по усыновлению, указывает, по мнению юристов на то, что ст.154 УК РФ в определённой части фактически содержит описание состава с административной преюдицией. Аналогичные соображения высказываются и в отношении состава преступления, предусмотренного ст.151 УК РФ в части ответственности за систематическое вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ, учитывая наличие ст. 6.10 КоАП РФ об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ⁸³.

В-третьих, с учетом опасности некоторых административных правонарушений и преступлений формулируются предложения о более широком использовании преюдиции при конструировании составов преступлений против личности. Так, в литературе обосновывается необходимость конструирования с использованием приёма преюдиции составов доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения⁸⁴, уклонения от лечения

82 Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. — 2019. — № 6. — С. 85.

83 См.: Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». — 2011. — № 2 (10). — С. 48; Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция сквозь призму междисциплинарных связей // Пробелы в Российском законодательстве. — 2016. — № 5. — С. 28 — 33. С этим высказывают категорическое несогласие иные специалисты, см.: Новикова Е.В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2018. — № 12. — С. 106.

84 Купирова Ч.Ш. Ответственность за преступления против несовершеннолетних (по материалам следственно-судебной практики Приволжского федерального округа): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2015. — С. 11.

венерической болезни⁸⁵, воспрепятствования деятельности религиозных объединений или совершению религиозных обрядов⁸⁶, нарушения трудового законодательства⁸⁷, нарушения правил охраны труда⁸⁸, нарушения порядка финансирования избирательной кампании⁸⁹, нарушения авторских и смежных прав⁹⁰.

Анализ показывает, что в настоящее время в связи с отсутствием консенсуса в отношении административной преюдиции и в целом системного взгляда на соотношение административной и уголовной ответственности, любые предложения будут уязвимыми и вызывать непрекращающийся поток взаимной критики. Исправление ситуации нам видится не столько в поиске дополнительных аргументов в пользу самой конструкции преюдиции, сколько в постановке этой проблемы в более широкий, уголовно-политический контекст учения о преступлении и общественной опасности. Должно быть очевидным и не требующим специальных доказательств положение о том, что *приём административной преюдиции (как и любое правовое средство) может использоваться как для усиления репрессивных начал уголовно-правового регулирования (при переводе административных правонарушений в преступления), так и для смягчения ответственности (при подключении преюдиции к конструкциям уже существующих составов преступлений)*. Однако выбор направления корректировки существующих правил ответственности должен быть не исходной точкой разработки

85 Викторов И.С. Уголовно-правовая ответственность за распространение венерических заболеваний в советском государстве (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1973. — С. 18.

86 Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами (вопросы теории и практики): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Нижний Новгород, 2002. — С. 19.

87 Воробьев В.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере трудовых отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2002. — С. 11.

88 Мухортова М.В. Преступления, связанные с нарушением специальных правил: природа и особенности элементов состава: дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — С. 203.

89 Вист И.И. Уголовная ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2015. — С. 11.

90 Юрков С.А. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 10 — 11.

конкретных мер, а итогом тщательного анализа уровня опасности тех или иных правонарушений. В условиях же, когда фундаментальный вопрос об общественной опасности административных правонарушений не разработан должным образом⁹¹ (наука в ряде случаев до сих пор отстаивает тезис о качественном отличии административных деликтов от преступлений и об отсутствии у них свойства общественной опасности) сопоставительный анализ опасности преступлений и административных проступков не может быть полноценным. Полагаем, что давно назрела необходимость изменить сам подход к исследованию опасности этих деликтов. Сегодня, в силу сложившейся дифференциации отраслей права и правовых наук, вопросы опасности преступлений и административных проступков исследуются также дифференцированно, в отрыве друг от друга; если исследователь и проводит их совместный анализ, то исключительно в сравнительном контексте (опасность «есть — нет», «больше — меньше»). Такой приём не способствует выработке системного взгляда на проблему, в связи с чем требуется разработка общего учения об общественной опасности противоправных деяний, в рамках которого и будут собственно определены критерии «криминальной» и «некриминальной» опасности. Очевидно, что решение этой задачи не может составлять предмет нашего исследования, однако ключ к её решению со всей очевидностью задан учением об «уголовной сфере», которое только начинает складываться в российской науке.

Подводя итог анализу вопросов соотношения уголовной и административной ответственности за посягательства на личность, представляется возможным сформулировать следующие теоретические выводы и практические рекомендации:

— изменение вида ответственности (с уголовной на административную и наоборот), без изменения при этом правовой характеристики самого основания ответственности, в истории российского права выступало дополнительным механизмом межотраслевой дифференциации ответственности,

91 См. об этом, например: Дерюга А.Н. Общественная опасность — признак административного правонарушения? // Журнал российского права. — 2011. — № 8 — С. 48 — 55; Бежанов В.О. К вопросу о значимости критерия общественной опасности в оценке административных правонарушений // Вестник РГТУ. Сер: Экономика. Управление. Право. — 2014. — № 15. — С. 100 — 105; Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной и административной политики // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 4. — С. 172 — 174.

наряду с дифференциацией составов административных правонарушений и преступлений;

— такой механизм включал в себя функционирование двух институтов — освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности и административную преюдицию; при этом в процессе правовой реформы российского законодательства он претерпевал существенные коррективы — от полного изъятия из закона до частичной реактуализации и модернизации; в итоге сегодня наблюдается определённый дисбаланс в правовом регулировании, когда разрешая подключение уголовно-правовых средств к реагированию на случаи возрастания опасности при совершении административных правонарушений, законодатель отказывается от возможности использования средств административного права в ситуациях существенного понижения общественной опасности деяния и лица, его совершившего;

— исторический и современный опыт дифференциации уголовной и административной ответственности позволяет выделить три модели их взаимодействия, различающихся исходным пониманием сути уголовного и административно-деликтного права: модель жёсткого противостояния (последнее десятилетие XX — первое десятилетие XXI века), модель жёсткого взаимодействия (последняя треть XX века) и модель мягкого противостояния (современный период);

— особенность современной модели состоит в том, что она предполагает «уголовно-правовое преобразование» административно-деликтных инструментов (в виде применения «иных мер уголовно-правового характера» вместо привлечения к административной ответственности при освобождении от уголовной ответственности и в виде трансформации преюдиции из неоднократного совершения административных проступков в признак специального субъекта преступления), воплощает в себе формальное, внешнее несовпадение институтов уголовной и административной ответственности, и тем самым выводит конструкцию освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа и административную преюдицию из сферы рассуждений о межотраслевой дифференциации ответственности в область рассуждений о внутриотраслевой, уголовно-правовой дифференциации мер правового воздействия. Межотраслевой компонент в этой модели остаётся лишь в качестве её историко-правовой предпосылки;

— следуя историко-правовой логике возникновения института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, есть основания к тому, чтобы: ограничить его применение только преступлениями небольшой тяжести и деяниями, признаваемыми малозначительными; исключить в качестве условия освобождения от ответственности указания на факт совершения деяния «впервые»; расширить спектр применяемых к освобождённому от ответственности мер правового воздействия, включив в них предупреждение, штраф, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью;

— сохранение и расширение практики конструирования составов с административной преюдицией требует не только унификации самой конструкции таких составов (повторное или более совершение в период срока административной наказанности административного правонарушения лицом, которое ранее было наказано в административном порядке за аналогичное деяние), но и разработки общего, универсального учения об общественной опасности противоправных деяний на основе концепта «уголовная сфера», объемлющего рассуждения об опасности преступлений и административных проступков.

Глава 2.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 1. Дифференциация уголовной ответственности в процессе криминализации и систематизации преступлений против личности

Внутриотраслевая уголовно-правовая дифференциация ответственности выступает одновременно этапом и элементом дифференциации правовой ответственности за деяния, причиняющие вред личности. В качестве относительно самостоятельного феномена такая дифференциация проявляет себя не только, как это принято считать, на этапе, когда ответственность за преступление против личности уже установлена, но и на этапе самого установления уголовной ответственности за общественно опасное деяние. Это обстоятельство отражает тесную связь процессов дифференциации уголовной ответственности и криминализации, оценка которой в отечественной науке, тем не менее, является весьма неоднозначной.

Один из распространённых подходов к пониманию проблем соотношения криминализации и дифференциации ответственности был аргументирован Т.А. Лесниевски-Костаревой. Рассматривая дифференциацию в качестве одного из принципов и направлений уголовной политики, автор утверждает, что её не следует относить к процессу криминализации (декриминализации). В основе авторской позиции — тезис о принципиальном различии дифференциации оснований ответственности и собственно дифференциации уголовной ответственности. «Дифференцируя основания ответственности, законодатель, по существу, производит процесс криминализации (декриминализации), группирует такие основания в блоки. Однако процесс этот принято называть не дифференциацией, а установлением уголовной ответственности»⁹². Содержательно ограничивая криминализацию исключительно принятием решения об отборе деяния для основного состава преступления, Т.А. Лесниевски-Костарева указывает, что «законодатель

92 Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998. — С. 59, 23.

может дифференцировать уголовную ответственность лишь в рамках процессов пенализации и депенализации»⁹³. «Ещё сильнее, — пишет автор далее, — соблазн использовать термин «дифференциация уголовной ответственности» применительно к группировке отдельных статей в главы и разделы уголовного закона. ... [Однако] при ближайшем рассмотрении оказывается, что классификации подвергаются основания уголовной ответственности, а не её градация, дифференциация»⁹⁴. Этот подход поддерживают и некоторые иные авторы. В частности, Ф.И. Санжаров полагает, что «криминализация и декриминализация никак не связаны с дифференциацией уголовной ответственности, так как при признании деяния преступным (или непроступным) не производится установление различного режима регулирования уголовной ответственности, то есть дифференциация уголовной ответственности»⁹⁵. П.В. Коробов также указывает, что когда законодатель даёт описание основного состава преступления, он определяет основание ответственности и «тут вообще трудно говорить о какой-либо дифференциации в рамках уголовного права. Эта деятельность будет охватываться понятием криминализации деяний»⁹⁶.

При всей внешней логике такой концепции и безусловном праве её на существование, заметим, что согласиться с ней в полной мере достаточно сложно. Установление уголовной ответственности за причинение вреда личности выступает одним из этапов в общей схеме дифференциации правовой ответственности. Криминализация уже включена в число средств дифференциации правовой ответственности. Было бы по меньшей мере нелогичным признавать криминализацию средством дифференциации, когда речь идёт о правовой ответственности вообще, и отказывать криминализации в дифференцирующем содержании, когда речь идёт собственно об уголовно-правовой ответственности. Наличие дифференцирующего компонента, на наш взгляд, не может зависеть от точки зрения. Это

93 Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998. — С. 15, 20.

94 Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998. — С. 60.

95 Санжаров Ф.И. Соотношение дифференциации уголовной ответственности с иными методами уголовной политики // АCADEMY. — 2018. — № 6 (933). — С. 84.

96 Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальные и процессуальные аспекты): сб. науч. ст. / отв. ред Л.Л. Кругликов. — Ярославль: ЯрГУ, 1995. — С. 6.

признаёт и сама Т.А. Лесниевски-Костарева, когда пишет, что «уголовная ответственность дифференцируется законодателем уже на этапе её установления», «на этапе установления уголовно-правового запрета»⁹⁷. Такое утверждение в некоторой степени подрывает позиции Т.А. Лесниевски-Костаревой, но открывает иной, и как нам представляется, более обоснованный путь к пониманию связи криминализации и дифференциации.

Этот второй подход состоит в том, что криминализация деяний вместе с тем есть одновременно и дифференциация ответственности за их совершение. А.П. Козлов и А.П. Севастьянов пишут: «законодатель, признавая деяние преступлением, не ограничивается указанием на то, что за него должно следовать наказание (любое из предусмотренных уголовным законом), он определяет, какие конкретно виды наказаний и в каких пределах могут быть назначены за совершение данного преступления. В результате ответственность за разные преступления становится различной — дифференцированной. Таким образом, устанавливая ответственность за конкретный вид преступлений, законодатель уже на этом этапе дифференцирует наказание, а, следовательно, и уголовную ответственность. При этом тот факт, что ответственность устанавливается одновременно с признанием деяния преступлением, указывает на тесную связь процессов криминализации и дифференциации уголовной ответственности. Криминализация — выделение криминально значимых правонарушений — является основой дифференциации уголовной ответственности»⁹⁸.

Связь криминализации и дифференциации ответственности как самостоятельный предмет анализа в отечественной литературе полномасштабно не исследовалась, хотя отдельные важные указания на этот счёт в литературе высказывались.

Так, рассматривая дифференциацию ответственности как многоаспектное явление, В.К. Дуонов и С.В. Кондратюк пишут, что в одном из своих значений дифференциация уголовной ответственности есть деление ответственности за конкретные виды преступлений, осуществляемое законодателем при конструировании их составов в законе: в зависимости от наличия (или отсутствия) привилегирующих, квалифицирующих

97 Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998. — С. 33, 34.

98 Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. — СПб. Юридический центр Пресс, 2011. — С. 468.

или особо квалифицирующих признаков; в зависимости от конструкции составов преступлений как общих или специальных или в зависимости от их структуры как простых или сложных⁹⁹.

Л.Л. Круликов, обсуждая связи криминализации и дифференциации ответственности, дополнительно указывает, что «группируя деяния в рамках Особенной части Уголовного кодекса, располагая их в определённой последовательности (в том числе относительно друг друга), законодатель преследует цель не просто упорядочить нормативный материал, но и осуществить в пределах возможного дифференциацию ответственности. Это касается не только «глобальной» дифференциации (исходя из приоритетов охраны в триаде «личность — общество — государство»), но и конструирования отдельных разделов, глав, вычленения в пределах каждой главы конкретных групп преступлений и — далее — расположения составов преступлений одной классификационной группы относительно друг друга по мере убывания или возрастания уровня общественной опасности деяний»¹⁰⁰.

Уже эти разрозненные высказывания свидетельствуют, что дифференциация ответственности в процессе криминализации деяний имеет ряд весьма значимых проявлений, во-первых, подтверждающих наличие дифференцирующего начала в криминализации, и, во-вторых, раскрывающих направления и потенциал использования механизма криминализации общественно опасных деяний для решения задач дифференциации ответственности.

Определяя собственное отношение к вопросу о связи криминализации и дифференциации, предварительно отметим, что его решение требует адекватного понимания самого феномена криминализации. Мы не будем входить в детальное обсуждение феномена криминализации, его содержания, принципов, критериев и т.д.. Обратим внимание только на один момент — юридико-технический. Криминализация как уголовно-политический процесс с необходимостью предполагает нормативное оформление

99 Дуонов В.К., Кондратюк С.В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. — 2019. — Т. 9, № 11-1. — С. 206.

100 Круликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — С. 57; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. III. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. — М.: Юрлитинформ, 2016. — С. 306.

его результата. Любое решение законодателя о признании общественно опасного деяния преступлением оформляется с использованием теоретической конструкции состава преступления, текстуально воплощается в статье уголовного закона, которая размещается в определённой его части. Эти «оформительские» компоненты являются неотъемлемой частью криминализации, без них она не может считаться завершённой. Выбор этих компонентов не является произвольным и не может не иметь уголовно-правовых последствий. Можно ответственно утверждать, что оформление решения о криминализации столь же важно, как и его содержание.

Теоретическое разделение криминализации условно на «содержательную» и «оформительскую» часть позволяет лучше понять связь криминализации и дифференциации ответственности. Представляется, что *принимая решение о криминализации, то есть о подключении уголовно-правовых средств к реагированию на то или иное общественно опасное поведение, законодатель решает проблему межотраслевой дифференциации правовой ответственности и в этом отношении, действительно, криминализация не предполагает дифференциацию именно уголовной ответственности. Но оформляя своё решение в тексте уголовного закона, используя для этого уголовно-правовые конструкции и средства, законодатель с неизбежностью входит в область дифференциации уже собственно уголовной ответственности, поскольку от его оформительских решений во многом зависит ряд важнейших для уголовной ответственности последствий.* Зависимость объёмов ответственности от того, какие средства юридической техники и как будут использованы при описании состава преступления, отражает внутреннюю связь криминализации и дифференциации.

Механизм и направления влияния юридико-технического компонента криминализации на дифференциацию уголовной ответственности, по нашему мнению, ещё недостаточно изучен теоретически. Обобщая имеющиеся в литературе суждения на этот счет, анализируя содержание уголовного закона и положения уголовно-правовой теории, полагаем возможным выделить следующие его компоненты:

— признание интересов личности основным объектом преступления, конкретизация содержания этого объекта и размещение соответствующей уголовно-правовой нормы в той или иной главе раздела VII УК РФ или за его пределами;

— оценка интересов личности в качестве дополнительного объекта и конструирование в связи с этим сложных составов преступлений с размещением соответствующей уголовно-правовой нормы за пределами раздела VII УК РФ;

— оценка деяний, причиняющих вред интересам личности, и выбор для их описания той или иной конструкции состава преступления (с альтернативными действиями, составного преступления и др.).

Каждое из этих направлений заслуживает отдельного и пристального внимания; их анализу по преимуществу и будет посвящено нижеследующее.

Выбор основного объекта преступления и дифференциация уголовной ответственности

Теория объекта преступления является одной из самых сложных и запутанных в отечественной науке. Не ставя своей задачей обсуждение известного вопроса о том, что же именно может претендовать на статус объекта (общественные отношения, правовые блага, интересы, человек), обратимся к другой составляющей проблемы, а именно к анализу содержания объекта отдельных преступлений на предмет понимания того, какие из них могут рассматриваться в качестве преступлений против личности.

Исторический и сравнительный анализ показывает, что законодатель может по-разному оценивать объект одних и тех же преступлений. Так, к примеру, УК РСФСР 1960 г. признавал угрозой убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст.207), вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (ст.210), доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения (ст.210.1) — преступлениями против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, а неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие (ст.129) — преступлением против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. В наши дни в УК ФРГ препятствование проведению выборов (§107), фальсификация избирательных документов (§107в), нарушение тайны выборов (§107с), принуждение избирателей (§108) отнесены к группе преступных деяний против конституционных органов, а также связанных с выборами и голосованием, нарушение неприкосновенности жилища (§123, §124) — к преступлениям против общественного порядка, распространение порнографических материалов (§184) — к преступным деяниям против сексуального самоопределения, а захват заложника (§239в) и угроза (§241) — к преступлениям против свободы. В УК Франции незаконный

арест (ст.224-1), равно как в УК Грузии незаконное задержание (ст.146) и привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст.147) рассматриваются как преступления против свободы личности.

Даже самый беглый взгляд показывает, что на уровне законодательных текстов различий в понимании объектов одних и тех же преступлений достаточно много. Сфера научного анализа объекта преступления также подтверждает отсутствие единства взглядов исследователей. Более тридцати лет назад В.Я. Тацкий констатировал, что «в юридической литературе имеет место разноречие, а в ряде случаев — и произвольное определение различных объектов одних и тех же преступлений. ... Во многом это объясняется и тем, что в правовой науке ещё нет отработанной методики определения объектов преступления, а также произвольным использованием тех или иных терминов без учета их этимологического и правового значения, которое придаётся им в уголовном праве»¹⁰¹. К сегодняшнему дню ситуация мало изменилась.

Достаточно проанализировать высказываемые в литературе суждения по поводу содержания объектов отдельных преступлений и оптимальной, на взгляд исследователей, систематизации уголовно-правовых норм. Весь массив предложений здесь можно разбить на три группы:

1. Предложения о перемещении преступлений из одной классификационной группы в другую (из одной главы в другую) в пределах раздела VII УК РФ «Преступления против личности».

К примеру, М.Ю. Буряк утверждает, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст.127.1 УК РФ, является конституционно закреплённое право на свободный труд человека и, соответственно, предлагает поместить её в главу 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод гражданина»¹⁰²; Х.Х. Абсаров предлагает разместить состав угрозы убийством или причинением тяжкого вреда в главе 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности»¹⁰³; Ю.Е. Пудовочкин и Д.Е. Васильченко полагают,

101 Тацкий В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. — Харьков: Выща школа, 1988. — С. 78.

102 Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней: Криминальные и уголовно-правовые аспекты: дисс... канд.юрид. наук. — Владивосток, 2005. — С.172.

103 Абсаров Х.Х. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как преступление против личности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дисс. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2005. — С. 10.

что составы, предусмотренные сегодня в статьях 134 и 135 УК РФ, должны располагаться в главе 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних»¹⁰⁴; Пудовочкин Ю.Е. также пишет, что преступления, предусмотренные ст.155 и ч.2 ст.157 УК РФ целесообразно рассматривать как посягательства на конституционные права граждан в главе 19 УК РФ.

2. Предложения о перемещении составов преступлений против личности в классификационные группы посягательств на иные объекты (из раздела VII УК РФ в иные разделы Особенной части кодекса).

Так, Ю.С. Норвартян обосновывает необходимость исключения из Закона (УК РФ) ст.121 и ст.122 и конструирования на их основе общей нормы об ответственности за заражение инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих в рамках главы 25 УК РФ¹⁰⁵; в главе 25 УК РФ предлагает разместить состав, сконструированный сегодня в ст.151.1 УК РФ, Е.А. Герасимова¹⁰⁶; И.А. Биккинин считает верным рассматривать преступление, предусмотренное ст.136 УК РФ, как посягательство на конституционный принцип единства статуса личности и разместить соответствующую норму в новой главе 29.1 УК РФ «Преступления против единства и целостности Российской Федерации»¹⁰⁷, как государственные преступления с размещением в главе 29 УК РФ Н.В. Иванцова рассматривает деяния, описанные сегодня в статьях 142, 141.1, 142.2, 144 УК РФ¹⁰⁸; Л.А. Авдеева усматривает место ст.157 УК РФ в рамках главы

104 Васильченко Д.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2002. — С. 9; Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — С. 24 — 25.

105 Норвартян Ю.С. Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: вопросы криминализации и пенализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2015. — С. 9.

106 Герасимова Е.А. Уголовно-правовое противодействие розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2015. — С. 11.

107 Биккинин И.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы обеспечения единства и целостности Российского государства дисс. ... д-ра юрид. наук. — Уфа, 2004. — С. 11, 167 — 168.

108 Иванцова Н.В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики: дисс. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2005. — С. 15.

31 УК РФ «Преступления против правосудия»¹⁰⁹; И.Р. Диваева предлагает ч.3 ст.138 УК РФ выделить в самостоятельный состав преступления и поместить его в главу 32 УК РФ «Преступления против порядка управления»¹¹⁰; Д.Д. Скребец считает необходимым разделить ст.147 УК РФ на две отдельные статьи — нарушение личных неимущественных прав разместить в главе 19 УК РФ, а нарушение имущественных прав авторов поместить в главу 21 УК РФ «Преступления против собственности»¹¹¹.

3. Предложения о перемещении некоторых составов преступлений в разряд посягательств на личность (из других разделов УК РФ в раздел VII УК РФ).

В частности, Я.А. Мыц считает необходимым вернуть в главу 16 УК РФ норму об ответственности за неоказание помощи капитаном судна помощи терпящим бедствие¹¹²; Г.В. Шевченко полагает, что вовлечение несовершеннолетних в совершение действий по созданию порнографических предметов или материалов целесообразно позиционировать как преступление против несовершеннолетних в рамках главы 20 УК РФ¹¹³; в главе 20 УК РФ, по мнению П.Н. Путилова, должна располагаться норма об ответственности за склонение несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств, психотропных или одурманивающих веществ¹¹⁴.

К предложениям подобного рода можно относиться по-разному не только потому, что они предполагают различный по степени убедительности набор аргументов, но и, прежде всего, потому, что их реализация влечет за собой различные последствия. Оставляя в стороне вопросы, связанные с квалификацией преступлений, заметим применительно к теме

109 Авдеева Л.А. Уголовно-правовая охрана семейных отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009. — С. 9.

110 Диваева И.Р. Уголовно-правовая охрана права на неприкосновенность частной (личной) жизни человека в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2004. — С. 9 — 10.

111 Скребец Д.Д. Уголовно-правовые аспекты борьбы с преступлениями против изобретательских и патентных прав: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2008. — С. 12 — 13.

112 Мыц Я.А. Оставление в опасности в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. — Ульяновск, 2006. — С. 13 — 14.

113 Шевченко Г.В. Витимологическая профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — С. 25.

114 Путилов П.Н. Нормальное развитие несовершеннолетних как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1999. — С. 23.

нашего исследования, что от систематизации посягательств и нормативно-го определения их объекта зависит и решение некоторых проблем дифференциации ответственности.

Действующее законодательство, в частности, предусматривает ряд серьёзных правоограничений для лиц, совершающих преступления, ставя содержание этих ограничений в зависимость от объекта совершённого посягательства. Такие ограничения имеют два уровня.

Во-первых, это межотраслевой уровень, в рамках которого определяются значимые, но не уголовно-правовые последствия совершения преступлений против личности. Так:

— граждане, имеющие судимость за умышленное преступление против жизни и здоровья, не могут быть назначены опекунами или попечителями (ч.2 ст.35 ГК РФ);

— граждане, имеющие или имевшие судимость, подвергавшиеся уголовному преследованию за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, и некоторые иные преступления, не допускаются к педагогической деятельности (ч.2 ст.331 ТК РФ);

— лица, совершившие умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, могут быть лишены родительских прав (ст.69 СК РФ);

— лица, имеющие или имевшие судимость за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против личности, преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, не могут выступать в качестве экспертов для проведения экспертизы информационной продукции, предназначенной для несовершеннолетних (ч.5 ст.17 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

Такие правоограничительные последствия, как указал Конституционный Суд РФ, не являются уголовным наказанием, не выступают частью уголовной ответственности как элемента уголовно-правовых отношений между лицом, совершившим преступление, и государством, не регламентируются уголовно-правовыми нормами, но относятся к мерам предупреждения преступлений и других правонарушений, оказания

на лицо индивидуального профилактического воздействия¹¹⁵. С этой точки зрения они могут быть оставлены за рамками анализа темы дифференциации уголовной ответственности.

Однако наряду с этим, и этот аспект интересует нас в большей степени, существует собственно уголовно-правовой уровень дифференциации ответственности в зависимости от направленности посягательства. Он исследован в науке недостаточно глубоко. Тем не менее:

— стремясь дифференцировать ответственность за преступления, обладающие высоким уровнем опасности, законодатель был вынужден внести существенные коррективы в ст.57 УК РФ, которая изначально устанавливала возможность применения пожизненного лишения свободы только за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь; но не решился внести изменения в ст.59 УК РФ, которая допускает установление смертной казни только за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь;

— в стремлении усилить ответственность и наказание за сексуальные преступления, законодатель скорректировал ст.73 УК РФ, установив

115 Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова»; Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3, 4, 5, 6, 10, 12 и 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы», части первой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 261.8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1740-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чердиченко Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Евгения Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 139 и пунктом «а» части третьей статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации».

запрет на применение условного осуждения к лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, а также ст.79 УК РФ и ст.80 УК РФ, ужесточив требования для условно-досрочного освобождения от наказания и к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания;

— дифференцируя ответственность и наказание, законодатель ограничил возможности предоставления отсрочки от отбывания наказания для лиц с родительскими обязанностями (ст.82 УК РФ), исключив её применение в случае совершения некоторых преступлений против личности, в том числе преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Это уже состоявшиеся законодательные решения. Но анализ показывает, что закон содержит и ряд потенциально возможных перспектив к расширению возможностей и углублению процессов дифференциации ответственности в зависимости от того, какому объекту преступлением причиняется вред. В частности, заслуживают детальной проработки идеи об ограничении применения положений ст.76 УК РФ об освобождении от ответственности лишь случаями совершения преступлений против личности¹¹⁶, о придании факту согласия потерпевшего на причинение вреда значения основания освобождения от ответственности за некоторые преступления, посягающие на личность¹¹⁷.

Подключение объекта преступления к конструированию оснований дифференциации уголовной ответственности, наряду с традиционным характером и степенью общественной опасности, позволяет конкретизировать, детализировать механизм уголовно-правового регулирования. Но вместе с тем, оно порождает и существенные сложности.

Немалую дискуссию в науке вызвало толкование понятия «преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних» для целей

116 См.: Галстян И.Ш. Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением виновного: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2007; Владимирова О.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2015.

117 См.: Грибков А.В., Воронова О.С. Согласие потерпевшего как условие освобождения от уголовной ответственности и наказания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2019. — № 1-2. — С. 64 — 70.

применения ст.ст. 79, 80 УК РФ¹¹⁸, которое в конечном итоге было специально дефинировано Законом № 14-ФЗ от 29.02.2012, причём таким образом, что в разряд таковых были включены посягательства, расположенные за рамками главы 18 УК РФ, в частности, совершённые против лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, преступления, предусмотренные статьями 240, 241, 242.1 и 242.2 УК РФ. Нет однозначного понимания и объёма понятия «преступления против личности», которое для целей применения ст.82 УК РФ включает, по мнению многих авторов, не только посягательства, расположенные в разделе VII УК РФ, но и иные преступления, в которых личность выступает дополнительным объектом посягательства¹¹⁹.

Как видим, стремление законодателя к конкретизации оснований дифференциации ответственности за счёт указания на объект посягательства даже при существующей систематизации составов преступлений в Особенной части УК РФ на основе признаков общности объекта порождает ряд сложностей, связанных с уточнением содержания объекта конкретных преступлений и определением группы преступлений, посягающих на один объект. Это ещё раз доказывает значимость теоретической разработки классификации преступлений на основе объекта. Как пишет, отмечая связь классификации и дифференциации А.В. Бриллиантов, создание гибкой системы классификации может поднять не только эффективность дифференцированного применения мер правового воздействия, но и повысить действенность самих этих мер¹²⁰.

В связи с изложенным, полагаем необходимым обратить внимание на несколько важных положений теории уголовного права и законодательной практики.

118 См. об этом, например: Пудовочкин Ю.Е. Проблемы понимания и квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: новое в уголовном законодательстве // Российское правосудие. — 2010. — № 4 (48). — С. 64 — 76.

119 См., например: Мальцев В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. — Волгоград: ВА МВД России, 2004. — С. 196 — 197; Михайлов К.В. Уголовно-правовой институт освобождения от наказания. — М.: Юрлитинформ, 2008. — С. 82 — 83; Грачёва Ю.В. Источники судейского усмотрения в институтах освобождения от уголовной ответственности и от наказания. — М.: Юрлитинформ, 2011. — С. 222.

120 Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 1998. — С. 23 — 29.

Во-первых, надо критически оценить функциональные возможности концепции, признающей объектом любого преступления человека¹²¹. С одной стороны, действительно, как пишет поддерживающий эту концепцию И.П. Краснопеев, «любое преступление, причиняя вред определённым социальным благам (ценностям), в конечном итоге всегда причиняет вред человеку (в собирательном значении данного понятия)», а различие существующих теорий объекта состоит в том, что «одни называют «объектом преступления» человека, причинение преступного вреда которому производится путём причинения вреда его благам; другие именуют «объектом преступления» определённые блага, причиняя вред которым преступление в конечном итоге причиняет вред человеку»¹²². Однако, с другой стороны, такое признание, кроме как о социальной и антисоциальной природе преступления, ничего не говорит и не добавляет в общее учение о преступлении. Сказать о том, что любое преступление причиняет вред человеку — всё равно что утверждать о том, что преступление может быть совершено только в обществе и нигде более. При таком подходе функциональное назначение объекта в структуре состава преступления, в системе права и системе законодательства утрачивается, разграничение правонарушений и преступлений, квалификация преступных деяний, систематизация составов при построении законодательства становятся невозможными. В силу этого, в обсуждении проблемы объекта предпочтение на стороне тех концептуальных построений, которые усматривают объект в общественных отношениях, интересах или правовых благах, учитывая, что эти феномены тесно взаимосвязаны и не существуют одно без другого¹²³.

Во-вторых, принципиальное значение для систематизации законодательства и построения с её учётом правил дифференциации

121 Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. — Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1894. — С. 208; Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. — М.: Норма, 2001. — С. 60; Семченков И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2003.

122 Краснопеев И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — С. 7 — 8.

123 См. об этом: Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. — М.: Акад. МВД СССР, 1980; Коржанский Н.И. Объект преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления / под ред. В.Б. Малинина. — СПб.: Изд. Профессора Малинина, 2005. — С. 87 — 236.

ответственности имеет установление основного объекта состава преступления, который традиционно понимается как объект наиболее важный, в решающей степени определяющий общественную опасность конкретного преступления. Существующие сложности и противоречия в установлении непосредственного объекта во многом определяются тонким различием в теоретических подходах к его пониманию. С одной стороны, в науке распространено мнение о том, что «основным непосредственным объектом является общественное отношение, которое прежде всего и главным образом стремился поставить под охрану законодатель, принимая уголовный закон»¹²⁴, а с другой — столь же убедительна позиция, в соответствии с которой основной объект — это то отношение, «на причинение вреда которому направлено конкретное посягательство»¹²⁵, «против которого совершается запрещённое уголовным законом посягательство»¹²⁶. Но «то, что стремится защитить» и «то, на что направлено» — не всегда совпадающие феномены. Первое в большей степени имеет объективную предопределённость, второе во многом зависит от субъективных намерений лица, совершающего преступление. Правы в этом отношении авторы, которые утверждают, что «установление (выявление) мотивационных факторов преступного поведения имеет существенное, а иногда решающее значение для определения непосредственного объекта»¹²⁷, что в умышленных преступлениях основным объектом выступает отношение, на причинение вреда которому направлен умысел виновного¹²⁸. В этом несовпадении подходов отчётливо видна корреляция с известной дискуссией о соотношении объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления¹²⁹. Учитывая специфический характер систематизации

124 Тащй В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. — Харьков: Выща школа, 1988. — С. 99 — 100.

125 Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. — М.: Юристъ, 1996. — С. 119 (автор главы — В.Е. Мельникова).

126 Уголовное право. Учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. — М.: Городец, 2011. — С. 382 (автор главы — А.Э. Жалинский).

127 Борисов О.А. Взаимосвязь объекта и мотива преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 1996. — С. 8.

128 Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учеб. пособ. — М.: Юрлитинформ, 2009. — С. 57.

129 Её содержание см.: Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. — Волгоград: ВА МВД России, 2010. — С. 93 — 130.

составов и тот факт, что ее «автором» выступает законодатель, представляется, что *в основе нормативной группировки составов должен лежать именно объект охраны, то есть то отношение, которое стремится в первую очередь защитить законодатель, а не то, которому в реальности причиняется вред*, в связи с чем, к примеру, вполне допустимо наличие в системе законодательства и специальных норм об ответственности за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, наряду с нормами об ответственности за убийство, и конструирование этих норм с использованием особой конструкции усечённого состава преступления, не предполагающего, в принципе, причинения смерти такого лица для квалификации содеянного как преступления. *В основу дифференциации ответственности, таким образом, должен быть положен тот объект, который сам законодатель считает приоритетным и который он стремится защитить в процессе создания уголовно-правового запрета.*

В-третьих, взяв совершенно обоснованный курс на выстраивание зависимости дифференциации уголовной ответственности от содержания объекта преступления и социальной направленности посягательства, законодатель должен последовательно реализовать дополнительные обязательства как по конкретизации объектов уголовно-правовой охраны, так и по расстановке приоритетов между ними. Для надлежащего решения задач дифференциации ответственности у него в этом отношении есть, как представляется, *два варианта действий.*

Первый — оптимальный с точки зрения теории, но крайне сложно реализуемый на практике, состоит в создании в системе особенной части уголовного закона максимально развёрнутой, дробной классификации преступлений, предполагающей, например, выделение нескольких глав, посягающих на различные по содержанию конституционные права граждан, обособление главы о преступлениях, посягающих на сексуальное развитие несовершеннолетних, главы о нарушении так называемых «частных интересов», преследуемых по жалобе потерпевшего, и т.д., и разработке средств дифференциации ответственности, «привязанных» к этой систематизации посягательств. В науке идёт достаточно активная работа в части уточнения содержания объектов преступлений против личности и систематизации преступления. Например, предлагается выделить в самостоятельную главу 16.1 УК РФ «Преступления,

ставящие в опасность жизнь или здоровье»¹³⁰, обособить главу 17.1 УК РФ «Преступления против чести и достоинства»¹³¹, выделить отдельную главу в уголовном законе «Преступления против личной свободы»¹³², сконструировать отдельную главу 19.1 УК РФ «Преступления против прав и свобод пациента»¹³³, подчеркнуто акцентировать, в том числе путём изменения наименования, приоритет интересов семьи¹³⁴ или несовершеннолетних¹³⁵ в группе посягательств, описанных в главе 20 УК РФ. Реализация этих предложений требует предварительного детального обсуждения и предполагает большую и содержательную работу по перестройке Особенной части УК РФ не только в связи с пересмотром теории объекта преступления, но и в тесной, неразрывной связи с реализацией идеи дифференциации ответственности на основе объекта посягательства. Это принципиально новый аспект уголовной политики, разработка которого может мыслиться в качестве стратегической задачи юридической науки и требует специальных и дополнительных масштабных исследований.

Второй путь менее амбициозный и может рассматриваться в качестве промежуточного этапа на пути глобального реформирования уголовной политики и уголовного закона. Он *предполагает дальнейшую разработку уже апробированных решений в части дифференциации ответственности, исходя из уже закреплённого в законе содержания объекта преступления с одновременным юридико-техническим совершенствованием способов описания законодательных решений*. Учитывая сложности в содержательном наполнении понятий отдельных видов

130 Горбатова М.А. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье: понятие, система и уголовно-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2002. — С. 7.

131 Вениаминов В.Г. Уголовная ответственность за побои и истязание: дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2005. — С. 8 — 9.

132 Коротич Е.А. Уголовно-правовая охрана личной свободы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Минск, 2016. — С. 5.

133 Блинов А.Г. Учение об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2014. — С. 14.

134 Белов В.Ф. Преступления против семьи и несовершеннолетних в аспектах de lege lata и de lege ferenda. — М.: РУСАКИ, 2002. — С. 50.

135 Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — С. 11.

преступлений, сформулированных путём указания на объект, учитывая, что объём этих понятий для целей дифференциации ответственности не совпадает с объёмом этих же понятий, избранных для целей систематизации уголовно-правовых норм в Особенной части УК РФ (что наглядно демонстрируют упомянутые выше понятия «преступления против личности», «преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних», «преступления против жизни»), есть смысл на данном этапе развития уголовного закона использовать иной приём для описания нормативных оснований и условий дифференциации уголовной ответственности. В частности, законодателю целесообразно использовать для обособления соответствующих групп преступлений не признаки объекта, используя оборот «преступления против», а иные признаки состава преступления, в том числе последствия и потерпевшего. В этом случае понятие «преступление против жизни» может быть заменено понятием «преступление, повлекшее умышленное причинение смерти потерпевшему» (этот оборот уже использован законодателем в конструкции п. «б» ч.3 ст.205 УК РФ); понятие «преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста» может быть заменено понятием «преступление, причинившее вред половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста»; понятие «преступление против личности» может быть заменено понятием «преступление, причинившее вред правам и законным интересам граждан». Такая замена будет иметь не только терминологическое значение, но позволит совместить идею дифференциации ответственности с учётом признаков объекта посягательства и существующую систематизацию преступлений на основе объекта, даст возможность избежать излишних дискуссий в теории права и предоставит более чёткие и конкретные указания правоприменителю.

Выбор дополнительного объекта преступления и дифференциация уголовной ответственности

Одним из средств дифференциации уголовной ответственности с учётом оценки объекта посягательства, которое активно используется законодателем на всём пространстве уголовного закона, выступает конструирование многообъектных составов преступлений, в которых одним

из охраняемых благ выступают интересы личности. Речь идёт в данном случае не о многообъектных преступлениях против личности (например, предусмотренных в ст.131 УК РФ или в ч.3 ст.150 УК РФ), а о тех многообъектных преступлениях, которые расположены за пределами раздела VII УК РФ и в которых интересы личности выступают дополнительным объектом, потребность в защите которых подключается в качестве значимого, но дополнительного аргумента в обосновании ответственности.

Соответствующих составов преступлений в уголовном законе достаточно много, им посвящён значительный массив литературы, но с точки зрения учения о дифференциации ответственности они изучены, на наш взгляд, недостаточно. Между тем в этой части уголовно-правовой теории и практики есть несколько моментов, требующих специального внимания.

Во-первых, *имплементация интересов личности в структуру состава преступления может осуществляться двумя различными способами:*

а) путём указания на особый способ совершения преступления, применение которого влечёт за собой причинение вреда личности (как правило, это насильственный способ, имеющий место, например, в составах преступлений, предусмотренных ст.161 УК РФ или ст.162 УК РФ); б) путём указания на последствия в виде причинения вреда личности, её жизни, здоровью, правам и законным интересам, причинно связанные с поведением виновного (например, как это имеет место в составах преступлений, предусмотренных ст.254 УК РФ или ст.285 УК РФ). Это порождает известные и относительно хорошо решаемые на практике вопросы, связанные с установлением пределов насилия, определением объёма вреда здоровью, содержания и объёма иных последствий для решения проблемы разграничения единичного сложного преступления и совокупности преступлений.

Во-вторых, *существует связь между способом включения интересов личности в структуру объекта сложного состава преступления и формой вины по отношению к причинению вреда интересам личности.* В случаях, когда причинение вреда интересам личности указано законодателем в качестве последствий преступления, как правило, предполагается неосторожное отношение к ним со стороны субъекта преступления; в случаях, когда речь идёт о способе посягательства, связанном с причинением вреда интересам личности, отношение к нему исключительно умышленное.

В-третьих, *дифференциация ответственности за преступления с учётом наличия дополнительного объекта приводит к усложнению системы*

Особенной части уголовного закона, когда наряду с нормами об ответственности за посягательство на личность как основной объект появляются нормы, в которых эти же интересы личности, охраняемые самостоятельными нормами, защищаются в качестве дополнительного объекта. Такие нормы предусматривают две разновидности составов: либо сложные составные двухобъектные составы преступлений (разбой, вымогательство и др.), либо специальные составы преступлений (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, применение насилия в отношении представителя власти). Наличие этих составов порождает комплекс вопросов, связанных с разграничением конкуренции уголовно-правовых норм по логике «части и целого» и «общего и специального», разрешаемых посредством коллизионных норм и принципов.

В-четвёртых, *на роль дополнительного объекта в качестве элемента сложного состава преступления могут претендовать не все интересы личности*. В частности, как показывает анализ, такие специфические объекты как половая свобода и половая неприкосновенность, семейные отношения никогда не позиционируются законодателем в качестве элемента сложного состава преступления. Выбор остальных объектов в качестве дополнительных во многом определяется криминологическими особенностями того или иного преступления, дифференцирующими задачами, которые решает законодатель, и выбором в пользу конструирования составного или специального состава преступления. На роль «универсального» дополнительного объекта претендует здоровье человека и его свобода, в редких случаях таковым признаётся жизнь человека. Конституционные права и свободы могут признаваться дополнительным объектом лишь в сложных, составных составах преступлений, причинение им вреда законодатель описывает в качестве последствий таких преступлений.

Реализация этих исходных начал в процессе конструирования составов преступлений порождает, как минимум, три сложные задачи, имеющие прямое отношение к дифференциации уголовной ответственности.

Первая задача заключается в выборе приоритетного, основного объекта преступления и, исходя из этого, размещении соответствующей уголовно-правовой нормы в той или иной главе уголовного закона. Когда речь идёт об умышленных преступлениях, важно различать две основные ситуации: а) когда в преступлениях, не посягающих на личность как основной объект, причинение ей вреда используется законодателем для дифференциации

ответственности посредством конструирования квалифицированного состава (например, в ситуации насильственного грабежа или ограничения конкуренции с применением насилия); б) ситуации, когда причинение вреда личности становится неотъемлемым компонентом основного состава, служит одним из элементов, обосновывающих необходимость криминализации деяния как такового (например, в ситуациях разбоя, вымогательства, принуждения к заключению сделки, применения насилия в отношении представителя власти и др.). По нашим подсчётам интересы личности выступают дополнительным объектом в 18 основных составах умышленных преступлений, которые размещены за пределами раздела VII УК РФ¹³⁶. И именно в этих ситуациях вопрос о том, какой из объектов считать основным, а следовательно, в каком структурном компоненте закона располагать норму, как и какие уголовно-правовые последствия совершения преступления определять для виновного, приобретает принципиальное значение.

По этому поводу, в частности, в науке давно известна дискуссия об объекте разбоя и вымогательства. Так, по мнению Б.С. Болотского, разбой, который представляет собой насилие над личностью по поводу собственности, имеет основным объектом общественные отношения, обеспечивающие защиту личности¹³⁷. В.Н. Куц, оценивая вымогательство, также считал, что его основным объектом является личность¹³⁸. Н.И. Коржанский,

136 Помимо указанных выше, это ситуации захвата заложника, угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, пиратства, создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, угрозы или насильственные действия в связи с осуществлением лицом правосудия или производством предварительного расследования, принуждения к даче показаний, посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, применения насилия в отношении представителя власти, оскорбления представителя власти, дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, сопротивления начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы, насильственных действий в отношении начальника.

137 Болотский Б.С. Об уголовно-правовой оценке разбоя в советском праве // Учёные записки: Вопросы уголовного и исправительно-трудового права, уголовного процесса и криминалистики. Учёные записки Саратовского юридического института. — Саратов, 1969. — Вып. XVI. — С. 108.

138 Куц П.Н. Ответственность за вымогательство по советскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1988. — С. 7.

исходя из того, что основной объект есть наиболее ценное с точки зрения общественных интересов социальное благо, которое должно быть определяющим для квалификации деяний и для выбора места конкретной уголовно-правовой нормы в системе законодательства, утверждал, что нормы об ответственности за разбой и вымогательство следовало бы отнести к главе о преступлениях против личности¹³⁹. В противовес этим суждениям иные специалисты, признавая повышенную и специфическую опасность разбоя, которая коренится в том, что это сложное по своей законодательной конструкции преступление соединяет в себе посягательство не только на собственность, но и на саму личность человека, утверждают, что охрана человеческой личности как наивысшей социальной ценности реализуется не только посредством установления и применения ответственности за преступления, непосредственно направленные против жизни, здоровья и иных важнейших благ человека, но и путём установления наказуемости деяний, в составе которых посягательство на личность выступает как средство их совершения¹⁴⁰, что помещение состава разбоя в главе о преступлениях против собственности определено доминирующей целью разбойника и ни в коей мере не умаляет уголовно-правовой охраны личности¹⁴¹.

Вторая задача заключается в том, чтобы при конструировании составов преступлений обеспечить принцип достаточности и неизбыточности закона, с тем, чтобы исключить наличие дублирующих норм, порождающих неоправданную конкуренцию. Такой риск существует практически в каждом случае, когда законодатель конструирует специальные нормы. В некоторых ситуациях это обуславливает соответствующую реакцию со стороны специалистов. Так, к примеру, Т.Н. Нуркаева, с учётом ценности личности, её прав и свобод, предлагает отказаться от ряда специальных составов преступлений, непосредственным дополнительным объектом которых являются жизнь, здоровье, честь, достоинство, свобода и личная неприкосновенность. В частности, речь идёт о составах, предусмотренных в статьях 277, 295, 317, 319, 301 и др. УК РФ. Эти абсолютные ценности человека, — пишет автор, — должны выступать в качестве основных

139 Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. — М.: Акад. МВД СССР, 1980. — С. 81.

140 Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. — М.: Юрид. лит., 1986. — С. 111.

141 Бойцов А.И. Преступления против собственности. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — С. 459.

непосредственных объектов посягательств, определяющих место данных норм в рамках раздела VII УК РФ «Преступления против личности», независимо от того обстоятельства, к какой системе органов государственной власти или управления принадлежит потерпевший¹⁴². В других ситуациях законодатель сам принимает решение об исключении дублирующих норм из уголовного закона, как это имело место в случае декриминализации деяния, описанного в ст.265 УК РФ, которая всегда воспринималась в качестве специальной нормы по отношению к ст.125 УК РФ.

Конструирование специальных норм — сложная задача. Как верно пишет В.Н. Кудрявцев, «существование специальной нормы наряду с общей нормой тогда имеет практический смысл, когда эта специальная норма как-то иначе решает вопросы уголовной ответственности по сравнению с общей нормой (например, о виде и размере наказания)»¹⁴³. Это мнение является общепринятым. «Если в Уголовный кодекс вводятся составы преступлений, с помощью которых устанавливается ответственность за отдельные случаи совершения деяний, любой случай совершения которых отражён в других составах, тем самым из общей нормы исключается то, что включается в специальную норму. Смысл такого исключения-включения заключается в необходимости дифференциации (изменения, смягчения или усиления) наказания за соответствующее преступление с учётом его общественной опасности», — пишет А.М. Зацепин¹⁴⁴.

Детальное исследование специальных норм было проведено Н.М. Свидловым. Связывая выделение специальных норм с дифференциацией правового регулирования, он пишет, что «необходимость дифференцированного регулирования ответственности возникает в случае существенного различия характера и степени общественной опасности некоторых видов деяний, предусмотренных отдельной нормой права, применение которой не позволяет учесть эти различия. Специальная же норма обеспечивает возможность учёта особенностей охраняемых общественных

142 Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 108 — 109.

143 Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 1999. — С. 218.

144 Зацепин А.М. Общая и специальная норма уголовно-правового регулирования составов преступлений // Глобальный научный потенциал. Юридические науки. — 2015. — № 11 (56). — С. 192.

отношений и согласованность ответственности с опасностью посягательства на эти отношения. В других случаях потребность в специальной норме возникает при необходимости изменить пределы уголовной ответственности»¹⁴⁵.

Анализ показывает, что создание специальных норм для дифференциации ответственности за посягательства, причиняющие вред интересам личности, развивается в двух направлениях: а) в рамках раздела VII УК РФ законодатель создает специальные нормы по отношению к нормам об ответственности за преступления, расположенным в иных разделах кодекса (например, случаи нарушения конституционных прав граждан, описанные в главе 19 УК РФ, и совершённые лицом с использованием служебного положения, могут расцениваться как специальные по отношению к злоупотреблению и превышению должностных полномочий); б) за рамками раздела VII УК РФ законодатель создаёт нормы, описывающие составы преступлений, которые выступают в качестве специальных по отношению к составам преступлений против личности (например, специальной нормой по отношению к ч.2 ст.118 УК РФ выступает едва ли не любое нарушение специальных правил безопасности, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью).

Однако важно обратить внимание, что при любом варианте дифференциации она не может считаться обоснованной, если основания образования специальных норм будут ограничены только объектом преступления. Такой подход будет противоречить принципу равенства в уголовном праве. Наряду с объектом, в основу конструирования специального состава преступления должны быть положены и иные признаки, характеризующие деяние, в частности, особенности его объективной и субъективной стороны и субъекта. Как верно признает М.Н. Свидлов, «содержанием диспозиции уголовно-правовой нормы является определённое поведение, которое формулируется ею в родовых чертах, поэтому и дифференциация осуществляется с учетом особенностей того или иного вида поведения (посягательства)»¹⁴⁶. С учетом этого обстоятельства, например, нельзя в полной мере согласиться с законодательной конструкцией состава преступления,

145 Свидлов Н.М. Специальные нормы в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1979. — С. 6 — 7.

146 Свидлов Н.М. Специальные нормы в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1979. — С. 8.

предусмотренного ст.297 УК РФ, который в ряду признаков неуважения к суду не указывает на мотив и цель действий виновного, как это сделано, в частности, в ст.298.1 УК РФ или в ст.319 УК РФ. Сегодня складывается ситуация, когда любое оскорбление участников судебного разбирательства или лиц, участвующих в отправлении правосудия, вне зависимости от субъективных намерений действий виновного признаётся преступлением, тогда как оскорбление иных лиц преступлением не является. Отсутствие прямого указания на мотив в ст.297 УК РФ разрывает связь действий виновного лица и причинение вреда интересам потерпевшего, а межотраслевая дифференциация ответственности здесь оказывается осуществлённой только на основе признаков объекта и потерпевшего, что приводит к нарушению равенства граждан перед законом.

Третья задача состоит в особом конструировании санкций с тем, чтобы различия в наказуемости деяний реально отражали перепад в оценке их общественной опасности и обеспечивали надлежащую дифференциацию уголовной ответственности. Расставив приоритеты среди объектов охраны и определившись с необходимостью создания состава, в котором интересы личности станут одним из нескольких охраняемых благ, законодатель должен воплотить результаты своей оценки общественной опасности посягательства в конструкции санкции статьи Особенной части УК РФ. Учитывая, что смысл и назначение дифференциации составов состоит в установлении различных параметров реализации уголовной ответственности и наказуемости деяний, санкции конкурирующих составов должны различаться. Причём, это общее правило, которое применимо для дифференциации ответственности за причинение вреда интересам личности как внутри раздела VII УК РФ, так и за его пределами. Если законодатель конструирует общие и специальные нормы, в которых интересы личности выступают одним из объектов посягательства, санкции этих норм должны быть разными. В противном случае смысл выделения дополнительных и специальных норм теряется (с этой точки зрения, в частности, вызывает обоснованные сомнения наличие в законе абсолютно идентичных по размеру санкций ст.131 УК РФ и ст.132 УК РФ). При этом очевидно, что дифференциация ответственности может иметь два направления: либо в сторону её смягчения, либо, напротив, в сторону ужесточения.

Анализ законодательства не позволяет убедительно доказать, но даёт возможность интуитивно выявить некую закономерность: если

специальная норма, охраняющая интересы личности, располагается за пределами раздела VII УК РФ, законодатель, как правило, усиливает наказуемость криминализированного деяния (для примера достаточно сравнить санкцию ч.2 ст.105 УК РФ и санкции ст.ст. 295, 317 УК РФ, либо санкции ч.2 ст.118 УК РФ и ч.2 ст.109 УК РФ и корреспондирующие им санкции ч.1 и ч.2 ст.263 УК РФ); если же специальная норма создаётся в рамках раздела VII УК РФ, то, как правило, санкция в ней меньше, чем в общей норме, расположенной вне этого раздела (для примера — санкции ст.285 УК РФ или ст.286 УК РФ и санкции норм об ответственности за посягательства на конституционные права граждан с использованием служебного положения).

Такая закономерность, вместе с тем, не всегда выдерживается законодателем, что в теоретическом плане приводит к двум одинаково негативным последствиям, а именно недооценке опасности посягательств на иные кроме личности объекты в нормах, расположенных за пределами раздела VII УК РФ, либо к недооценке посягательств на личность в рамках этого раздела закона.

К примеру, ч.2 ст.318 УК РФ об ответственности за применение к представителю власти насилия, опасного для жизни или здоровья, имеет максимальную санкцию до 10 лет лишения свободы, в то время как санкция ч.2 ст.111 УК РФ об ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности, является более тяжкой, поскольку предусматривает альтернативно-дополнительное наказание в виде ограничения свободы, санкции же ч.3 и ч.4 ст.111 УК РФ выше санкции ч.2 ст.318 УК РФ и по размеру основного наказания.

С другой стороны, например, санкции ч.1 ст.285 УК РФ и ч.1 ст.286 УК РФ об ответственности за злоупотребление и превышение должностных полномочий, повлекшее причинение существенного вреда правам граждан, предусматривают максимальное наказание в четыре года лишения свободы, тогда как санкция ч.3 ст.139 УК РФ об ответственности за нарушение неприкосновенности жилища с использованием служебного положения, — всего в три года лишения свободы, санкция ч.2 ст.144 УК РФ об ответственности за воспрепятствование законной деятельности журналистов — до двух лет лишения свободы, санкция ч.4 ст.148 УК РФ об ответственности за воспрепятствование деятельности религиозных организаций — до одного года лишения свободы, а санкция ст.140 УК РФ

об ответственности за отказ в предоставлении информации — вообще не содержит наказания в виде лишения свободы.

Такие расхождения в санкциях порождают серьёзные вопросы, как в обоснованности квалификации, основанной на общем правиле о приоритете специальной нормы (ст.17 УК РФ), так и в квалификации причинения вреда интересам личности по правилам совокупности. Соответствующие проблемы хорошо известны науке и порождают известные дискуссии. К примеру, если А.В. Галахова пишет, что причинение любого вреда здоровью представителю власти полностью охватывается ч.2 ст.318 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст.111 УК РФ¹⁴⁷, то Ю.И. Антонов замечает, что ч.2 ст.318 УК РФ своим объёмом не охватывает причинения квалифицированных видов причинения тяжкого вреда здоровью, которые требуют квалификации по правилам совокупности¹⁴⁸.

Соответствующие проблемы, как представляется, связаны с тем, что законодатель, *сосредотачивая внимание на создании конкурирующих составов преступлений, явно недооценивает значимость адекватного построения санкций*, в результате чего соответствующие нормы конкурируют между собой не только в диспозитивной, но и в санкционной своей части, причём строение санкций в ряде случаев не согласуется с законодательной идеей выделения специальной уголовно-правовой нормы. *Подключение же содержания санкций для решения вопросов квалификации содеянного (так называемый «санкционный подход») вносит деформирующее начало в теорию и практику квалификации преступлений.*

Выход из ситуации видится в масштабной работе по обновлению системы санкций всех статей Особенной части УК РФ. Но здесь необходимы некие общие правила и принципы, соблюдение которых позволит гарантировать системность законодательства и обоснованность дифференциации ответственности. Применительно к предмету нашего исследования есть все основания полагать, что *учёт факта причинения вреда интересам личности при конструировании многообъектных составов преступлений не должен служить основанием для смягчения ответственности*

147 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X — XII / отв. ред. В.М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2017. — С. 146 (автор комментария — А.В. Галахова).

148 Применение насилия. Понятие и квалификация / под ред. А.В. Галаховой. — М.: Норма, РГУП, 2016. — С. 289 (автор главы — Ю.И. Антонов).

виновного лица. Следовательно, специальные нормы, указанные в разделе VII УК РФ, должны иметь санкции более высокие, нежели санкции норм об ответственности за многообъектные преступления, причиняющие вред личности и расположенные в иных разделах УК РФ; равным образом, специальные нормы об ответственности за многообъектные преступления, причиняющие вред личности, расположенные в иных разделах УК РФ, должны иметь более высокие санкции, нежели санкции общих норм, расположенных в разделе VII УК РФ.

Пусть не идеальная, но попытка такого решения вопроса наблюдается при анализе санкции ч.2 ст.138 УК РФ об ответственности за нарушение тайны корреспонденции, совершённое лицом с использованием служебного положения, и санкции ч.1 ст.286 УК РФ об ответственности за превышение должностных полномочий, повлекшее существенное нарушение прав граждан. Эти санкции предусматривают равное максимальное наказание до четырёх лет лишения свободы, но различаются в размерах иных, более мягких наказаний, с той лишь оговоркой, что штраф и лишение права занимать определённые должности в санкции ч.2 ст.138 УК РФ выше, чем в санкции ч.1 ст.286 УК РФ, а размер ареста ниже, к тому же санкция ч.2 ст.138 УК РФ содержит отсутствующее в санкции ч.1 ст.186 УК РФ альтернативное наказание в виде обязательных работ. Если следовать предложенному нами выше правилу, законодателю для обеспечения согласованности санкций следовало бы исключить из ч.2 ст.138 УК РФ наказание на обязательные работы и повысить в ней строгость ареста путём повышения его минимального или максимального срока. В этом случае специальная норма, указанная в ч.3 ст.138 УК РФ, содержала бы специальный состав должностного злоупотребления, который по всем параметрам признавался бы более опасным преступлением, в том числе и потому, что законодатель посчитал конституционные права личности в таком злоупотреблении приоритетным объектом уголовно-правовой охраны.

Выбор конструкции состава преступления и дифференциация уголовной ответственности

Оценка интересов личности в качестве объекта преступления и решение о криминализации деяний, причиняющих им вред, оформляется законодателем посредством конструирования составов преступлений, которые

могут существенно различаться по своей конструкции, что, с одной стороны, отражает результат оценки общественной опасности посягательства, а с другой — порождает значимые последствия для квалификации содеянного и определения объёма уголовно-правовых последствий.

Выбор конструкции состава прямо влияет на дифференциацию ответственности, когда от особенностей состава зависит квалификация содеянного в качестве единичного преступления либо с учетом правил закона о совокупности преступлений. Эта проблема возникает, когда в противовес конструированию множества составов законодатель создаёт составы с альтернативными действиями, составные составы с двумя преступными действиями, формальные и специальные по отношению к ним материальные составы преступлений. Очевидно, что выбор законодателем той или иной конструкции состава, хотя и обусловлен социально-криминологическими особенностями преступной деятельности и имеет под собой теоретическое обоснование, тем не менее, остаётся в его относительно свободном усмотрении. А следовательно выбор конструкции состава одновременно предполагает и дифференциацию ответственности.

Надо признать, что этот аспект уголовно-правовой теории и практики не всегда в полной мере учитывается специалистами при обосновании предложений по совершенствованию уголовного закона. Более того, такие предложения выглядят ещё менее аргументированными, если их авторы отказываются от собственных моделей санкций разрабатываемых ими правовых норм, что в принципе сводит на нет саму идею дифференциации составов. Так, например, в литературе предлагается:

— выделить из ч.2 ст.105 УК РФ состав убийства по найму в отдельную статью закона¹⁴⁹;

— выделить из ст.111 УК РФ отдельную норму об ответственности за умышленное лишение профессиональной трудоспособности¹⁵⁰ либо разделить ст.111 УК РФ на три самостоятельные нормы об ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, выразившегося

149 Гайков И.В. Проблемы квалификации и регламентации ответственности за убийство по найму: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 9.

150 Шаматульский И.А. Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — С. 10.

в неизгладимом обезображении лица, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, не опасного для жизни¹⁵¹;

— разделить ст.119 УК РФ на две части, установив отдельно ответственность за угрозу причинения тяжкого вреда здоровью и за угрозу убийством¹⁵²;

— исключить признак беспомощности потерпевшего из ст.ст. 131, 132 УК РФ и сконструировать отдельный состав преступления — сексуальные действия с лицом, находящимся в беспомощном состоянии¹⁵³;

— установить в разных частях ст.137 УК РФ ответственность за собиране и разглашение сведений, составляющих личную или семейную тайну¹⁵⁴;

— предусмотреть в разных частях ст.145.1 УК РФ ответственность за невыплату, с одной стороны, заработной платы, а с другой — пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат¹⁵⁵.

Эти вполне логичные, на первый взгляд предложения, в реальности не проходят «тест на обоснованность дифференциации ответственности». Ведь очевидно, что их практическое воплощение приведёт к целому ряду весьма неоднозначных следствий, появление которых вряд ли желалось разработчиками. В частности, угрозы, которые зачастую носят неконкретизированный характер и выражают общую направленность деяния («убью или покалечу»), при наличии самостоятельных составов угрозы

151 Полицарпова И.В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и её влияние на квалификацию преступлений: на примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2008. — С. 11 — 12.

152 Гертель Е.В. Уголовная ответственность за угрозу: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — С. 9; Дanelян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2011. — С. 9.

153 Маслак С.Н. Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2013. — С. 11.

154 Федотова Н.В. Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — С. 12.

155 Варанкина Ю.С. Уголовно-правовые проблемы борьбы с невыплатой заработной платы (по материалам Приволжского федерального округа): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 10.

убийством и угрозы причинением вреда здоровью должны будут оцениваться по правилам совокупности преступлений. Равно как действия, связанные с собиранием и разглашением сведений, составляющих тайну, действия, которые одновременно влекут и обезображение лица, и утрату органом его функции. Обоснованность такой квалификации, по меньшей мере, сомнительна.

Не проходят «тест на обоснованность дифференциации ответственности» и предложения иного рода, направленные на интеграцию, объединение составов преступлений. Юристы предлагают, например:

— объединить в рамках одной статьи, но в различных её частях, составы, которые предусмотрены сегодня в статьях 137 — 139 УК РФ¹⁵⁶;

— исключить из закона ст.153 УК РФ и одновременно включить в диспозицию ч.2 ст.126 УК РФ признак «то же деяние либо подмена в отношении ребёнка»¹⁵⁷;

— объединить состав, предусмотренный сегодня в ст.155 УК РФ, с составом, указанным в ст.137 УК РФ¹⁵⁸.

Вместе с тем, такие решения, связанные с устранением множества составов за счёт создания одного состава с альтернативными действиями, не являются оптимальными. Они способны привести как к декриминализации ряда деяний, которые сегодня вполне обоснованно признаются преступными, так и к нарушению сложившейся системы дифференциации ответственности за их совершение.

Должно быть очевидным, что разработка предложений в части решения дилеммы преимущества множества составов перед составом с альтернативными действиями должна быть подчинена общим правилам и принципам, направленным, прежде всего, на обеспечение оптимальной системы дифференциации ответственности при безусловном соблюдении принципов уголовного права.

156 Максимова О.В. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2013. — С. 8.

157 Ермолаев А.В. Уголовная ответственность за преступления против семьи: проблемы законодательной регламентации и правоприменения и пути их разрешения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2009. — С. 10.

158 Ермолаев А.В. Уголовная ответственность за преступления против семьи: проблемы законодательной регламентации и правоприменения и пути их разрешения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2009. — С. 11.

Не меньше вопросов и сложностей возникает при конструировании составов составных преступлений, которые образуются путём законодательного слияния двух вполне самостоятельных составов. Они могут быть представлены: а) составами с двумя действиями, каждое из которых может быть оценено как самостоятельное преступление (например, состав квалифицированного грабежа, в отсутствие которого грабёж с насилием мог бы быть квалифицирован по правилам совокупности как «обычный» грабёж и преступление против личности); б) составами с двумя последствиями, наступление которых может быть оценено по отдельным нормам (например, деяние, описанное в ч.4 ст.111 УК РФ, вполне может оцениваться как совокупность преступлений, предусмотренных ч.1 ст.111 УК РФ и ст.109 УК РФ).

Проблемам квалификации таких преступлений посвящено достаточное число публикаций, отстаивающих необходимость применения упомянутого ранее «санкционного подхода» к выбору нормы, а также учёта формы вины по отношению к наступившим общественно опасным последствиям, особенно в тех случаях, когда законодатель сам её не конкретизирует. Некоторые специалисты стремятся в данном случае обосновать даже общее правило, чтобы «при умышленном отношении к квалифицирующему (косвенному) последствию признавалась совокупность преступлений, а при неосторожном — содеянное охватывалось конкретной нормой и не требовало дополнительной квалификации»¹⁵⁹.

Надо признать, что в части осмысления всех указанных сложных составов преступлений (с альтернативными действиями, составных) отечественная наука по преимуществу делает акцент на разработке правил их квалификации, что отражает по преимуществу прикладной характер большинства сочинений. В то же время вопросы теории их конструирования, правила выбора конструкции именно одного сложного состава в противовес множеству простых составов, остаются недостаточно исследованными.

В литературе представлены важные, но лишь отдельные суждения по этому вопросу. Так, например, в обосновании необходимости существования преступления с альтернативными действиями, специалисты делают ставку на юридико-технические преимущества, отмечая

159 Павлов С.Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2011. — С. 9.

возможности экономии нормативно-правового пространства в уголовном законе¹⁶⁰. В обосновании наличия составов составных преступлений исследователи, напротив, делают ставку на криминологические особенности деяний, тесную содержательную, закономерную связь соответствующих деяний и последствий¹⁶¹. Обобщённых исследований в рассматриваемой части ещё недостаточно¹⁶² и в целом можно сказать, что правила предпочтения сложного преступления множественности преступлений как самостоятельный набор уголовно-политических принципов и юридико-технических требований остаются открытыми.

Сознавая всю сложность этой темы и её самостоятельный характер, заметим, что *представленные в литературе правила конструирования сложных составов должны быть дополнены ещё одной группой, отражающей связь типа состава преступления с задачей дифференциации уголовной ответственности*. Надо учитывать, чтобы:

(а) действия, включаемые в число альтернативных действий одного состава преступления, обладали единой социально-криминологической характеристикой, посягали на один и тот же основной объект, причиняли равный по содержанию вред охраняемому благу, имели равную степень общественной опасности, а санкция уголовно-правовой нормы, описывающей альтернативный состав преступления, была в достаточной степени альтернативной, чтобы охватить возможные различия в опасности содеянного, а также позволить адекватно оценить как факт совершения одного из альтернативных действий, так и их множество;

160 См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. — М.: Городец, 2007. — С. 304, 305; Мусина Р.Р. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны // Актуальные проблемы экономики и права. — 2011. — № 3. — С. 250.

161 См.: Демин В.Ф. Социальная обусловленность законодательного конструирования единого сложного преступления и его квалификации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1989. — С. 20; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. — М.: Юрид. лит., 1960. — С. 39.

162 Наиболее известные и значимые см.: Питецкий В.В. Составные нормы в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2004; Гулиева Н.Б. Составные преступления в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Кемерово, 2006; Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. — М.: Проспект, 2014; Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления. — М.: Юрлитинформ, 2016.

(б) деяния и (или) последствия, включаемые в состав составного преступления, должны быть описаны законодателем с чётким указанием на форму вины, а их совокупная оценка в санкции должна отражать опасность каждого входящего в составное преступление деяния и (или) последствия, в связи с чем максимальное наказание в санкции за составное преступление должно быть не ниже максимального наказания, которое может быть назначено с учётом правил совокупности преступлений за каждое отдельно взятое преступления, к тому же эта санкция должна быть менее альтернативной, нежели санкции за преступления, из которых складывается состав составного преступления.

Подводя итог анализу вопросов, поднятых в настоящем параграфе, полагаем возможным предложить следующие основные выводы и рекомендации:

— Одним из направлений дифференциации ответственности выступает криминализация общественно опасных деяний. Принимая решение о криминализации, то есть о подключении уголовно-правовых средств к реагированию на то или иное общественно опасное поведение, законодатель решает проблему межотраслевой дифференциации правовой ответственности. Но оформляя своё решение в тексте уголовного закона, используя для этого уголовно-правовые конструкции и средства, законодатель с неизбежностью входит в область дифференциации уже собственно уголовной ответственности, поскольку от его юридико-технических решений во многом зависит ряд важнейших для уголовной ответственности последствий;

— Механизм и направления влияния юридико-технического компонента криминализации на дифференциацию уголовной ответственности включает в себя три основных компонента: 1) признание интересов личности основным объектом преступления и размещение соответствующей уголовно-правовой нормы в той или иной главе раздела VII УК РФ или за его пределами; 2) оценка интересов личности в качестве дополнительного объекта и конструирование в связи с этим сложных составов преступлений с размещением соответствующей уголовно-правовой нормы за пределами раздела VII УК РФ; 3) оценка деяний, причиняющих вред интересам личности, и выбор для их описания той или иной конструкции состава преступления;

— Подключение объекта преступления к конструированию оснований дифференциации уголовной ответственности, наряду с традиционным характером и степенью общественной опасности, позволяет

конкретизировать, детализировать механизм уголовно-правового регулирования. Дифференциация ответственности с учётом направленности посягательства проявляется: 1) на межотраслевом уровне при конструировании индивидуально-профилактических правоограничений для лиц, совершивших преступления против личности; 2) на отраслевом уголовно-правовом уровне при конструировании особенностей и ограничений в применении отдельных видов наказаний, условного осуждения, отсрочки отбывания наказания и некоторых иных институтов к лицам, совершившим преступления против личности. Развитие этого направления дифференциации предполагает наличие обоснованной нормативной систематизации составов преступлений в Особенной части УК РФ, в основу которой должен быть положен тот объект, который сам законодатель считает приоритетным и который он стремится защитить в процессе создания уголовно-правового запрета;

— В решении проблем дифференциации уголовной ответственности с учетом содержания объекта преступления есть два основных направления. Первый — стратегический, состоит в создании в системе особенной части уголовного закона максимально развернутой, дробной классификации преступлений и разработке средств дифференциации ответственности, «привязанных» к этой систематизации посягательств. Второй путь — тактический, может рассматриваться в качестве промежуточного этапа на пути глобального реформирования уголовного закона. Он предполагает дальнейшую разработку уже апробированных решений в части дифференциации ответственности с их одновременным юридико-техническим совершенствованием. Законодателю целесообразно использовать для обособления соответствующих групп преступлений не признаки объекта, используя оборот «преступления против», а иные признаки состава преступления, в том числе последствия и потерпевшего. В этом случае понятие «преступление против жизни» в ст.57 УК РФ может быть заменено понятием «преступление, повлекшее умышленное причинение смерти потерпевшему»; понятие «преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста» в ст.73 УК РФ может быть заменено понятием «преступление, причинившее вред половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста»; понятие «преступление против

личности» в ст.82 УК РФ может быть заменено понятием «преступление, причинившее вред правам и законным интересам граждан»;

— Дифференциация ответственности за преступления с учётом наличия дополнительного объекта приводит к усложнению системы Особенной части уголовного закона, когда наряду с нормами об ответственности за посягательство на личность как основной объект появляются нормы, в которых эти же интересы личности, охраняемые самостоятельными нормами, защищаются в качестве дополнительного объекта. Такие нормы предусматривают две разновидности составов: либо сложные составные двухобъектные составы преступлений (разбой, вымогательство и др.), либо специальные составы преступлений (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, применение насилия в отношении представителя власти). При оценке интересов личности в качестве дополнительного объекта преступления законодатель: может защитить не все, но лишь некоторые интересы личности, описывает особый способ или специфические последствия преступления, устанавливает и конкретизирует связь между механизмом причинения вреда личности и формой вины;

— Дифференциация уголовной ответственности с учётом дополнительного объекта преступления требует одновременного решения трёх взаимосвязанных задач: 1) выбор приоритетного, основного объекта преступления и, исходя из этого, размещение соответствующей уголовно-правовой нормы в той или иной главе уголовного закона; 2) обеспечение принципа достаточности и неизбыточности закона с тем, чтобы исключить наличие дублирующих норм, порождающих неоправданную конкуренцию; 3) сконструировать санкции таким образом, чтобы различия в наказуемости деяний реально отражали перепад в оценке их общественной опасности;

— Создание специальных норм для дифференциации ответственности за посягательства, причиняющие вред интересам личности, с учётом учения об основном и дополнительном объекте, развивается в двух направлениях: а) в рамках раздела VII УК РФ законодатель создаёт специальные нормы по отношению к нормам об ответственности за преступления, расположенным в иных разделах Кодекса; б) за рамками раздела VII УК РФ законодатель создает нормы, описывающие составы преступлений, которые выступают в качестве специальных по отношению к составам преступлений против личности. Учёт факта причинения вреда интересам личности при конструировании многообъектных составов преступлений

не должен служить основанием для смягчения ответственности виновного лица. Следовательно, специальные нормы, указанные в разделе VII УК РФ, должны иметь санкции более высокие, нежели санкции норм об ответственности за многообъектные преступления, причиняющие вред личности и расположенные в иных разделах УК РФ; равным образом, специальные нормы об ответственности за многообъектные преступления, причиняющие вред личности, расположенные в иных разделах УК РФ, должны иметь более высокие санкции, нежели санкции общих норм, расположенных в разделе VII УК РФ;

— Выбор конструкции состава прямо влияет на дифференциацию ответственности, когда от особенностей состава зависит квалификация содеянного в качестве единичного преступления либо с учётом правил закона о совокупности преступлений. Эта проблема возникает, когда в противовес конструированию множества составов законодатель создаёт составы с альтернативными действиями, составные составы с двумя преступными действиями, формальные и специальные по отношению к ним материальные составы преступлений. Решение дилеммы преимущества множества составов перед сложным составом должно быть подчинено общим правилам и принципам, направленным, прежде всего, на обеспечение оптимальной системы дифференциации ответственности при безусловном соблюдении принципов уголовного права;

— Теоретические правила конструирования сложных составов преступлений, наряду с требованиями социально-криминологической обоснованности, юридико-технического совершенства, должны включать подгруппу правил, обеспечивающих соблюдение начал дифференциации ответственности. В частности: 1) действия, включаемые в число альтернативных действий одного состава преступления, должны обладать единой социально-криминологической характеристикой, посягать на один и тот же основной объект, причинять равный по содержанию вред охраняемому благу, иметь равную степень общественной опасности, а санкция уголовно-правовой нормы, описывающей альтернативный состав преступления, должна быть в достаточной степени альтернативной, чтобы охватить возможные различия в опасности содеянного, а также позволить адекватно оценить как факт совершения одного из альтернативных действий, так и их множество; 2) деяния и (или) последствия, включаемые в состав составного преступления, должны быть описаны законодателем с чётким указанием

на форму вины, а их совокупная оценка в санкции должна отражать опасность каждого входящего в составное преступление деяния и (или) последствия, в связи с чем максимальное наказание в санкции за составное преступление должно быть не ниже максимального наказания, которое может быть назначено с учётом правил совокупности преступлений за каждое отдельно взятое преступление, к тому же эта санкция должна быть менее альтернативной, нежели санкции за преступления, из которых складывается состав составного преступления.

§ 2. Привилегированные составы преступлений против личности: теоретико-прикладные проблемы

Дифференциация уголовной ответственности за преступления против личности посредством конструирования привилегированных составов преступлений хотя и имеет долгую историю¹⁶³, занимает весьма скромное место в содержании уголовной политики страны. В общем массиве составов преступлений, посягающих на личность, закон выделяет лишь семь составов, описывая их в пяти статьях. При этом привилегиирующие признаки используются для описания посягательств лишь на два объекта — жизнь и здоровье. Количество и удельный вес преступлений против жизни и здоровья при наличии привилегиирующих признаков также невелики (см. табл. 2).

Таблица 2. Преступления против личности при наличии привилегиирующих признаков

УК РФ	2010		2019	
	абс.	%	абс.	%
Статья 106. Убийство матерью новорождённого ребёнка	65	0,48	15	0,47
Статья 107, часть 1. Убийство, совершённое в состоянии аффекта	227	1,68	14	0,44
Статья 107, часть 2. Убийство двух или более лиц, совершённое в состоянии аффекта	6	0,04	0	0,00

163 Усачёва А.П. Генезис и развитие уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью при наличии привилегиирующих признаков // Общество и право. — 2017. — № 1. — С. 77.

Статья 108, часть 1. Убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны	710	5,27	125	3,96
Статья 108, часть 2. Убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление	4	0,03	0	0,00
<i>*Удельный вес от общего числа всех убийств (ст. 105 — 108 УК РФ), 13456 в 2010 г. и 3155 в 2019 г.</i>				
Статья 113. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта	88	0,18	5	0,03
Статья 114, часть 1. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны	919	1,91	235	1,18
Статья 114, часть 2. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление	17	0,04	0	0,00
<i>*Удельный вес от общего числа причинений вреда здоровью (ст. 111 — 115 УК РФ), 48133 в 2010 г. и 19891 в 2019 г.</i>				

В нашу задачу не входит криминологический анализ имеющейся статистической информации и детальное объяснение очевидных нисходящих тенденций. Ограничимся общим указанием на сокращение уровня насилия в обществе, нормализацию межличностных отношений, уменьшение объёмов вызывающего и провоцирующего поведения, нормативное расширение пределов правомерности причинения вреда при обороне и задержании лиц, совершивших преступления. В интересах нашего исследования обратить внимание на сами нормативные конструкции и исследовать вопрос их социальной обусловленности.

В науке нет особых разночтений в понимании привилегированного состава преступления и привилегирующих признаков. Привилегированным признаётся состав, содержащий, помимо конstitutивных, дополнительный признак, обуславливающий пониженную общественную опасность данного состава по сравнению с основным, т.е. привилегирующий признак¹⁶⁴, при этом норма, содержащая основной состав, признаётся общей

164 Научные основы квалификации преступлений: учебник. — Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. — С. 94.

по отношению к содержанию как квалифицированных, так и привилегированных составов, которые воспринимаются как специальные¹⁶⁵.

Представлены в науке и не вызывающие возражений критерии отбора обстоятельств, «претендующих» на закрепление в качестве прилегирующих признаков состава преступления (критериям привилегизации):

1) они всегда должны свидетельствовать о существенно меньшей степени общественной опасности деяния;

2) должны характеризовать содеянное, то есть проявиться в преступлении;

3) быть относительно распространёнными (т.е. не носить единичного характера), однако они не могут сопровождать большинство преступлений определённого вида;

4) могут быть сформулированы в достаточно абстрактной форме;

5) должны быть процессуально доказуемы;

6) должны быть согласованы с иными нормами, институтами и принципами уголовного права, а также с другими привилегировающими и квалифицирующими признаками и логикой их законодательной регламентации¹⁶⁶.

Вместе с тем, надо признать, что внимание научной общественности и законодателя к проблеме привилегированных составов не является стабильно высоким. Даже в специальных источниках им либо вовсе не уделяется внимание¹⁶⁷, либо посвящается всего несколько абзацев¹⁶⁸. Т.А. Лесниевски-Костарева признает, что «привилегировающие признаки неоправданно отеснены на второй план. За исходный уровень общественной опасности (основной состав) нередко принимается такой, который, по существу, должен быть отражен в привилегированном составе. Законодатель идёт по пути дифференциации ответственности поч-

165 Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дисс. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2003. — С. 280; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 1999. — С. 220.

166 Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2017. — С. 18 — 19.

167 См.: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

168 См.: Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. — М.: Проспект, 2014.

ти исключительно путём введения в закон квалифицирующих признаков. В итоге наблюдается правовая оценка большей части преступлений определённого вида не по первой, а по второй и последующим частям статьи Особенной части уголовного закона, что свидетельствует о неадекватном распределении функций между основным и квалифицированными составами преступлений»¹⁶⁹.

Признавая точность наблюдения Т.А. Лесниевски-Костаревой, полагаем все же, что было бы неоправданным упрощением требовать масштабного пересмотра системы составов преступлений, перевода части основных составов преступлений в разряд привилегированных, а части квалифицированных — в разряд основных, только на основании статистической информации о масштабах и особенностях применения уголовного закона. *Проблема привилегированных составов должна рассматриваться не только (а возможно, и не столько) в рамках темы дифференциации уголовной ответственности, сколько в общем контексте криминализации общественно опасных деяний и выполнения уголовным законодательством предупредительных задач.*

Объявляя то или иное деяние преступным и заслуживающим уголовной ответственности, законодатель, во-первых, исходит из того, что его предупреждение невозможно или неэффективно иными правовыми средствами (например, мерами административной или гражданско-правовой ответственности), а во-вторых, определяет некую минимальную планку, по достижении которой поведение лица признаётся заслуживающим уголовно-правовой реакции. Эта планка не всегда отделяет допустимое от недопустимого. В качестве промежуточного звена между этими полюсами могут выступать иные предупредительные нормы (в сфере публичной ответственности, это прежде всего, нормы КоАП РФ). Но она всегда отделяет преступное деяние от иного (неправомерного или правомерного). Иными словами, *минимум криминальной общественной опасности деяний определённого вида устанавливается в процессе криминализации, причём на уровне именно основного состава преступления.* Деяния, обладающие меньшей опасностью, нежели предписанной в основном составе преступления, по общему правилу, не могут и не должны требовать уголовно-правовой реакции, а, следовательно, и не подлежат криминализации. Для их оценки

169 Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998. — С. 201 — 202.

в системе права существуют иные возможности, не связанные с подключением самой строгой из имеющихся — уголовной ответственности.

С учётом сказанного, проблема привилегированных составов преступлений приобретает, как нам представляется, иное и более важное звучание. Очевидно, что если в силу каких-либо дополнительных признаков деяние «не дотягивает» до опасности, свойственной преступлению определённого вида, оно не может признаваться его разновидностью. Если деяние с привилегированным составом не обладает опасностью, которая свойственна деянию с основным составом, то таковое и не может признаваться разновидностью преступления вообще, тем более с учётом отмеченных представлений о соотношении таких составов по типу «общее — особенное». Преступление с квалифицированным составом обладает всеми признаками основного состава и потому опасность «основного» преступления заключена в «квалифицированном». В отличие от этого, преступление с привилегиирующим признаком, хотя формально и имеет аналогичную конструкцию (его состав содержит признак, отсутствующий в основном составе), тем не менее, не обладает опасностью «основного преступления», а значит и не отвечает условиям и требованиям криминализации этого «основного преступления». И несмотря на это, законодатель признаёт «привилегированное деяние» преступлением.

В такой ситуации возникает закономерный вопрос — почему? Ответ на него, по нашему мнению, стоит искать не в области дифференциации уголовной ответственности, а в сфере межотраслевой дифференциации публично-правовой ответственности и криминализации деяний. Если какое-либо деяние, смежное с тем, что предусмотрено в основном составе преступления, не обладает опасностью этого «основного преступления», законодатель вправе использовать для противодействия ему возможности, которые предоставлены КоАП РФ. Классическими иллюстрациями здесь могут выступать нормы, ориентированные на противодействие хищениям, хулиганству, нарушениям некоторых специальных правил безопасности. Однако в некоторых случаях законодатель полагает, что мер административной ответственности явно недостаточно и, пользуясь конституционной свободой усмотрения в решении вопроса об определении вида противоправности деяния, объявляет деяния, не обладающие опасностью свойственной основному составу криминализованного деяния, преступлениями. Привилегированные составы убийств и причинения вреда здоровью — тому подтверждение. Полагаем,

что основание такого решения кроется не в оценке именно привилегированных признаков и не в сопоставлении опасности «привилегированного преступления» с опасностью «основного преступления», а в оценке деяния как такового с точки зрения общих критериев криминализации. Законодатель, принимая решение о криминализации убийств и причинения вреда здоровью при наличии смягчающих обстоятельств, не дифференцирует ответственность за соответствующие деяния по сравнению с иными случаями убийств и причинения вреда здоровью, а проводит работу по их, если допустимо так выразиться, «первичной криминализации», сопоставляя их опасность не с опасностью «основных преступлений» против жизни и здоровья, а с опасностью, которой должно обладать преступление как таковое. Если результат сопоставления свидетельствует о совпадении показателей опасности с нормативной моделью преступления, принимается решение о криминализации, если нет — об установлении ответственности за деяние в КоАП РФ.

Изложенное даёт основание для фундаментального вывода о необходимости отказа от восприятия исследуемых составов преступлений в качестве привилегированных, и, в целом, о необходимости пересмотра традиционного взгляда на средства дифференциации уголовной ответственности. Полагаем, что признаки состава преступления, именуемые сегодня привилегированными, как таковые не могут и не должны рассматриваться в рамках учения о дифференциации ответственности. Они выполняют иную, по сравнению с квалифицирующими признаками, функцию. Если квалифицирующие признаки, будучи дополнительными по отношению к признакам основного состава, призваны дифференцировать ответственность, основанием которой выступает деяние, содержащее основной состав преступления, то привилегированные признаки выполняют качественно иную, фундаментальную функцию, обосновывая в своей совокупности само наличие основания уголовной ответственности.

Такой подход к пониманию привилегированных составов преступлений даёт возможность по-новому взглянуть на некоторые традиционные проблемы систематизации, толкования и применения норм, которые сегодня именуются нормами с привилегированными составами преступлений против личности.

Заметим, что робкая попытка реализовать его была предпринята в науке. Так, Э.В. Кабурнеев писал, что причинение смерти при превышении

пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания (чч. 1 и 2 ст.108 УК РФ) не может признаваться убийством. «Данные преступления следует исключить из категории убийств и именовать «причинением смерти при превышении пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания»¹⁷⁰. Однако эта мысль не была развита должным образом и не нашла заметной поддержки в литературе. Тем не менее, в ней отражен глубокий смысл. Преступление с привилегированными признаками, не будучи разновидностью «основного преступления», обладает не только иными показателями степени общественной опасности, но и иным характером опасности. По сути, это совершенно «иное», «самостоятельное» преступление. С этой точки зрения использование для его обозначения иного наименования, иной терминологии, как это предлагает Э.В. Кабурнеев (и как это реализовано в действующем УК РФ для различения преступлений, предусмотренных ст.105 УК РФ и ст.109 УК РФ), отражает не только внешний аспект различий, но и содержательный, сущностный, подчеркивая, что речь идёт о различных по характеру и степени общественной опасности преступлениях.

Заслуживает пересмотра также устоявшаяся классификация и систематизация преступлений против жизни и преступлений против здоровья. Привилегированные составы преступлений против жизни и здоровья традиционно воспринимаются в качестве особой подсистемы соответствующих посягательств. Применительно к преступлениям против здоровья специалисты отмечают, что «привилегированные виды причинения вреда здоровью имеют единство и взаимосвязь между собой, данные виды преступлений однородны и расположены в законе в определённом порядке. Соответственно, в рамках общей совокупности (системы) преступлений против здоровья они являют собой подсистему, микросистему, которой свойственны все необходимые признаки такого формирования»¹⁷¹. С таким суждением сложно согласиться в полной мере. Оспоримы, в частности, утверждения об «однородности» привилегированных составов и наличии у них системных свойств. Применительно к убийствам

170 Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. — С. 13.

171 Усачёва А.П. Система привилегированных видов причинения вреда здоровью в российском уголовном законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — № 1. — С. 132.

обоснованные сомнения на этот счёт озвучил М.Д. Точеный. Он пишет: «Преступления, предусмотренные ст.108 УК, с одной стороны, и общественно опасные деяния, описанные в ст.ст. 106, 107 УК РФ, заметно отличаются друг от друга». Поэтому автор предлагает выделять четыре вида убийства: убийство при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (ст. 108 УК РФ); простое убийство со смягчающими обстоятельствами (ст.ст. 106, 107 УК РФ); простое тяжкое убийство (ч.1 ст.105 УК РФ); особо тяжкое убийство (ч.2 ст.105 УК РФ)¹⁷².

Представляется, что идея обновления систематизации исследуемых преступлений должна быть разработана полнее, в качестве проблемы общего порядка, охватывая собой посягательства и на жизнь, и на здоровье. С учётом общности оснований для установления более мягких санкций, преступления, предусмотренные в статьях 107 и 113 УК РФ, с одной стороны, а также преступления, предусмотренные статьями 108 и 114 УК РФ, с другой, должны рассматриваться в качестве самостоятельных групп посягательств в общем массиве деяний, описанных главой 16 УК РФ. Именно в таком интегрированном виде, и именно здесь, в общем массиве посягательств, они должны занять свое место. Нецелесообразным видится их раздельное позиционирование в качестве особой разновидности преступлений против жизни и преступлений против здоровья. В прогностическом плане полагаем целесообразным составы причинения вреда жизни и здоровью под влиянием аффекта объединить в одну норму, также как в самостоятельных нормах предусмотреть ответственность за причинение вреда жизни и здоровью при нарушении условий правомерности обороны и задержания. И поскольку традиционная систематизация преступлений главы 16 УК РФ включает в себя три основные группы: преступления против жизни, преступления против здоровья и преступления, ставящие в опасность оба эти объекта¹⁷³, то посягательства на жизнь и здоровье, вызванные состоянием аффекта или связанные с превышением пределов правомерности

172 Точеный М.Д. Убийство либо причинение телесных повреждений при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ, ч. 2 ст. 114 УК РФ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2006. — С. 8.

173 См.: Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. — М.: Зерцало-М, 2008. — С. 17 — 18, 169; Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015. — С. 328; Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. — М.: Контракт, 2015. — С. 76.

причинения вреда, следует отнести именно к этой третьей группе, отделив, тем самым, от убийств и от «стандартных» преступлений против здоровья.

Новая систематизация ставит вопрос о её юридико-техническом оформлении непосредственно в тексте уголовного закона. Специалисты, отстаивающие идею привилегированных составов преступлений, обращают внимание на то, что установленный в УК РФ порядок изложения основных, квалифицированных и привилегированных составов убийств и причинения вреда здоровью не в полной мере соответствует основному теоретическому требованию — излагать в одной статье все разновидности состава, выделяемые по степени общественной опасности. А.П. Штанькова в связи с этим предлагает новый порядок, предполагающий, во-первых, использование буквенных индексов для обозначения статей, содержащих квалифицированные и привилегированные составы преступлений, а во-вторых, изменение местоположения норм об ответственности за причинение вреда здоровью при смягчающих обстоятельствах. Согласно её концепции, вслед за ст.105 УК РФ должны следовать ст.105-а (сейчас это ст.106 УК РФ), затем ст.105-б (ст.107 УК РФ в действующей редакции) и ст.105-в (сейчас — ст.108 УК РФ); вслед за ст.111 УК РФ должна следовать ст.111-а (сейчас — ст.113 УК РФ), затем ст.111-б (сейчас — ч.1 ст.114 УК РФ) и ст.111-в (сейчас — ч.2 ст.114 УК РФ); вслед за ст.112 УК РФ должны следовать ст.112-а (сейчас — ст.113 УК РФ), затем ст.112-б (сейчас ч.2 ст.114 УК РФ)¹⁷⁴. При таком подходе, действительно, можно обеспечить логический порядок изложения составов преступлений. Однако, как отмечалось, он требует важного допущения: признания самой идеи привилегированных составов. В нашей концепции, очевидно, решение должно быть иным. Представляется, что нормы, созданные на основе интеграции предписаний ст.ст. 107 и 113 УК РФ, и ст.ст. 108 и 114 УК РФ, вполне могут занять своё место в заключительной части главы 16 УК РФ, расположившись после ст.125 УК РФ.

Ещё одна важная теоретическая проблема, которая может быть успешно решена, исходя из идеи отказа от конструкции привилегированных составов и новой систематизации преступлений против личности, состоит в проведении обоснованной дифференциации ответственности за исследуемые преступления против личности.

174 Штанькова А.П. Внешняя законодательная техника привилегированных составов преступлений // Вестник ВГУ. Серия Право. — 2017. — № 2. — С. 280 — 281.

В сложившейся на сегодняшний день ситуации привилегированные составы, отражая пониженную степень опасности убийств и причинения вреда здоровью, как правило, выступают «конечной точкой» дифференциации уголовной ответственности. Статьи 106, 108, 113 и 114 УК РФ не содержат квалифицирующих признаков; части вторые статей 108 и 114 УК РФ содержат не квалифицированные, а самостоятельные виды преступлений, выделяемые на основе специфики обстоятельств, исключающих преступность деяния; ст. 113 УК РФ не дифференцирует ответственность за причинение вреда в состоянии аффекта, в зависимости от объёма этого вреда.

Только в ст.107 УК РФ (убийство в состоянии аффекта) законодатель посчитал возможным выделить квалифицированный вид преступления — убийство двух или более лиц. Это решение воспринимается в науке неоднозначно. М.Н. Каплин пишет, например: «Нелогичным и несправедливым представляется усиление ответственности за убийство двух или более лиц, совершённое в состоянии аффекта (ч.2 ст.107). Во-первых, количество потерпевших в данной ситуации не в полной мере зависит от виновного. Получается, что закон ставит ему в вину то обстоятельство, что его «довёл» не один человек, а несколько. Во-вторых, использование конструкции «квалифицированный привилегированный состав» является несвойственным отечественному уголовному праву. Нелогично, когда законодатель сначала снижает ответственность, а затем пытается её усилить. Следовательно, ч.2 из ст.107 необходимо исключить»¹⁷⁵. Его поддерживает Е.Н. Аленкин, предлагая отказаться от предусмотренного ч.2 ст.107 УК РФ «квалифицированного привилегированного состава» и избежать неоправданного усложнения системы привилегированных составов убийства¹⁷⁶. С иной системой аргументов, предлагая квалифицировать убийство двух или более лиц в состоянии аффекта по правилам совокупности преступлений, выступает Н.А. Лопашенко¹⁷⁷. Не предreshая вопроса о квалификации аффективных убийств при наличии множества потерпевших и поддерживая высказанную в предыдущей части исследования мысль о необходимости отказа от квалифицирующего признака, отражающего множество

175 Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2003. — С. 18 — 19.

176 Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2017. — С. 11.

177 Лопашенко Н.А. Убийства. — М.: Юрлитинформ, 2013. — С. 400.

потерпевших в составе убийства, предусмотренного ч.2 ст.105 УК РФ, согласимся, что с точки зрения соотношения квалифицированных и привилегированных составов, состав ч.2 ст.107 УК РФ, действительно, представляет собой противоречивую и нелогичную конструкцию, а потому без потери качества уголовного закона вполне может быть изъят из системы преступлений против личности.

Понимание же исследуемых посягательств не как привилегированных преступлений против жизни и здоровья, а как самостоятельных, обособленных преступлений, позволяет без использования спорной конструкции «квалифицирующего признака привилегированного состава» решать вопросы дифференциации ответственности более последовательно и логично.

В частности, устанавливая ответственность за причинение вреда при нарушении условий правомерности обстоятельств, исключая преступность деяния, законодатель: (а) криминализирует в качестве самостоятельных деликтов причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны и превышении пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; (б) дифференцирует ответственность за такие превышения пределов, исходя из объёмов причинённого вреда. При таком подходе в теоретическом отношении принципиально смещается акцент в описании деяния. Сегодня деянием признаётся убийство в ч.1 и ч.2 ст.108 УК РФ, причинение тяжкого вреда здоровью в ч.1 и ч.2 ст.114 УК РФ, причинение средней тяжести вреда здоровью в ч.2 ст.114 УК РФ. Превышение пределов правомерности причинения вреда в системе признаков составов соответствующих преступлений занимает весьма неопределённое место. В специальных источниках, как правило, не исследуется вопрос о том, какой именно признак состава преступления характеризует «превышение пределов», не называется, какой именно признак выступает «привилегирующим». В редких случаях указывается, что такой признак описывает обстановку причинения вреда¹⁷⁸ или «обстоятельства», связанные с процессом защиты или задержания¹⁷⁹. Мы же полагаем, что в рассматриваемых ситуациях деяние вино-

178 См.: Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. — М.: Контракт, 2015. — С. 108.

179 См.: Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. II. Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. — С. 252.

вною как раз и состоит в превышении пределов обороны или задержания, в то время как причинение вреда здоровью или наступление смерти выступает в качестве последствий его деяния. Это даёт основание для реализации принципиально иного подхода к криминализации исследуемых деликтов и дифференциации уголовной ответственности за них. Полагаем, что в рассматриваемой ситуации на роль криминализируемого деяния должно претендовать именно превышение пределов правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, ответственность за которое должна быть дифференцирована в квалифицированных составах преступлений в зависимости от объёма причиняемого вреда жизни и здоровью¹⁸⁰.

Такой подход позволит грамотно решить вопрос о возможности установления ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны. Специалисты пишут: «исключение из ст.114 УК РФ нормы об ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны не может быть объяснено изменениями, произошедшими в социальных и правовых условиях страны. Кроме того, умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести в ситуации превышения пределов необходимой обороны не обладает меньшей общественной опасностью по сравнению с его нанесением при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»¹⁸¹; «существует необходимость внесения изменений в ст.114 УК РФ: в её ч.1 следует предусмотреть ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, а в ч. 2 — за нанесение тяжкого вреда здоровью при тех же обстоятельствах»¹⁸².

Полагаем, в этих суждениях есть рациональное зерно. Сегодня вопрос об ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов обороны решен на уровне постановления

180 С близким по содержанию предложением, но с иной аргументацией, в науке выступил Д.М. Васин, см.: Васин Д.М. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния: место и роль в уголовно-правовом регулировании: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2013. — С. 8.

181 Расторопов С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — С. 356.

182 Усачева А.П. Система привилегированных видов причинения вреда здоровью в российском уголовном законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — № 1. — С. 132.

Пленума Верховного Суда РФ. В своем постановлении № 19 от 27.09.2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» Пленум ВС РФ указал: «Не влечёт уголовную ответственность умышленное причинение посягавшему лицу средней тяжести или лёгкого вреда здоровью либо нанесение побоев, а также причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства» (п. 11). Такой подход отражает лишь один из возможных вариантов толкования уголовного закона и в литературе вызывает вполне обоснованные сомнения. В.В. Орехов, к примеру, убедительно доказывает, что закон не исключает ответственности за причинение средней тяжести или лёгкого вреда здоровью при нарушении условий правомерности обороны или иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, с обязательным смягчением назначаемого наказания в силу предписаний ст. 61 УК РФ¹⁸³. Действительно, причинение средней тяжести вреда здоровью при обстоятельствах, связанных с превышением пределов обороны, не может быть оправданно. Не повторяя аргументов, связанных с социально-криминологическими основаниями криминализации насилия при превышении пределов правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, заметим, что такая криминализация является вполне оправданной с точки зрения учения о дифференциации ответственности. Во-первых, криминализация превышения пределов обороны, которое повлекло причинение средней тяжести вреда здоровью, обеспечит системность в криминализации причинения вреда при нарушении условий правомерности различных обстоятельств (в частности, обороны и задержания), во-вторых, новый подход гарантирует последовательность в дифференциации ответственности за нарушение условий правомерности, которое повлекло различные последствия — средней тяжести вред здоровью, тяжкий вред здоровью и смерть. Предполагаемая модель статьи уголовного закона могла бы в данном случае выглядеть следующим образом: 1. Превышение пределов правомерности обстоятельства, исключающего преступность деяния, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью; 2. То же деяние, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью; 3. То же деяние, повлекшее смерть.

183 Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 94 — 95.

По аналогичной схеме представляется разумным построить и норму об ответственности за причинение вреда здоровью и смерти в состоянии аффекта, с одной стороны, объединив посягательства, предусмотренные сегодня в ст.107 УК РФ и ст.113 УК РФ, а с другой стороны, вычленив в отдельные части статьи ответственность за аффективные деяния, повлекшие различные последствия¹⁸⁴: 1. Причинение средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта; 2. Причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта; 3. Причинение смерти в состоянии аффекта.

Обсуждая вопросы криминализации причинения вреда здоровью при превышении пределов обстоятельств, исключающих преступность деяния, и в состоянии аффекта, нельзя пройти мимо вопроса об установлении «нижнего порога» вреда, причинение которого требует криминализации и (или) может рассматриваться в качестве преступного деяния. Как отмечалось, В.В. Орехов допускает привлечение к ответственности по общим нормам случаев причинения легкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, а В.С. Коновалов предлагает криминализировать нанесение побоев в состоянии аффекта¹⁸⁵. Представляется, что такие предложения, лишь формально согласующиеся с требованиями системности законодательства и позволяющие всем «основным» составам причинения вреда здоровью противопоставить корреспондирующие составы со смягчающими обстоятельствами, не в полной мере согласуются с нашим подходом, предполагающим необходимость сопоставления опасности таких преступлений не с опасностью «основного» деликта, а с общими критериями опасности деяния, подлежащего криминализации. Полагаем, что причинение лёгкого вреда здоровью или побой, совершённые при превышении пределов

184 Некоторые авторы и ранее признавали отсутствие дифференциации ответственности за преступление, предусмотренное ст.113 УК РФ, в зависимости от объёма причиненного вреда здоровью, недостатком закона (см.: Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 162), предлагая установить ответственность за аффективное причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью в различных, самостоятельных статьях уголовного закона (см.: Тухбатуллин Р.Р. Умышленные преступления против жизни и здоровья, совершённые в состоянии аффекта: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — С. 9 — 10; Пуляева Е.В. Аффект: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Тамбов, 2007. — С. 10).

185 Коновалов В.С. Уголовная ответственность за причинение лёгкого вреда здоровью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2002. — С. 9.

обороны, задержания преступника или в состоянии аффекта, не обладают тем уровнем общественной опасности, который позволяет рассматривать их в качестве преступлений (тем более что ответственность за побои сегодня, в принципе, установлена в КоАП РФ).

Вместе с тем, вопрос о видах преступлений против жизни и здоровья при смягчающих обстоятельствах нуждается в дополнительном анализе. В науке нет единой позиции на этот счёт. Некоторые авторы полагают, что круг таких преступлений является обоснованным и достаточным¹⁸⁶, а дальнейшее расширение системы привилегированных преступлений против жизни и здоровья (в том числе за счёт введения таких новых составов, как убийство, совершённое при превышении пределов крайней необходимости, убийство, совершённое при превышении пределов обоснованного риска¹⁸⁷, и убийство безнадежно больного новорожденного из чувства сострадания) является нецелесообразным¹⁸⁸. Иные специалисты последовательно доказывают обратное, предлагая как расширение спектра привилегированных составов преступлений, так и, напротив, их сокращение. В этих случаях, как правило, речь идёт об оценке таких преступлений, как детоубийство и эвтаназия. С учётом значимости этой проблемы полагаем необходимым уделить ей отдельное внимание в рамках нашего исследования.

Начнём с детоубийства. Проблема ответственности за детоубийство имеет давнюю историю, которая свидетельствует о различающихся и порой диаметрально противоположных подходах к её решению¹⁸⁹.

186 Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2003. — С. 19.

187 С таким предложением, например, выступила Е.О. Маляева, см.: Маляева Е.О. К вопросу об увеличении привилегированных видов убийства // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: материалы II Международ. Науч.-практ. конф. (30 — 31 мая 2002 г, МГУ им. М.В. Ломоносова). — М.: ЛексЭст, 2003. — С. 329 — 332.

188 Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2017. — С. 11, 17.

189 См., например: Жижиленко А.А. Преступления против личности. — М.: Госиздат, 1927. — С. 20; Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. — М.: Юрид. издат. Минюста СССР, 1947. — С. 79 — 95; Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 1961. — С. 29; Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними (уголовно-правовое и криминологическое исследование). — Воронеж: Издат. Воронеж. ун-та, 1965. — С. 159 — 163; Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. — М.: Юрид. лит., 1977. — С. 70 — 74 и др..

В действующем законе ст.106 УК РФ предусмотрела привилегированный состав, альтернативными моделями которого выступают: (а) убийство матерью новорождённого ребёнка во время или сразу после родов; (б) убийство матерью новорождённого ребёнка в условиях психотравмирующей ситуации; (в) убийство матерью новорождённого ребёнка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Такая альтернативность служит одним из основных, если не главным фактором, обуславливающим значительный поток критики в адрес законодательного решения.

Многочисленные исследования убедительно доказывают, что сам по себе новорождённый возраст потерпевшего, сам по себе факт родительской связи между виновной и потерпевшим, время совершения убийства как таковое не могут и не должны служить обстоятельствами, смягчающими ответственность за убийство ребёнка. Убийство, не связанное с состоянием женщины, с мотивацией, с ситуацией, в которой происходят роды и лишение жизни потерпевшего, следует квалифицировать по ст.105 УК РФ, причём с учётом такого усиливающего ответственность признака, как совершение преступления «в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» (п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ). Только особое сочетание субъективных и объективных признаков детоубийства, характеризующих, прежде всего, специфическое состояние женщины, могут стать основой для конструирования состава со смягчающими обстоятельствами. С учётом этого факта специалисты предлагают скорректировать диспозицию ст.106 УК РФ таким образом, чтобы установить пониженную ответственность:

— за убийство матерью новорождённого ребёнка «во время или сразу же после родов в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами»¹⁹⁰, исключив тем самым указание на психическое расстройство из числа признаков состава;

— или за убийство женщиной «рождаемого ею ребёнка во время родов, а равно и рождённого ею ребёнка сразу же после родов, совершённое

190 Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. — С. 13.

в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости»¹⁹¹, отказавшись от такого признака как «психотравмирующая ситуация»;

— или за убийство «роженицей (родильницей) своего новорождённого ребёнка в условиях психотравмирующей ситуации, или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, совершённое в связи с особым психофизиологическим состоянием, вызванным родами»¹⁹², то есть альтернативно указав оба признака.

Основной посыл всех этих предложений вполне понятен: ограничить сферу возможного применения ст.106 УК РФ, исключив или уменьшив существующую сегодня альтернативность признаков состава преступления, и связав состояние женщины и ситуацию преступления с беременностью и родами.

Однако и такое ограничение рядом специалистов признаётся недостаточным. Некоторые современные авторы в принципе полагают наличие привилегированного состава детоубийства необоснованным. Так, Н.Е. Аленкин пишет, что «в любом детоубийстве очевидны, по меньшей мере, три отягчающих обстоятельства, используемых законодателем в других случаях в качестве средства дифференциации уголовной ответственности за убийство и индивидуализации наказания: 1) совершение убийства в отношении малолетнего (п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ); 2) совершение преступления в отношении беззащитного лица, находящегося в зависимости от виновной (п. «з» ч.1 ст.63 УК РФ); 3) совершение преступления родителем в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) (п. «п» ч.1 ст.63 УК РФ)»; кроме того, «отнесение детоубийства к привилегированным составам противоречит принципу равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), принципу справедливости (ч.1 ст.6 УК РФ), ... а также тенденциям усиления уголовно-правовой

191 Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — С. 9; Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — С. 9.

192 Косторнова В.Ю. Уголовно-правовая характеристика и криминологический анализ убийства матерью новорождённого ребёнка: дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 10; Мурзина Л.И. Убийство матерью новорождённого ребёнка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009. — С. 8.

охраны несовершеннолетних»¹⁹³. Об отсутствии оснований для выделения детоубийств в качестве привилегированных (со смягчающими обстоятельствами) преступлений и о необходимости их квалификации на общих основаниях, писали и иные авторы¹⁹⁴.

Решение проблемы сохранения или изъятия состава детоубийства из системы преступлений против личности требует, как представляется, дифференцированного анализа двух значимых обстоятельств, положенных в основу смягчения ответственности виновной, — психического расстройства, не исключающего вменяемости, и психотравмирующей ситуации.

Напомним, что правила об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии не исключающего вменяемости психического расстройства определены в общем порядке в ст. 22 УК РФ, согласно которой, «вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности», при этом «психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера»¹⁹⁵.

193 Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2017. — С. 16 — 17.

194 Серегина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорождённого ребёнка: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 8; Минаева М.М. Уголовно-правовая охрана жизни ребёнка до и после рождения по законодательству России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — С. 12.

195 Анализ данной нормы см., например: Теунаев А.Ю. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Кисловодск, 2003; Долгова С.В. Проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2003; Жамбалова А.Ю. Уголовная ответственность лиц с психическими аномалиями, не исключающими вменяемости: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2007; Кули-Заде Т.А.-о. Уголовная ответственность лиц с уменьшенной (ограниченной) вменяемостью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2011; Кононов А.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и применения к этим лицам принудительных мер медицинского характера: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019.

Наряду с этим общим правилом (кстати, не установившим формально направленность влияния психического расстройства на назначаемое наказание), законодатель посчитал возможным применительно к одному единственному составу преступления — «детоубийству» закрепить специальное основание пониженной ответственности. При этом сама конструкция ст.106 УК РФ никак не связывает причины, фазы психического расстройства, его интенсивность и степень влияния на возникновение и содержание умысла матери-детоубийцы ни с беременностью, ни с родами, ни с обстановкой, которая сложилась после родов. Буквальное толкование закона предполагает, что наличие любого психического расстройства, не исключающего вменяемость женщины, служит достаточным основанием для квалификации убийства новорождённого ребёнка по ст.106 УК РФ и существенного снижения ответственности. В то время как аналогичные расстройства при убийстве ребёнка чуть более старшего возраста за пределами новорождённости уже не составляют привилегирующих признаков и позволяют квалифицировать убийство по ст.105 УК РФ. В итоге, с точки зрения законов формальной логики надо признать, что даже в ситуации убийства новорождённого женщиной в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, основание смягчения ответственности кроется именно в возрасте ребёнка, что отражает глубоко несправедливый подход законодателя.

Заметим, что признак психического расстройства в составе детоубийства критиковал ещё М.Н. Гернет, правда с иной точки зрения, с позиций обеспечения системности уголовного закона и надлежащего отражения в нем социально-криминологических реалий. Оспаривая подход классической школы уголовного права к конструированию специального состава детоубийства по признаку наличия у матери психического расстройства, он, в частности, писал, что «старая школа» не сделала решительных шагов «в случае, когда в качестве основания привилегированности выдвинула уменьшенную вменяемость внебрачной роженицы или даже и законно родящей, так как признала возможным уменьшать наказание лишь при детоубийстве, а не при других преступлениях. Последовательность требует включения постановлений о влиянии на ответственность как мотива, так и уменьшенной вменяемости при родах в общую часть кодексов. В таком случае детоубийство должно быть исключено из числа привилегированных преступлений, но наказываться мягче.... Действующие уложения

слишком склонны к установлению понятий квалифицированных и привилегированных преступлений, но такое разнесение преступных деяний на непременно более тяжко наказуемые и менее строго наказуемые справедливо вызывает в настоящее время возражения. ... Дальнейшее развитие уголовных законодательств должно будет идти в сторону возможного исключения из них понятий квалифицированного и привилегированного преступлений»¹⁹⁶.

Полагая излишне радикальной ставку на возможности Общей части Кодекса в деле надлежащего решения задач дифференциации ответственности, полагаем, что в частном вопросе — определении направленности и формы влияния уменьшенной вменяемости на ответственность М.Н. Гернет абсолютно прав. Действующий же Кодекс, совместив предписания ст.22 УК РФ и ст.106 УК РФ, создаёт и неоправданное дублирование нормативных предписаний, и необоснованную привилегию для женщин, лишаящих жизни новорождённых детей. С учётом сказанного, представляется, что из состава преступления, предусмотренного ст.106 УК РФ, такой альтернативный привилегирующий признак, как не исключающее вменяемости психическое расстройство матери, должен быть изъят.

Остаётся ещё один признак — «психотравмирующая ситуация». Раскрывая её признаки, А.Н. Попов верно указывает, что таковая: (а) должна иметь наличие на момент совершения преступления; (б) иметь непосредственную связь с беременностью и родами; (в) восприниматься в качестве травмирующей как самой женщиной, так и обществом; (г) оказать непосредственное воздействие на принятие матерью решения о совершении преступления¹⁹⁷. По этим признакам психотравмирующая ситуация в ст.106 УК РФ качественно отличается от той, что описана в ст.107 УК РФ в качестве основания для возникновения аффекта. Она вызвана иными факторами и не провоцирует аффективное состояние. Поддерживая указанные А.Н. Поповым характеристики, надо признать, что ситуация — есть объективный признак, который в структуре состава преступления занимает место обстановки совершения преступления. В этой обстановке по факту может находиться не только мать ребёнка, но и иные лица, в том числе

196 Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. — М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. — С. 276 — 277.

197 Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — С. 43 — 44.

отец, дедушка и бабушка. Закон, тем не менее, императивно смягчает ответственность только для женщины — матери. Основание такого решения представляется сомнительным, учитывая конституционные требования равенства граждан перед законом.

В итоге, можно констатировать, что каждый в отдельности признак — «психическое расстройство» и «психотравмирующая ситуация», хотя и может служить основанием для смягчения наказания в силу положений ст.61 УК РФ, а также признаваться исключительным «обстоятельством, существенно уменьшающим степень общественной опасности преступления» в силу предписаний ст.64 УК РФ, на роль признака состава преступления претендовать не могут, так как: (а) ставят в неравное положение всех потенциальных субъектов детоубийства в зависимости от пола, (б) ставят в неравное положение жертв детоубийства в зависимости от возраста.

Единственно мыслимой ситуацией, которая даёт основание для постановки вопроса о конструировании специального состава со смягчающими обстоятельствами, выступает ситуация, интегрирующая в себе и состояние женщины, и обстановку совершения преступления, которые должны быть непосредственно вызваны родами.

В науке этот факт не оставлен без внимания. А.В. Лунева полагает необходимым смягчать ответственность за детоубийство, совершённое женщиной, пребывающей в особом психофизиологическом состоянии, вызванном беременностью и родами, своего ребёнка во время родов или в течение двадцати четырех часов с момента его рождения¹⁹⁸, то есть, по сути, предлагает объединить признак «расстройство» и признак «ситуация» в новый признак, отражающий состояние женщины. Об «особом психическом состоянии» или «особом психофизиологическом состоянии» пишут иные специалисты¹⁹⁹. Ещё М.Д. Шаргородский указывал: «в самом

198 Лунева А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 12.

199 См., например: Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. — М.: Юрлитинформ, 2012. — С. 119; Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — С. 119; Куперина Т.В. Субъективная сторона убийства матерью новорождённого ребёнка // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные проблемы. Материалы III Всерос. Конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. — М.: Проспект, 2008. — С. 251.

состоянии женщины в родовой период заключаются те обстоятельства, которые требуют при определённых условиях снижения для неё меры наказания»²⁰⁰. Такой подход не вызывает возражений. Единственный сдерживающий фактор — определение природы такого состояния, разработка необходимого категориального аппарата для его описания и надлежащая «имплементация» в текст уголовного закона и практику его применения. Н.А. Лопашенко задаётся справедливыми вопросами: «Остаётся непонятным: какова правовая и медицинская природа этого психического состояния? Что такое физиологический аффект — понятно; что такое ограниченная вменяемость — тоже понятно. А что представляет собой особое психическое состояние? Как его устанавливать и кому?»²⁰¹. Вопросы справедливые. Однако отсутствие в настоящий момент развернутого и убедительного ответа на них не может и не должно служить препятствием к самой постановке вопроса.

Сознавая всю сложность проблемы и невозможность её полноценного решения в рамках настоящей работы, обратим внимание на возможное направление в её анализе. Состояние женщины не равно аффекту, поскольку её душевное волнение не вызвано провоцирующим поведением жертвы, оно также не равно уменьшенной вменяемости, поскольку не предполагает с необходимостью наличие у неё психического расстройства. И вместе с тем, оно особое, связанное с пороками сознательно-волевой деятельности, при которых женщина не имеет возможности в полной мере сознавать опасность своих действий и руководить ими. Отдалённый аналог такого состояния нам видится в конструкции ч.3 ст.20 УК РФ, согласно которой особое состояние несовершеннолетнего обусловлено недостатками его социализации, с той принципиальной разницей, что в ситуации детоубийства такое состояние более кратковременно и вызвано беременностью и родами, а не предшествующим воспитанием. Принципиальное же сходство в том, что невозможность в полной мере осознавать смысл и значение совершаемых действий в определённый момент времени вызывается не психическим расстройством, а факторами социально-психологическими по своей природе. Здесь требуется большая совместная работа медиков, психологов и юристов, чтобы правильно описать это состояние

200 Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. — М.: Юрид. издат. Минюста СССР, 1947. — С. 67.

201 Лопашенко Н.А. Убийства. — М.: Юрлитинформ, 2013. — С. 456.

и разработать пригодные для уголовно-правового регулирования критерии его установления. В качестве рабочей гипотезы, требующей отдельного и самостоятельного обоснования, предположим, что в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность женщины, причиняющей смерть своему новорождённому ребёнку в процессе или сразу после родов, должно служить её психоэмоциональное расстройство, причём, во-первых, обусловленное беременностью и родами, и во-вторых, достаточно глубокое по степени выраженности с тем, чтобы оказать решающее воздействие на её способность принимать решения, осознавать смысл и значение своих действий и руководить ими.

Теперь перейдём к обсуждению проблемы ответственности за эвтаназию. Отношение к эвтаназии в обществе предопределено, прежде всего, пониманием ценности человеческой жизни²⁰², решением проблемы свободного выбора и личной ответственности за него²⁰³. Это крайне сложный и противоречивый феномен, включающий оттенки философского, социологического, культурологического, этического, медицинского, правового порядка.

Проблема эвтаназии (как и проблема детоубийства, кстати) долгое время находилась вне активного исследовательского поля. После крайне недолгого (не более шести месяцев) пребывания в УК РСФСР 1922 года примечания к ст.143, согласно которому «убийство, совершённое по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается», эвтаназия традиционно квалифицировалась как «простое» убийство с возможностью смягчения наказания виновному на основании общих положений закона об индивидуализации наказания. Такое решение поддерживали, за редким исключением²⁰⁴, все специалисты. Даже в конце прошлого столетия высказываемые юристами в процессе разработки проекта нового уголовного закона предложения о конструировании привилегированного состава убийства по мотивам сострадания²⁰⁵, реализованные в одном из проектов

202 Рыбин В.А. Философские основания проблемы эвтаназии: методологический анализ: автореф. дисс. ... д-ра философ. наук. — Екатеринбург, 2006.

203 Шредер О.Б. Культурфилософский анализ феномена эвтаназии: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — Томск, 2004. — С. 15.

204 См.: Жижиленко А.А. Преступления против личности. — М.: Госиздат, 1927. — С. 12.

205 См.: Бородин С., Глушков В. Убийство из сострадания и проблема эвтаназии // Общественные науки и современность. — 1992. — № 4. — С. 138 — 145.

Кодекса²⁰⁶, не были учтены при составлении окончательного текста действующего УК РФ. Даже в 2006 году специалисты признавали, что «в России эвтаназия как социальная проблема существует на стадии зарождения, является неконкурентоспособной на публичной арене средств массовой коммуникации и не является актуальной проблемой для российского общества»²⁰⁷. Однако со временем ситуация изменилась кардинальным образом, выдвинув проблемы эвтаназии на авансцену медико-этического и правового дискурса.

Закономерно, что в решении столь сложного вопроса как эвтаназия нет (да и не может быть, по идее) общепризнанной позиции среди исследователей. При этом применительно к проблематике нашего исследования рассуждения об уголовно-правовых аспектах эвтаназии непосредственно и логично связаны с решением вопроса о легализации эвтаназии.

Часть исследователей усматривает в эвтаназии гуманное и современное прочтение «права на достойную жизнь» в единстве с «правом на достойную смерть»²⁰⁸. «Отказывая человеку в праве на смерть, — пишет Н.В. Ющенко, — государство и общество, тем самым, ограничивают человека в свободе»²⁰⁹. «Это превращает право на жизнь в обязанность жить», — подтверждает С.В. Тосаков, что с точки зрения общественной нравственности не может расцениваться как гуманность. Автор рекомендует дополнить главу 8 УК РФ «Обстоятельства, исключющие преступность деяния» новой статьёй 37.1 под наименованием «Эвтаназия» в следующей редакции: «Не является преступлением умышленное

206 Уголовный кодекс Российской Федерации (проект) // Российская газета. — 1995. — 01 февраля.

207 Богомяккова Е.С. Эвтаназия как социальная проблема: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. — СПб., 2006. — С. 7 — 8.

208 Обзор иностранного законодательства об эвтаназии, см., например: Золотарёва Е.А. Правовое регулирование эвтаназии в зарубежных странах // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. — 2009. — № 5. — С. 53 — 56; Шейнина Е.А. Законодательство Европы об эвтаназии: от запрета к легализации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2010. — № 12. — С. 310 — 316; Клыга Т.В., Хазов Е.Н. Актуальные вопросы, правовые основания применения эвтаназии в зарубежных государствах // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 8. — С. 117 — 120; Антоненко М.М. Законодательное разрешение проблемы эвтаназии в зарубежных странах и России // Бизнес в законе. — 2015. — № 4. — С. 48 — 50 и др..

209 Ющенко Н.В. Эвтаназия: аксиологический и антропологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — Ростов-на-Дону, 2011. — С. 15 — 16.

лишение жизни неизлечимо больного человека из сострадания к нему или по его настоянию с соблюдением установленных федеральным законом условий и порядка осуществления эвтаназии». Наряду с этим, он предлагает установить смягчённую уголовную ответственность за нарушение условий и порядка осуществления эвтаназии в отдельной норме закона²¹⁰. Такой же точки зрения — легализация эвтаназии и установление состава нарушения правил её осуществления — придерживается Ю.А. Чернышёва²¹¹.

Иной подход определяется позицией, не допускающей легальную эвтаназию. Ряд специалистов отстаивает, если не резко категорическое неприятие эвтаназии, то крайне сдержанное к ней отношение. И.А. Ивченко, например, пишет, что «легализация эвтаназии в современном обществе не способствует расширению прав и свобод человека, более того, она способна породить целый ряд негативных явлений общественной жизни... Во-первых, это проблемы медико-биологического характера (определения моментов возникновения права на жизнь, а также самого момента смерти, момента, когда человек необратимо теряет свои качества как личности, расплывчатости понятий «неизлечимость», а также «испробованность всех средств при лечении» и пр.). Во-вторых, проблемы социального характера (недостаточность правовых гарантий в обеспечении права на жизнь, влияние экономических факторов на решение проблемы прекращения лечения тяжелобольного, коммерциализация медицины и пр.). В-третьих, проблемы морально-этического плана (неоднозначность с морально-этических позиций понятий «убийство из милосердия», «легимированное убийство» и пр.)²¹². Не приемлет эвтаназии Н.Е. Крылова: «представляется, что легализация эвтаназии, включая её пассивную форму, несмотря на толерантное отношение к последней врачей, недопустима. Даже если не брать в расчёт нравственно-этические и религиозные аспекты эвтаназии, которые в данном случае

210 Тосаков С.В. Нравственные основы уголовно — правовых норм, направленных на охрану личности, её прав, свобод и законных интересов: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2010. — С. 12 — 13.

211 Чернышёва Ю.А. Причинение смерти лицу по его просьбе (эвтаназия): уголовно-правовое, уголовно-политическое, криминологическое и социально-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Тамбов, 2009. — С. 9 — 10.

212 Ивченко И.А. Эвтаназия как общественный феномен: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — М., 2009. — С. 11, 25.

имеют немаловажное значение, и исходить из существующей в нашей стране правовой ситуации, следует признать, что придание эвтаназии правомерного, легального характера чревато наступлением целого ряда негативных последствий»²¹³.

Действующее российское законодательство также основано на этой идее. Согласно ст. 45 «Запрет эвтаназии» Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента²¹⁴.

Однако запрет легальной эвтаназии, снимая проблему установления ответственности за нарушение правил её осуществления, не снимает вопроса о допустимости конструирования привилегированного состава эвтаназии в УК РФ.

Принимая во внимание специфический характер причинения смерти неизлечимо больному лицу, мотивы действий медицинского работника, особый статус потерпевшего и его роль в механизме совершения преступления, всё больше авторов склоняются к мысли о необходимости конструирования в структуре УК РФ отдельной нормы об ответственности за эвтаназию. Дополнительные аргументы усматриваются также в дефектах существующей системы дифференциации ответственности. Так, С.А. Маркарян пишет: «Упущением существующей практики дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности на основании мотивов их совершения следует признать тот факт, что законодатель, конструируя соответствующие квалифицирующие признаки, не учитывает наличие позитивных мотивов, существенно понижающих степень общественной опасности деяния и личности виновного, в то время как для этого имеются все необходимые социально-криминологические и уголовно-политические основания. Соблюдение баланса в процессах дифференциации уголовной ответственности

213 Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. — М.: Норма, 2006. — С. 171.

214 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.

предполагает выделение в законе некоторых привилегированных составов преступлений против личности, в частности, состава убийства по мотиву сострадания»²¹⁵.

Эта идея находит достаточно широкую поддержку отраслевых авторов, которые отмечают:

— отвергая право на смерть, наше государство обрекает неизлечимо больного человека на невыносимые физические и нравственные страдания, а потому отказ от эвтаназии может расцениваться как применение к человеку пыток и унижающее человеческое достоинство обращение, что оправдывает выделение эвтаназии в самостоятельный привилегированный состав преступления с пониженной уголовной ответственностью²¹⁶;

— отнесение убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания к убийству (ст.105 УК РФ) нарушает принцип справедливости (ч.1 ст.6 УК РФ) и не учитывает, что этот вид убийства не относится к насильственным преступлениям, его мотивы и цели не являются низменными и антиобщественными, что свидетельствует о соответствии данного преступления главному критерию привилегизации убийства²¹⁷.

С учётом этих обстоятельств формулируются не отличающиеся принципиально по содержанию предложения по включению состава эвтаназии в текст действующего уголовного закона²¹⁸. При этом в отечественной литературе эвтаназия традиционно рассматривается как вопрос исключительно медико-правовой. Специалисты предлагают рассматривать эвтаназию как урегулированный правом и моралью комплекс действий или бездействие именно медицинского работника, осуществляемых в соответствии с просьбой больного (или его представителей) с целью прекращения его физических и психических страданий, в результате которых наступает

215 Маркарян С.А. Мотивы как основание дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности (проблемы конструирования квалифицирующих признаков): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Махачкала, 2012. — С. 9.

216 Чернышёва Ю.А. Уголовно-правовые вопросы причинения смерти потерпевшему по его просьбе (эвтаназия): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 14, 8.

217 Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2017. — С. 13 — 14.

218 Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление (уголовно-правовые проблемы): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — С. 14 — 15.

смерть больного²¹⁹. Разрабатываются на этой основе и медико-биологические критерии эвтаназии: наличие неизлечимого заболевания; продолжительность применения медикаментозного лечения; неотвратимость летального исхода; определение физических страданий как невыносимых; исчерпанность всех возможных медицинских средств при отсутствии эффективных мер лечения; добровольная просьба лица либо его законного представителя о причинении смерти²²⁰.

При всей значимости такого подхода, нельзя не заметить, что отсутствие легальных правил эвтаназии и обсуждение вопроса о создании специального состава лишения жизни позволяет до известной степени абстрагироваться именно от медицинского аспекта проблемы убийства из сострадания и поставить проблему конструирования привилегированного состава убийства в более широкий контекст дифференциации ответственности на основе мотива сострадания и требования потерпевшего об избавлении от страданий.

Отдельные авторы признают, что эвтаназия направлена на ускорение смерти по собственному желанию страдающего лица, с целью пресечь его мучения, обусловленные, как правило, тяжёлой болезнью, но иногда и иными исключительно неблагоприятными жизненными обстоятельствами, например такими, как плен, рабство, пытки и т.п.²²¹. В этих «иных» обстоятельствах собственно медико-биологические критерии эвтаназии могут отсутствовать, так же как просьба страдающего может быть обращена к лицу, не являющемуся медицинским работником, и удовлетворена им. Подобная ситуация «шире» классически понимаемой эвтаназии (учитывая причины возникновения страданий), но «уже» столь же традиционной проблемы «согласия потерпевшего» (по причине вынужденности просьбы и наличия страданий).

219 Лапшин В.Е. Смерть как правовое явление: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2005. — С. 9; Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. — М.: Норма, 2006. — С. 143.

220 Антоненко М.М. Эвтаназия как разновидность убийства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2018. — С. 8, 10; Шредер О.Б. Культурфилософский анализ феномена эвтаназии: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — Томск, 2004. — С. 15; Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление (уголовно-правовые проблемы): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — С. 12.

221 Ивченко И.А. Эвтаназия как общественный феномен: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — М., 2009. — С. 9.

Охватить её рамками моделируемых в нашей литературе составов эвтаназии не представляется возможным. Однако опыт конструирования более широкого состава в праве имеется. Так, согласно §216 Уголовного Уложения ФРГ, который именуется «Причинение смерти по требованию», если кто-либо был на основании ясно выраженного и серьёзного требования убитого склонен к причинению ему смерти, то назначается наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до пяти лет²²². Аналогичные предписания содержат уголовные законы Австрии, Польши, Дании, Швейцарии²²³. С предложениями о конструировании в УК РФ привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего выступают и отечественные авторы²²⁴.

Таким образом, если признавать необходимость смягчения ответственности за убийство из сострадания, перед нами возникает несколько моделей решения вопроса, которые отчётливо распадаются на две группы в зависимости от того, признаётся ли в рамках теоретических построений легальная эвтаназия или нет. Признание эвтаназии легальным деянием делает возможным конструирование в законе специального состава нарушения правил эвтаназии наряду с составом причинения смерти по просьбе потерпевшего. Отказ от легализации эвтаназии даёт возможным признать эвтаназию частным случаем убийства по просьбе потерпевшего с конструированием единого состава преступления.

Определяя своё отношение к рассматриваемой проблеме, заметим, что для нас представляется несомненной и доказанной потребность в смягчении ответственности за причинение смерти в случае, когда она выступает единственным способом избавления потерпевшего от непереносимых

222 См.: Головенков П.В. Уголовное Уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. — 2-е изд. — М.: Проспект, 2013. — С. 134.

223 См. обзор: Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. — М.: Норма, 2006. — С. 166 — 169; Григорян Л.А. Уголовная ответственность за убийство по просьбе потерпевшего или по мотиву сострадания // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов III Международ. науч.-практ. конф. — Могилёв: Могилёвский ин-т МВД Республики Беларусь, 2015. — С. 68 — 70.

224 См., например: Аленкин Н.Е. Уголовная ответственность за убийство по просьбе потерпевшего // Вестник Московского университета. Сер.11. Право. — 2014. — № 2. — С. 74 — 85; Горбатова М.А., Щипанова Н.И. Ответственность за убийство из сострадания: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. — 2019. — № 3. — С. 22 — 27.

мучений и продиктована гуманными соображениями сострадания (разумеется, речь не идёт о ситуациях, когда лицо, причиняющее смерть, само выступает в качестве источника страданий и мучений жертвы). Вопрос же о том, какую из сформулированных выше моделей ответственности выбрать, зависит, как было сказано, от того, решится ли государство на легализацию и нормативную регламентацию эвтаназии.

При однозначном запрете эвтаназии в упомянутой выше ст.45 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», толкование положений ст.20 этого Закона даёт основание, тем не менее, признать, что добровольный информированный отказ больного от оказания ему медицинской помощи, в том числе и паллиативной, если состояние больного позволяет выразить ему свою волю, а равно информированный отказ родителей или законных представителей от оказания такой помощи и требование прекращения её оказания, по сути своей обязывают медицинскую организацию и врачей прекратить лечение, что равносильно пассивной эвтаназии. Врач в такой ситуации не может быть привлечён к ответственности ни за убийство, ни за неоказание помощи больному, поскольку положения ст.20 Закона исключают противоправность его бездействия. Единственное, что, на наш взгляд, не учёл законодатель в данном случае, так это необходимость создания гарантий безопасности больного и его законных представителей от случаев неправомерного принуждения со стороны третьих лиц, включая медицинских работников, к отказу от медицинской помощи. Учитывая, что ни одна из существующих правовых норм не реагирует на такие потенциально возможные ситуации, представляется, что требование системности законодательства обуславливает необходимость разработки и включения в уголовный закон нового состава преступления, который позволил бы восполнить этот пробел.

Согласно закону, однозначно запрещённой остаётся активная эвтаназия и ассистированное самоубийство. Мы не готовы к тому, чтобы аргументировать позицию, допускающую эвтаназию, с позиции норм и принципов права. Представляется, что это по большому счёту, не вопрос права, а проблема исключительно этического порядка. Коллективная этика современного российского общества не готова к восприятию эвтаназии в качестве дозволенного деяния. Согласно данным опроса ВЦИОМ, половина россиян (50%) считает, что нужно разрешить проведение эвтаназии людям,

имеющим на основании заключения врачей тяжёлую безнадежную болезнь, которая сопровождается сильными страданиями. Среди молодежи (18-24 года) эта доля составляет 64%, а среди жителей крупных городов (500-900 тыс.) — 58%. В то же время 40% опрошенных высказались против такого разрешения и ещё 10% затруднились ответить. Стоит также учесть, что только половина россиян (51%) знают о том, что такое эвтаназия вообще, 37% респондентов не знают, что такое эвтаназия, ещё 8% опрошенных дали неправильный ответ²²⁵. При таком положении вещей легализация эвтаназии представляется, как минимум, преждевременной.

В определённой степени примирить противоположные позиции, учесть общественное мнение способно законодательное решение о смягчении ответственности за лишение жизни по мотивам сострадания. При этом полагаем, что с точки зрения строения уголовного закона и теории дифференциации ответственности на данный момент предпочтительней является криминализация на уровне состава со смягчающими обстоятельствами лишения жизни по просьбе потерпевшего, который может обьять собой и собственно активную эвтаназию, и иные ситуации причинения смерти по мотивам сострадания.

Подводя итог исследованию вопросов теории и практики дифференциации ответственности посредством привилегированных признаков состава преступления, полагаем возможным сформулировать следующие основные выводы и предложения:

— в теоретическом плане идея дифференциации уголовной ответственности за преступление посредством использования привилегизирующих признаков и конструирования привилегированных составов представляется неубедительной, поскольку общественная опасность деяния на уровне ниже, чем это установлено основным составом преступления, свидетельствует о том, что «привилегированное преступление» не обладает характеристиками, позволяющими рассматривать его в качестве вида «основного преступления»;

— конструирование составов преступлений, которые в современной теории именуется привилегированными, должно следовать не логике дифференциации уголовной ответственности, а логике конструирования самостоятельных составов преступлений, а их опасность должна

225 Эвтаназия: за и против. Электронный ресурс: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9553> (дата обращения: 21.07.2020).

сопоставляться не с опасностью «основного преступления», а с нормативными и теоретическими представлениями об общественной опасности преступления как такового;

— составы преступлений против жизни и здоровья, которые признаются сегодня привилегированными, должны получить иное наименование, позволяющее «разрушить» их связь с «основным преступлением» и иное местоположение в структуре главы 16 УК РФ;

— оптимизация уголовного закона в части конструирования составов преступлений против личности должна предполагать:

а) конструирование на основе ст.107 УК РФ и ст.113 УК РФ новой нормы следующего содержания:

Статья 125.1. Аффективные посяательства на жизнь и здоровье

1. Причинение средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта, — наказывается ...

2. Причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта, — наказывается...

3. Причинение смерти в состоянии аффекта, — наказывается...;

б) конструирование на основе ст.ст. 108 и 114 УК РФ двух новых норм следующего содержания:

Статья 125.2. Нарушение условий правомерности необходимой обороны

1. Превышение пределов правомерности необходимой обороны, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью, — наказывается...

2. То же деяние, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью, — наказывается...

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее смерть, — наказывается...

Статья 125.3. Нарушение условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление

1. Превышение пределов правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью, — наказывается...

2. То же деяние, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью, — наказывается...

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее смерть, — наказывается...;

в) изложить ст.106 УК РФ в следующей редакции:

Статья 106. Детубийство

Причинение матерью смерти своему новорождённому ребёнку в процессе или сразу после родов, при наличии психоэмоционального расстройства, обусловленного беременностью и родами, — наказывается...;

г) включить в уголовный закон новые нормы:

Статья 125.4. Причинение смерти по просьбе потерпевшего

Причинение смерти по просьбе потерпевшего по мотивам сострадания, — наказывается...

Статья 124.2. Принуждение к отказу от оказания медицинской помощи

Принуждение больного лица или его законного представителя к отказу от оказания больному медицинской помощи и (или) даче согласия на прекращение оказания медицинской (в том числе паллиативной) помощи, — наказывается...

Глава 3.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 1. Квалифицирующие признаки преступлений против личности: теоретический анализ

Дифференциация уголовной ответственности посредством конструирования квалифицированных составов преступлений является устоявшейся традицией отечественного законодательства и составляет предмет пристального внимания науки. Вместе с тем анализ литературных источников позволяет свидетельствовать, что в доктрине имеется весьма существенный «разрыв» в уровнях анализа проблемы квалифицирующих признаков. На фоне обилия работ, посвящённых вопросам конструирования, толкования и применения отдельных квалифицированных составов преступлений, гораздо меньше внимания уделяется общей теории квалифицирующих признаков и практически не исследуется «промежуточный» уровень проблемы, связанный с анализом квалифицирующих признаков преступлений определённого рода, в частности, преступлений против личности. Это обстоятельство определяет необходимость изучения вопросов дифференциации ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков в качестве самостоятельного предмета познания.

Начать исследование полагаем необходимым с представления некоторой статистической информации, раскрывающей частоту использования исследуемого приёма дифференциации ответственности законодателем в разделе VII УК РФ. По нашим подсчётам, в общем массиве преступлений против личности удельный вес основных составов составляет 49,7%, квалифицированных — 29,5%, особо квалифицированных — 20,8%. Однако при том, что квалифицированные составы присутствуют во всех выделенных по объекту посягательства группах преступлений, частота их использования в этих группах существенно варьируется. Так, если в группе преступлений против конституционных прав и свобод граждан удельный вес квалифицированных и особо квалифицированных составов составляет

немногим более 34%, то в ряду половых преступлений он составляет почти 74%, а среди посягательств на честь и достоинство достигает 80% (см. табл. 3).

Таблица 3. Удельный вес квалифицированных составов в преступлениях против личности (апрель 2019)

Объект посягательства	Всего составов	Основной состав	Квалифицированный состав	Особо квалифицированный состав
	Абс.	Удельный вес в %		
Жизнь (ст. 105 — 110.2 УК РФ)	16	37,5	37,5	25
Здоровье (ст. 111 — 125 УК РФ)	31	54,8	38,7	6,5
Свобода (ст. 126 — 128 УК РФ)	14	35,7	35,7	28,6
Честь и достоинство (ст. 128.1 УК РФ)	5	20	20	60
Половая неприкосновенность и половая свобода (ст. 131 — 135 УК РФ)	23	26,1	17,4	56,5
Конституционные права и свободы (ст. 136 — 149 УК РФ)	44	65,9	29,6	4,5
Семья и несовершеннолетние (ст. 150 — 157 УК РФ)	16	62,4	18,8	18,8
Итого	149	49,7	29,5	20,8

Уже только эти цифры в самом первом приближении позволяют говорить о том, что в системе дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности наблюдается определённый «сбой», связанный как с неравномерностью использования квалифицирующих признаков в качестве средств дифференциации ответственности, так и с определением оснований уголовной ответственности в основном составе преступления. Вряд ли нужны специальные доказательства признания нерациональной ситуации, при которой 80% составов клеветы, от 60 до 70% составов преступлений против здоровья, свободы, половой неприкосновенности относятся к категории квалифицированных и особо квалифицированных. Откровенно «узкие» рамки основного состава в подобных

случаях с необходимостью ставят вопрос о соблюдении правил криминализации преступлений как таковых.

Этот формальный, обобщённый, недифференцированный по видам преступлений и во многом связанный с юридико-техническими особенностями текста уголовного закона анализ следует дополнить информацией о реальной, фактической правоприменительной ситуации, отражающей степень распространённости квалифицированных составов преступлений в судебной практике.

Обобщение данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе лиц, осуждённых (по основной статье) за последние годы, свидетельствует о существенной вариативности показателей удельного веса осуждённых за выполнение основного и квалифицированного составов в различных преступлениях, причём вариативности, не зависящей от числа самих квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Так, например, при существенном совпадении квалифицирующих признаков в ст.105 УК РФ и ст.111 УК РФ и известной «близости» основных показателей их криминологической характеристики, удельный вес осуждённых за простое убийство составляет почти 80%, тогда как в случае причинения тяжкого вреда здоровью немногим более 18%. Равным образом, среди причинивших средней тяжести вред здоровью удельный вес осуждённых по ч.2 ст.112 УК РФ составляет 32%, тогда как среди причинивших лёгкий вред здоровью — более 80%. Основной массив лиц, осуждённых за преступления против свободы (по статьям 126, 127, 127.1 УК РФ), совершили преступления при квалифицирующих признаках (от 70 до 88%). В то же время преступления, предусмотренные ст.ст. 137, 139 УК РФ, совершаются в основной массе (95 — 98%) без квалифицирующих признаков. «Новые» квалифицирующие признаки половых преступлений (ч.5 ст.131, ч.5 ст.132, ч. 4, 5 ст.134, ч. 4, 5 ст.135 УК РФ) практически не представлены в структуре судимости, удельный вес осуждённых по этим составам не превышает одного процента от общего числа осуждённых по соответствующей статье УК РФ.

Представленная статистика, разумеется, в первую очередь, отражает некоторые особенности криминологической характеристики отдельных преступлений и сама по себе, вне учета иных факторов, не может использоваться в качестве материала для оценки положений уголовного закона. Однако она даёт весомый повод для того, чтобы обсудить вопрос о том, насколько правильно законодателем использован набор дифференцирующих

признаков. Полагаем очевидным, что ситуация, при которой квалифицирующие признаки применяются для оценки практически всех случаев совершения преступлений некоторого вида²²⁶, равно как и ситуация, при которой квалифицирующие признаки не применяются вовсе для оценки преступлений, порождают достаточные основания к постановке и обсуждению вопроса об обоснованности их законодательного закрепления.

Еще один повод к обсуждению вопроса о квалифицирующих признаках преступлений против личности создаёт информация о том, какие именно признаки и в каких именно группах преступлений используются законодателем для дифференциации уголовной ответственности. Анализ (см. приложение 1) показывает:

во-первых, использование весьма значительного общего набора квалифицирующих признаков в разделе VII УК РФ (по нашим подсчётам, из 65 статей данного раздела УК РФ 42 статьи, то есть половина, имеют в своём содержании квалифицированные составы преступлений, для их конструирования использовано не менее 32 признаков²²⁷);

во-вторых, неравномерное использование квалифицирующих признаков в преступлениях различных групп (по этому фактору все преступления против личности отчётливо делятся на две группы: предусмотренные главами

226 С этой точки зрения полагаем возможным оспорить суждение М.Н. Каплина о том, что дифференциация ответственности посредством квалифицирующих признаков может считаться обоснованной, если основной состав преступления применяется для оценки 5 — 10% случаев совершения того или иного преступления (Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дисс. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2003. — С. 66). Не обращая принципиального внимания на то, что между 5 и 10% в объёме применения основного состава имеется существенная разница, отметим, что столь низкие показатели применимости могут свидетельствовать об ошибках, допущенных при криминализации деяния в основном составе преступления, о неверном отборе криминообразующих признаков, о неоправданно широких границах криминализации, о недооценке возможностей привилегированных признаков состава для дифференциации ответственности. Нельзя, конечно, с математической точностью описать объём деяний, который должен охватываться основным составом, но и оперировать столь откровенно малыми показателями, на наш взгляд, также не вполне обоснованно.

227 Стоит отметить, что методика подсчёта квалифицирующих признаков может различаться у разных специалистов, что обуславливает порой несовпадение результатов. Это надо принимать во внимание, однако на этом не стоит акцентировать особое внимание, поскольку количественная точность в данном случае не имеет решающего значения для анализа.

18, 19, 20 УК РФ — с низким набором квалифицирующих признаков и значительным объёмом статей, не имеющих квалифицирующих признаков вовсе, и предусмотренные главами 16, 17 УК РФ — с высоким набором квалифицирующих признаков и незначительным числом статей без квалифицирующих признаков);

в-третьих, существенное несовпадение набора квалифицирующих признаков в преступлениях, обладающих близкими социально-правовыми и криминологическими свойствами (например, отсутствие признака беременности потерпевшей или корыстных побуждений в составе причинения тяжкого вреда здоровью при наличии таковых в составе убийства);

в-четвертых, отсутствие системности в использовании квалифицирующих признаков, которые обладают равнонаправленным влиянием при совершении различных преступлений (в частности, усиление ответственности при наличии специального рецидива только для лиц, совершающих половые преступления против несовершеннолетних);

в-пятых, значительные юридико-технические погрешности в законодательном оформлении квалифицирующих признаков (различная группировка признаков в одном пункте статьи, использование несовпадающих словесных конструкций);

в-шестых, слабо обоснованную и не поддающуюся логическому объяснению практику придания одним и тем же признакам значения квалифицированных либо особо квалифицированных в различных преступлениях.

Таким образом, на уровне статистического наблюдения и самого первого приближения к содержательному анализу квалифицирующих признаков преступлений против личности вполне отчётливо вырисовывается ряд проблем применения этого средства дифференциации уголовной ответственности, которые расположены в области социально-криминологической обусловленности, уголовно-политической целесообразности и юридико-технического совершенства уголовного закона. Эти три аспекта доктринального анализа квалифицирующих признаков составляют традиционное исследовательское поле, составляя своего рода методологический каркас для любой научной работы, посвящённой этому предмету.

Переходя к их исследованию в рамках нашей работы, представляется целесообразным систематизировать и упорядочить тот набор признаков, который использован законодателем в квалифицированных и особо квалифицированных составах преступлений против личности.

При этом мы будем следовать устоявшейся и оправданной традиции классифицировать все квалифицирующие признаки по элементам состава преступлений.

Итак, в общем массиве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков преступлений против личности представлены обстоятельства:

А) характеризующие потерпевшего (4 признака)

- в отношении двух или более лиц,
- в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга,
- в отношении малолетнего, несовершеннолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (в различном описании),
- в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

Б) характеризующие способ совершения деяния (9 признаков)

- с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего,
- общеопасным способом или способом, опасным для жизни и здоровья многих людей (в различном описании),
- в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (в различном описании),
- с применением пытки,
- с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия,
- с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, с применением или угрозой применения насилия (в различном описании),
- с применением шантажа,
- с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей,
- с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность потерпевшего (в различном описании);

В) характеризующие место совершения преступления (1 признак)

- в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;

Г) характеризующие сопряжённость с иным преступлением (5 признаков)

- сопряжённое с похищением человека (в различном сочетании и описании),
- сопряжённое с разбоем, вымогательством или бандитизмом (в различном сочетании и описании),
- сопряжённое с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера,
- связанное с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы,
- соединённое с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера, тяжкого или особо тяжкого преступления, с утверждением о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих (в различном описании);

Д) характеризующие последствия преступления (2 признака)

- повлекшее тяжкие последствия, самоубийство, смерть, причинение тяжкого вреда здоровью, заражение болезнью (в различном описании),
- в особо крупном размере;

Е) характеризующие мотив и цель преступления (6 признаков)

- по мотиву кровной мести,
- из хулиганских побуждений,
- с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение,
- по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы,
- в целях использования или изъятия органов или тканей потерпевшего,
- из корыстных побуждений или по найму;

Ж) характеризующие лицо, совершившее преступление (5 признаков)

- группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (при различном сочетании),
- вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей,

- лицом с использованием своего служебного положения,
- лицом, имеющим судимость,
- совершённое родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

Обобщённая оценка нормативного отражения этих признаков позволяет в первую очередь высказать некоторые юридико-технические соображения, важные для проведения последующего содержательного анализа. Очевидным и, на наш взгляд, не требующим дополнительных к имеющимся аргументам, является тезис о том, что законодатель в ряде случаев искусственно умножает число квалифицирующих признаков, пренебрегая требованием экономии текста нормативного правового акта. Наука уже обращала внимание на эту проблему.

Так, например, в стремлении усилить уголовно-правовую охрану потерпевших, не способных в полной мере оказать сопротивление преступнику или не осознающих факт совершения преступления, законодатель создаёт такие квалифицирующие признаки, как «малолетний возраст», «недостижение четырнадцатилетнего возраста», «достижение двенадцати— и недостижение четырнадцатилетнего возраста», «несовершеннолетний возраст», «беспомощное состояние», «беременность женщины», «зависимое состояние». При этом конфигурация этих признаков, их сочетание между собой и с иными альтернативными квалифицирующими признаками, описание субъективного отношения виновного к этим признакам порой существенно различаются. Такие различия далеко не всегда оправданны с криминологической и уголовно-правовой точек зрения, а в литературе справедливо обращается внимание на социально-криминологическое единство содержания данных признаков²²⁸, что даёт основание ставить вопрос о необходимости их унификации.

Другим примером может служить использование законодателем для дифференциации ответственности такого признака, как «сопряжённость деяния с иным преступлением», который представлен в законе в четырёх различающихся вариантах, отражённых в различных пунктах статьи. Целесообразность такого решения также сомнительна и справедливо

228 Хатуев В.Б. Уголовно — правовая охрана беременных женщин, малолетних, беззащитных и беспомощных лиц и лиц, находящихся в зависимости от виновного: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 16.

подвергается критике в науке теми специалистами, которые предлагают его либо унифицировать по схеме «совершение деяния с целью скрыть другое преступление, облегчить его совершение, а равно сопряжённое с другим преступлением»²²⁹, либо вовсе отказаться от его использования.

Есть основания для унификации таких признаков, как «пытка», «особая жестокость», «издевательство» и «мучения»²³⁰, «общеопасный способ» и «способ, опасный для жизни и здоровья многих людей»²³¹. С юридико-технической точки зрения крайне несовершенной представляется практика произвольного использования признака «групповое преступление», при которой выбор законодателем приёма дифференцированной оценки преступления, совершённого в составе различных групп, не поддаётся логическому объяснению.

Отмеченные обстоятельства позволяют сделать первый значимый вывод: *квалифицирующие признаки, обладающие сходной социально-криминологической природой должны образовывать единый комплекс оснований дифференциации ответственности. Как таковой этот комплекс должен быть предусмотрен в одной структурной единице текста закона (в части статьи или в пункте части статьи). Дробление этого комплекса на отдельные составляющие (детализация, конкретизация признака) и локализация этих составляющих в различных единицах текста не представляется оправданной.*

С этой точки зрения рассмотренные выше квалифицирующие признаки могли бы быть сформулированы более лаконично: «совершение преступления в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии или в зависимости от виновного», «совершение преступления,

229 Салева Н.Н. Убийство, сопряжённое с иными преступлениями: проблемы квалификации и уголовной ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — С. 7; Арсанукаев И.С. Криминологическое и уголовно-правовое исследование предупреждения убийств, сопряжённых с другими преступлениями: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — С. 10.

230 Штемберг Э.Э. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика убийства, совершённого с особой жестокостью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2002. — С. 8; Тришина Ж.В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009. — С. 8 — 9.

231 Данилова Б.Г., Цатурян Т.В., Саркисов Р.Р. Способ совершения преступления как квалифицирующий признак преступного деяния // Российский судья. — 2013. — № 10. — С. 16 — 18.

сопряжённого с иным преступлением», «совершение преступления с особой жестокостью», «совершение преступления общеопасным способом». При этом толкование данных признаков, раскрытие их содержания вовсе не обязательно должно быть предусмотрено непосредственно в тексте уголовного кодекса. Исходя из признания полиисточникового характера отрасли уголовного права, системных свойств отраслевых источников, допуская в установленных законом рамках право суда на самостоятельную оценку положений закона и усмотрение, раскрытие содержания квалифицирующих признаков безболезненно может быть предоставлено Пленуму Верховного Суда РФ.

В данном случае мы не обсуждаем в принципе вопрос о необходимости и оправданности использования указанных квалифицирующих признаков, равно как мы не отрицаем принципиальной возможности признания отдельных элементов рассматриваемых комплексов (например, несовершеннолетия или малолетства потерпевшего) в качестве самостоятельного квалифицирующего признака, когда в этом имеется необходимость (например, в половых преступлениях или в преступлениях против интересов развития несовершеннолетних). Мы лишь подчёркиваем общий принцип: *квалифицирующие признаки близкого содержания не должны быть представлены в различных текстовых блоках закона, они должны быть изложены лаконично с предоставлением суду пространства для толкования в целях достижения оптимального баланса между нормативной дифференциацией и судебной индивидуализацией уголовной ответственности.*

Теперь о самих этих признаках и их блоках. Общепризнанным является утверждение о том, что квалифицирующие признаки есть признаки состава преступления²³². В этой связи не вызывает сомнений, что сами эти *признаки должны характеризовать преступление как некий обособленный, единственный поведенческий акт.* Квалифицирующий признак

232 О роли и значении квалифицирующих признаков в составе преступления, двойственности их правовой природы и особенностях согласования с общим понятием состава преступления как системы признаков, «минимально достаточных» для квалификации деяния как преступного, см.: Кругликов Л.Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние // Вестник Ярославского государственного университета. — 2007. — № 4. — С. 56 — 64; Кругликов Л.Л. О понятии преступлений с квалифицированными составами // Юридическая наука. — 2014. — № 2. — С. 120 — 126.

может быть характерен для множества преступлений различных по объекту, и должен быть присущ некоторому массиву преступлений одного вида в том смысле, что не должен носить единичного, эпизодического характера. Но он в любом случае характеризует единичное преступление. Само это преступление может быть простым или сложным, но всегда — единичным. В этом проявляется свойство любого признака состава преступления.

С этой точки зрения заслуживает специального рассмотрения вопрос о тех квалифицирующих признаках, которые отражают элементы института множественности в структуре состава преступления. Речь идёт о таких признаках, как совершение преступления в отношении двух или более лиц, который использован в 17 статьях раздела VII УК РФ, и совершение преступления, сопряжённого с иным посягательством, который использован трижды в ст.105 УК РФ. Применение соответствующих положений уголовного закона традиционно вызывает многочисленные трудности на практике и широкую дискуссию в уголовно-правовой науке. Общий повод к критической оценке этих признаков состоит в том, что они являют собой, по сути, предусмотренное одной статьёй уголовного закона совершение двух или более преступлений, однако при этом преступление при наличии рассматриваемых квалифицирующих признаков в подавляющем большинстве случаев требует для квалификации применения правил совокупности. Причина существующих проблем кроется именно в том, что в состав единичного преступления законодателем искусственно внедрён компонент множественности, что порождает весьма противоречивую и теоретически ущербную конструкцию. В этой связи в науке предлагается два способа их разрешения: либо категорически признать, что преступление при наличии рассматриваемых признаков образует предусмотренную законодателем идеальную совокупность преступлений, то есть единичное сложное преступление, и на этом основании исключить возможность применения правил совокупности при его оценке²³³, либо, что на наш взгляд, более предпочтительно, исключить сами эти

233 См., например: Иванов Н.Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Критический взгляд // Уголовное право. — 2000. — № 2; Шнитенков А. Проблемы квалификации при совокупности преступлений // Уголовное право. — 2005. — № 2.

признаки из числа квалифицирующих. Так, Т.А. Плаксина предлагает расширить понятие идеальной совокупности за счёт отнесения к ней преступлений, предусмотренных одной и той же статьёй уголовного закона и причинивших смерть или вред здоровью двум или более потерпевшим, и как следствие, исключить из закона состав убийства двух или более лиц²³⁴ (очевидно, что эта рекомендация применима всецело и для иных преступлений с таким же квалифицирующим признаком). М.Н. Каплин, в свою очередь, обосновывает нежелательность использования в законе конструкций типа «преступление, сопряжённое с другим преступлением», предлагая указанное обстоятельство исключить из ч.2 ст.105 УК РФ²³⁵. Такие предложения представляются оправданными именно в связи с тем, что *квалифицирующий признак должен отражать особенности того или иного единичного преступления и не пересекаться с институтом множественности, для оценки которого существуют иные положения уголовного закона*²³⁶.

234 Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006. — С. 9.

235 Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2003. — С. 8. Этого же мнения придерживается Т.А. Плаксина: «Все квалифицирующие обстоятельства, отражающие сопряжённость убийства с другими преступлениями, должны быть исключены из ч. 2 ст. 105 УК РФ в силу их лишь фрагментарного соответствия социальным основаниям дифференциации ответственности за убийство, а также по причине нарушения при использовании их для формирования квалифицированных составов убийства правил конструирования составных норм». Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006. — С. 11.

236 Объективности ради стоит отметить, что в науке высказываются противоположные суждения: 1) о возможности использования квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении двух или более лиц» в статьях 117 УК РФ (П.Н. Кабанов), 118 УК РФ (Р.Ю. Смирнов), 119 УК РФ (М.В. Хабарова), 127.1 УК РФ (Е.Е. Шалимов), 136 УК РФ (А.Г. Курманов), 143 УК РФ (О.А. Смык), 144 УК РФ (Е.В. Красильникова), 150 УК РФ (Н.П. Шевченко), 151, 153, 157 УК РФ (Е.Е. Пухтий), 156 УК РФ (О.С. Колмакова); 2) о возможности использования категории сопряжённость в ст. 111 УК РФ — с изнасилованием, в ст. 131 — с похищением человека или незаконным лишением свободы (А.Н. Каменова), в ст. 138 УК РФ — с незаконным проникновением в жилище (А.С. Курманов). Подробнее см. приложение 2.

Генетическая связь квалифицирующего признака с составом преступления, то есть с правовой характеристикой деяния, заставляет обсудить не теряющий своей значимости вопрос о том, ограничено ли содержание признаков состава преступления исключительно характеристикой самого деяния или же может отражать свойства личности виновного. Вопрос этот, на некоторое время сошедший с повестки дня после вступления в силу УК РФ, был реактуализирован в связи с включением в число квалифицирующих признаков составов половых преступлений наличия предшествующей судимости субъекта преступления. В настоящее время в науке высказываются предложения о целесообразности использования такого признака (либо признака «совершение деяния, ранее совершавшим то или иное преступление») в других статьях раздела VII УК РФ — ст.ст. 105 УК РФ²³⁷, 127.1 УК РФ²³⁸, 157 УК РФ²³⁹, а также общий призыв к «системному насыщению УК РФ признаком специального рецидива»²⁴⁰.

Надо признать, что с одной стороны, представления о повышенной опасности совершения тождественного или однородного преступления ранее судимым лицом прочно вошли в сознание специалистов и являются лейтмотивом многих криминологических сочинений (причём вне зависимости от вида совершаемого преступления)²⁴¹. С другой стороны, эти же представления опровергаются столь же существенными аргументами конституционного, правового и криминологического свойства, причём высказанными на самом высоком уровне конституционной оценки ряда

237 Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006.

238 Гетман И.Б. Уголовная ответственность за торговлю людьми: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2010.

239 Юсупов Т.И. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2007.

240 Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дисс. ... д-ра юрид. наук. — Ярославль, 2014. — С. 16, 292.

241 См.: Щербаков С.В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009; Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014; Меликов Э.М. Рецидив краж: уголовная ответственность и предупреждение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2017.

положений уголовного закона, связанных с неоднократностью, судимостью и рецидивом²⁴².

Не сомневаясь в повышенной опасности рецидива, обратимся к той стороне проблемы, которая имеет прямое касательство нашей темы. При обсуждении уголовно-правовой природы рецидива до сих пор остаётся открытым вопрос о том, увеличивает ли рецидив опасность самого преступления или же его значение ограничено усилением показателей опасности лица, совершившего преступление. Если рецидив — форма множественности, то, как уже отмечалось выше, он не может по определению выступать в качестве признака состава единичного преступления. Этого уже достаточно для того, чтобы оспорить анализируемые законодательные решения в ст.ст. 131 — 135 УК РФ. Но в оценке рецидива высказываются и иные точки зрения. Нам представляется наиболее убедительной позиция тех специалистов, которые связывают опасность рецидива именно с личностью преступника (именно эта позиция была воплощена в уголовном законе с 2003 по 2012 годы, с момента исключения неоднократности и до момента внедрения квалифицирующего признака «судимость»)²⁴³.

242 Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 — 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан». Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2003. — № 3.

А.Л. Кононов пишет, например, что из всех обстоятельств, отягчающих наказание или квалифицирующих преступление, известных УК РФ, рецидив — единственное, которое нельзя отождествлять с какой-либо стороной или признаком состава преступления. Вопреки некоторым доктринальным представлениям о рецидиве как некоем признаке, который сам по себе делает преступление более тяжким и наказуемым, уголовный закон никак не выделяет какие-либо специфические признаки состава рецидивного преступления. Только лишь формальное обозначение факта прошлой судимости не привносит в состав преступления нового, тем более опасного качества. Установки, взгляды, привычки, нравственные качества — все это остаётся за пределами состава преступления.

243 «Совершение нескольких преступлений, — пишет Г.С. Досаева, — всегда свидетельствует о повышенной опасности личности, приводит к аккумуляции опасности этих нескольких преступлений, но не может свидетельствовать о возрастании общественной опасности каждого отдельно взятого преступления. В связи с этим в оценке ситуации

Всцело соглашаясь с этим, в контексте нашей темы необходимо поставить и обсудить принципиальный вопрос о том, могут ли свойства личности использоваться законодателем для дифференциации ответственности посредством квалифицирующих признаков.

По поводу учёта данных о личности виновного в уголовно-правовом регулировании Конституционный Суд РФ высказался вполне определённо: «конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации принципам справедливости и гуманизма противоречило бы законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учёта личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего преступление лица, и применение одинаковых мер ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без учёта фактора интенсивности участия конкретного лица в преступлении, его поведения после совершения преступления и после отбытия наказания, если таковое уже назначалось ранее, иных характеризующих личность обстоятельств»²⁴⁴. Однако это вполне справедливое утверждение не предопределяет возможности использования инструмента квалифицирующих признаков для решения проблемы. Личность виновного — центральный критерий назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера. Свойства личности находятся за пределами состава преступления и выражаются в преступлении далеко не однозначно: они могут проявляться во всех совершаемых личностью преступлениях либо, напротив,

совершения нового преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершённое преступление, наибольшим познавательным, объясняющим и регулирующим потенциалом обладает теория, признающая рецидив не формой множественности преступлений, а специфическим свойством личности виновного». См.: Досаева Г.С. Уголовно-правовой институт множественности преступлений: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2017. — С. 15 — 16.

244 Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 — 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2003. — № 3.

могут не проявляться ни в одном из них. С этой точки зрения *свойства личности должны учитываться в процессе дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности посредством использования таких законодательных конструкций, которые не относятся к признакам состава преступления.* С учётом этого вывода, практику конструирования квалифицирующих признаков «предшествующая судимость» и аналогичных по содержанию, но различающихся словесно признаков, необходимо признать теоретически несостоятельной.

Квалифицирующие признаки, согласно общепринятому учению, должны обладать некоторым уровнем распространённости, массовидности (не быть присущи только отдельным преступлениям, не носить эпизодического характера) и обладать строго направленным влиянием на оценку общественной опасности преступлений. Это требование, пожалуй, одно из самых важных, а проверка его соблюдения законодателем является одной из сложных задач. Здесь надо соблюсти, с одной стороны, криминологическую и статистическую информацию о распространённости того или иного признака, а с другой — социально-правовую, конституционную, этическую его оценку. Так, например, статистика свидетельствует, что групповой характер не присущ преступлениям, предусмотренным ст.134 УК РФ. Показатель удельного веса осуждённых за эти преступления в составе группы лиц колеблется в пределах 0,0 — 0,3%. Однако вряд ли целесообразно только на основании этих данных ставить вопрос об исключении этого признака из разряда квалифицирующих. С другой стороны, согласно статистике, этот же групповой признак преступления присутствует у 8 — 9% осуждённых по ст.139 УК РФ, однако законодатель не предусмотрел его в ряду дифференцирующих ответственность оснований. *Статистика может служить лишь ориентиром, первым «маркером», позволяющим отметить признаки, которые могут претендовать на статус квалифицирующих. Результаты статистического отбора должны быть подкреплены криминологическими, уголовно-правовыми и уголовно-политическими аргументами.*

С этой точки зрения наличие некоторых квалифицирующих признаков преступлений против личности вызывает определённые сомнения. Так, в науке уже формулировался вывод о необходимости исключения из п. «г» ч.2 ст.117 УК РФ и ч.2 ст.120 УК РФ такого квалифицирующего признака как совершение преступления в отношении

лица, находящегося в материальной или иной зависимости от потерпевшего, поскольку его наличие не отвечает требованию типичности и не способно влиять на изменение типовой общественной опасности посягательства²⁴⁵. По этим же основаниям предлагалось исключить признак совершения преступления по найму из состава истязания²⁴⁶. Отмечалось, что в силу отсутствия социальных оснований и криминологических условий для установления повышенной ответственности за совершённое преступление из уголовного закона должны быть исключены такие квалифицированные виды убийств, как убийство по мотиву кровной мести (п. «л» ч.2 ст.105 УК РФ) и убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч.2 ст.105 УК РФ)²⁴⁷. Указывалось, что из числа квалифицирующих признаков клеветы необходимо изъять такой признак, как «клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих», поскольку эти сведения нельзя признать порочащими потерпевшего²⁴⁸.

Не оспаривая этих суждений, дополнительно отметим, что, по нашему мнению, есть основания для исключения признака, предусмотренного ч.2 ст.148 УК РФ — совершение преступления в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. Само по себе место совершения преступления не увеличивает опасности преступления (вряд ли оскорбление чувств буддистов в православном храме обладает большей опасностью, чем оскорбление чувств всех верующих на городской площади). Более того, появление этого признака продиктовано исключительно эмоциональной реакцией законодателя на «дело Pussy Riot», то есть отражает некоторые эксклюзивные, единичные случаи преступного поведения.

245 Пахомова Е.В. Проблемы законодательного учёта признаков потерпевшего при дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2011. — С. 8 — 9.

246 Кабанов П.Н. Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — С. 8 — 9.

247 Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006. — С. 11, 12.

248 Харитонов И.И. Уголовная ответственность за клевету: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — С. 8.

Представляется совершенно нетипичным для состава торговли людьми такой признак, как «совершение преступления способом, опасным для жизни и здоровья многих людей» (п. «б» ч.3 ст.127.1 УК РФ). Этот признак объективно может отражать особенности лишь некоторых из альтернативных деяний основного состава — «перевозки» и «укрывательства»²⁴⁹. Специфика же его объективного проявления такова, что в результате торговли может создаваться опасность для жизни исключительно самих жертв торговли, но не для «третьих» лиц. Однако в этом случае количество жертв («многие лица») не имеет решающего значения для оценки деяния как особенно опасного. С учётом этих факторов рассматриваемый признак также может быть исключен из закона.

Не подтверждается результатами анализа типичность такого квалифицирующего признака клеветы, как использование виновным своего служебного положения (ч. 3 ст. 128 УК РФ). Согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ по этой норме практически нет осуждённых лиц. К тому же опасность именно для охраняемого статьёй 128.1 УК РФ объекта посягательства не возрастает в связи с использованием виновным служебного положения. Если же такое «использование» представляет опасность само по себе, для его оценки существуют нормы о служебных преступлениях.

Вызывает серьёзные сомнения признак «наступление тяжких последствий» в ч.3 ст.145.1 УК РФ. Судебная статистика и специальные исследования демонстрируют принципиальное отсутствие практики применения этой нормы²⁵⁰. Полагаем, это не случайно, поскольку спектр «тяжких последствий», предлагаемых комментаторами статьи (утрата трудоспособности, заболевание, инвалидность, вред здоровью, смерть человека, уничтожение или повреждение имущества и др.²⁵¹) находится далеко за рамками объекта посягательства и в любом случае не охватывается

249 Это признают многие специалисты, см., например: Жинкин А.А. Торговля людьми и использование рабского труда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2005. — С. 129.

250 См.: Панкратова О.В. Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ): уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — С. 30 — 31.

251 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII — VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2017. — С. 137.

виной субъекта преступления, действующего из корыстной или иной личной заинтересованности.

Таким образом, есть основания для вывода о том, что *ряд квалифицирующих признаков в преступлениях против личности не имеют под собой достаточного социального и правового основания, носит во многом умозрительный и надуманный характер, что ведёт к перегрузке текста уголовного закона и не способствует эффективной дифференциации ответственности*. Это в свою очередь позволяет утверждать о необходимости оптимизации системы квалифицирующих признаков, в том числе за счёт их сокращения.

Неоправданно перегружает текст закона и наличие пересекающихся признаков, содержание которых не позволяет их чётко отделить друг от друга. В данном случае одновременно нарушаются правила криминологического отбора признаков и их юридико-технического оформления в тексте нормативного акта.

Так, например, наука уже отмечала, что наличие в ст.128.1 УК РФ таких самостоятельных квалифицирующих признаков, как ложное обвинение лица в совершении преступления сексуального характера (ч.4) и обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч.5) позволяет произвольно толковать данные признаки и вызывает нежелательную конкуренцию правовых предписаний²⁵². По мнению иных специалистов, признак беспомощности состояния потерпевшего в составе убийства (п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ) не только вызывает проблемы его толкования, но и целиком поглощается понятием особой жестокости убийства (п. «д» ч.2 ст.105 УК РФ)²⁵³.

Все изложенное к настоящему моменту относительно квалифицирующих признаков преступлений против личности позволяет оспорить не только сложившуюся законодательную практику их использования в разделе VII УК РФ, но и ведущий тренд современных научных разработок проблемы. Мы уже отмечали, что в законе предусмотрено значительное число квалифицирующих признаков преступлений против личности. Обзор научных сочинений по проблемам установления и дифференциации уголовной

252 Харитонов И.И. Уголовная ответственность за клевету: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — С. 8.

253 Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2003.

ответственности за эти посягательства свидетельствует, что лейтмотивом едва ли не всех изученных источников является настойчивая рекомендация включить в закон дополнительные квалифицирующие признаки или расширить практику использования уже существующих (см. приложение 2, отражающие итоги выборочного анализа 80 авторефератов кандидатских и докторских диссертаций).

Однако эти рекомендации, формулируемые применительно к отдельным составам преступления, зачастую не учитывают системного характера процесса дифференциации ответственности, не позволяют соотнести авторские предложения с иными конструкциями, а потому могут восприниматься исключительно как повод к обсуждению проблемы, но не рецепт её решения. К тому же, обобщённый анализ, представленный на страницах данной работы, свидетельствует скорее о необходимости принципиального изменения вектора самих рекомендаций. Справедливым будет сделать промежуточный вывод о том, что *ряд квалифицирующих признаков должен быть изъят из текста закона, причём, без ущерба качеству самого закона. Тогда как предложения о внедрении в УК РФ новых квалифицирующих признаков преступлений против личности должны быть более сдержанными и в любом случае поставлены в общее русло системного анализ предписаний раздела VII УК РФ.* Как верно указывает Т.А. Плаксина, «научно обоснованный перечень квалифицирующих ... обстоятельств имеет количественный и качественный пределы. На уровне социальной обусловленности закона содержательное разнообразие квалифицирующих обстоятельств не является бесконечным в силу объективной ограниченности круга их социальных оснований. На уровне формулирования уголовно-правовой нормы препятствием к созданию чрезмерно широкого перечня квалифицирующих признаков становится применение правила, согласно которому каждому специфичному по содержанию основанию или комплексу взаимосвязанных оснований должно соответствовать только одно квалифицирующее обстоятельство»²⁵⁴.

Из общего массива имеющихся предложений, направленных на расширение круга квалифицирующих признаков преступлений против личности, а равно из потенциально возможных, заслуживают внимания лишь те,

254 Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006. — С. 8.

которые имеют системный характер и отвечают общим признакам отбора квалифицирующих признаков. Исследование научных источников по теме показывает, что такие «общие признаки», как правило, формулируются, пусть и верно, но слишком «общо». Отчасти правильно, но главное — малоинструментально утверждение о том, что «квалифицирующими могут быть лишь обстоятельства, прямо относящиеся к содеянному и к личности виновного и находящиеся в определённой связи с совершённым преступлением»²⁵⁵. Мы уже отмечали, что данные о личности виновного нецелесообразно использовать в качестве квалифицирующих признаков. Но вопрос о том, какие именно обстоятельства, характеризующие преступление, могут претендовать на такой статус, остаётся открытым. Не вносит содержательных аспектов в дискуссию и классификация обстоятельств по элементам состава преступления. Она лишь отражает факт использования тех или иных признаков, но не даёт ответа на вопрос, почему именно они служат дифференциации ответственности. Здесь требуются иные, дополнительные характеристики квалифицирующих признаков.

Попытки установления содержательных критериев отбора квалифицирующих признаков были предприняты в науке. Так, Т.А. Плаксина пишет (правда, рассуждая об особо квалифицирующих признаках, но в нашем случае это не принципиально): «К особо квалифицирующим должны быть отнесены: 1) обстоятельства, отражающие причинение большего вреда объекту уголовно-правовой охраны, включая вред дополнительному объекту или совокупности основных объектов; 2) обстоятельства, отражающие значительное повышение эффективности преступного деяния, увеличение вероятности наступления преступного результата»²⁵⁶. В этом же русле, но более ограничительно, рассуждает Е.В. Рогова, когда указывает, что «для включения такого признака в состав преступления необходимо, чтобы он повышал вероятность наступления вредных последствий»²⁵⁷.

255 Козаченко И.Я., Костарева Т.А., Кругликов Л.Л. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка: лекция. — Екатеринбург: УРГЮА, 1994. — С. 12.

256 Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006. — С. 8.

257 Рогова Е.В. Правила построения квалифицирующих и привилегирующих признаков состава преступления // Пробелы в Российском законодательстве. — 2013. — № 5. — С. 173.

Такой подход представляется вполне оправданным, но неполным. Он открывает лишь общий путь к формулированию содержательных критериев квалифицирующих признаков и отражает только один аспект повышения опасности преступления, связанный с увеличением объёма и (или) вероятности причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. Однако известно, что опасность преступления не ограничивается исключительно объективными показателями²⁵⁸. Она определяется всеми признаками преступления — и объективными, и субъективными, хотя далеко не одинаково и не прямолинейно. С учётом этого обстоятельства, подход Т.А. Плаксиной должен быть расширен и усовершенствован. Представляется, что *на роль квалифицирующих признаков преступлений против личности могут претендовать те обстоятельства, которые при совершении именно данного вида преступлений свидетельствуют о повышении степени их общественной опасности за счёт (а) увеличения вероятности и объёма причиняемого вреда, (б) углубления степени вины лица, совершившего преступление, и уровня безнравственности содеянного*. Нет оснований жёстко противопоставлять эти критерии и пытаться выделить обстоятельства, отвечающие только одному из них. Это не вполне продуктивный путь, поскольку в реальности они зачастую совместно участвуют в отборе квалифицирующих признаков. Но в теоретическом отношении расчленение их допустимо.

В первом случае надо обратить отдельное внимание на содержание объекта преступления. Т.А. Плаксина обратила внимание, что этот признак может быть связан с причинением вреда дополнительному объекту посягательства. Однако здесь надо различать две ситуации, заслуживающие самостоятельной оценки с точки зрения учения о квалифицирующих признаках. Во-первых, имеются преступления, которые уже в основном составе можно считать двухобъектными. В этом случае квалифицирующий признак может приводить к увеличению объёма или вероятности причинения вреда дополнительному объекту (классический пример — изнасилование или насильственные действия сексуального характера, при совершении которых угроза убийством, причинение тяжкого вреда здоровью,

258 Большую дискуссию относительно того, является ли общественная опасность исключительно объективным признаком и свойством преступления, либо она зависит и от субъективных факторов, оставим в данном случае за рамками анализа. См. об этом, например: Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. — М.: РГУП, 2019. — С. 31.

заражение ВИЧ-инфекцией отражает увеличение объёма вреда здоровью потерпевшего как дополнительного объекта преступления). Во-вторых, имеются преступления, которые именно с наличием квалифицирующего признака становятся двухобъектными. Это весьма обширная группа преступлений, в квалифицирующих признаках которых значится факт применения насилия или угрозы насилием, при том, что основной объект посягательства не охватывает собой отношений, обеспечивающих безопасность здоровья (например, ст.ст. 126, 127, 127.1, 127.2, 139, 141, 144, 148, 150, 151 УК РФ). Здесь происходит в ряде случаев законодательное конструирование сложного составного преступления за счёт объединения в квалифицированном составе признаков основного ненасильственного состава преступления и состава насилия. Безусловно, тема сложных составных преступлений заслуживает отдельного анализа и выходит далеко за пределы предмета нашего анализа. Однако применительно к нашей работе стоит отметить, что использование такого приёма для дифференциации ответственности целесообразно максимально ограничить и использовать квалифицирующий признак «применение насилия или угрозы насилием» для нормативной оценки только тех ситуаций, которые не могут получить самостоятельную оценку в качестве насильственного преступления против личности по нормам главы 16 УК РФ. *По общему правилу квалифицирующий признак состава преступления должен отражать увеличение объёма и вероятности причинения вреда тому объекту, который уже закреплён в признаках основного состава преступления.*

В оценке второго содержательного критерия квалифицирующих признаков (степени вины и безнравственности) следует исходить из того, что подавляющее большинство преступлений против личности относятся к категории так называемых преступлений *malum in se*, посягают на объекты, соотносимые с естественными правами человека и имеют весьма близкое соприкосновение со сферой безнравственного, аморального поведения. *Наиболее яркими маркерами безнравственности преступления, которые могут быть использованы при отборе квалифицирующих признаков преступлений против личности выступают мотив преступления, а также характеристика личных взаимоотношений виновного и жертвы.* И если мотив преступления широко используется в качестве основания дифференциации ответственности в статьях раздела VII УК РФ, то использование второго фактора имеет определённые резервы. В частности, есть все

основания к тому, чтобы прислушаться к давно и постоянно выдвигаемой в науке идее о необходимости дифференциации ответственности за преступления против жизни, здоровья, свободы, половой свободы и неприкосновенности, в случае если они совершаются родителями против детей или в сфере семейных отношений.

Предназначение квалифицирующих признаков, отобранных с соблюдением системных, социально-криминологических, уголовно-правовых и юридико-технических требований, состоит в дифференциации уголовной ответственности. Такая дифференциация осуществляется, прежде всего, посредством конструирования новой, увеличенной в размерах санкции, и пересмотра категориальной принадлежности преступления. Это два взаимосвязанных, иногда совпадающих, но в ряде случаев параллельных процесса. Пересмотр санкции в квалифицированном составе не всегда сопровождается изменением категории преступления с квалифицированным составом по отношению к основному, а если и сопровождается, то далеко не всегда единообразно.

Так, например, анализ показывает (см. приложение 3), что квалифицирующий признак «совершение преступления в отношении двух или более лиц» не меняет категориальную принадлежность основного состава в преступлениях, предусмотренных ст.105 УК РФ и ст.134 УК РФ, но в преступлении, предусмотренном ст.135 УК РФ, меняет её с преступления небольшой тяжести до особо тяжкого. Такой признак, как беспомощное состояние потерпевшего не меняет категорию в составах убийства, причинения тяжкого вреда здоровью, но повышает её с преступления небольшой тяжести до тяжкого в составе истязания. Ещё большей вариативностью обладает признак совершения преступления группой лиц (группой лиц по предварительному сговору или организованной группой — в различных сочетаниях): он либо не меняет категорию преступления (ст.ст. 105, 110, 131, 132, 142.2 УК РФ), либо меняет её с небольшой тяжести до средней тяжести (ст.ст. 110.1, 112, 141, 142.2, 147 УК РФ), с небольшой тяжести — до тяжкого (ст.ст. 117, 127, 146 УК РФ), с небольшой тяжести — до особой тяжести (ст.ст. 135, 151.2 УК РФ).

Такое положение вещей вызывает критическую оценку в литературе. Так, Л.О. Кулева, рассуждая о проблемах дифференциации ответственности в санкциях основного и квалифицированного составов преступлений, требует обеспечить поступательный переход от одной

категории к другой, исключив «перепрыгивание» через категории (как это имеет место в ст.ст. 126, 146, 199, 200.5, 228, 290 УК РФ и др.)²⁵⁹. Этот призыв нуждается в самостоятельной оценке. С одной стороны, действительно, *мы не можем установить равную категориальную принадлежность различных преступлений с одинаковыми квалифицирующими признаками, поскольку «исходная точка» отсчёта опасности этих преступлений различна*. С другой стороны, *мы можем теоретически предположить, что одинаковые квалифицирующие признаки повышают степень опасности различных преступлений примерно в одинаковой пропорции*. С этой точки зрения неоправданной выглядит ситуация, при которой один и тот же квалифицирующий признак в разных ситуациях меняет категорию преступления на одну или сразу на три степени. Однако предложение об обязательном повышении категории различных преступлений на одну степень при наличии одного и того же квалифицирующего признака выглядит теоретически необоснованным и практически неосуществимым (хотя бы по причине того, что лишает возможности использовать такой приём при дифференциации ответственности за особо тяжкие преступления). К тому же категоризация — не единственное, более того — вторичное по отношению к санкции, средство отражения опасности квалифицированных преступлений. Поэтому *выдвижение жёстких требований об обеспечении соответствия между наличием квалифицирующего признака и повышением категории преступлений нецелесообразно*. Для отражения опасности квалифицированного состава вполне достаточно санкции, другой вопрос, что санкции современного УК РФ требуют отдельного анализа с точки зрения их адекватности и системности.

Закрепляя обстоятельства, дифференцирующие ответственность в законе, законодатель придаёт им различное значение: квалифицирующих, особо квалифицирующих, суперквалифицирующих, отражая в тексте частей второй — шестой той или иной статьи. Такая дифференцированная оценка сама по себе не может вызывать нареканий, если она проведена обоснованно и разумно. Однако анализ показывает, что какой-либо единой линии, общих принципов использования такого приёма углублённой дифференциации ответственности в законе не прослеживается (см. приложение 4). Из 42 статей

259 Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2019. — С. 10.

раздела VII УК РФ одна группа квалифицирующих признаков использована в 25 статьях (59,5%), две группы — квалифицирующие и особо квалифицирующие — в 9 статьях (21,4%), три группы — квалифицирующие, особо квалифицирующие и суперквалифицирующие — в 3 статьях (7,2%), четыре группы — в 5 статьях (11,9%). Интересно заметить, что наибольшее число квалифицированных составов преступлений (четыре) наблюдается в существенно обновлённых составах половых преступлений и новом составе клеветы; три группы квалифицирующих признаков — в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 111, 150 УК РФ и в новой ст.110.1 УК РФ. Можно без боязни ошибиться утверждать, что увеличение групп квалифицирующих признаков не является устойчивой традицией отечественного уголовного права. Оно не оправдано и с точки зрения учения о квалифицирующих признаках²⁶⁰. Представляется, что *без ущерба для качества уголовно-правовой охраны законодатель вполне может ограничиться набором квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, не выделяя в статьях УК РФ признаки составов преступлений более высокой степени дифференциации.*

В рамках теоретического моделирования процесса дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков можно также рекомендовать в качестве общего ориентира при конструировании квалифицированных и особо квалифицированных составов устанавливать связь между местом того или иного признака в структуре состава преступления и его социально-криминологическим основанием. Представляется, что *на роль квалифицирующих признаков могут претендовать те, что отражают степень вины лица, совершившего преступление, и уровень безнравственности содеянного, а на роль особо квалифицированных — те, что свидетельствуют об увеличении вероятности и объёма причиняемого вреда.*

В рамках теоретического исследования системы квалифицирующих признаков преступлений против личности необходимо обратить внимание

260 Специалисты правы, когда пишут: «Включение в статью Особенной части уголовного закона более чем двух устойчивых сочетания (особо) квалифицирующих признаков, закреплённых в отдельных частях статьи, утяжеляет законодательную конструкцию, перегружает статью и, как следствие, затрудняет ее восприятие. С этой точки зрения едва ли удачно конструирование статей, содержащих четыре и более части». См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998. — С. 200.

ещё на один вопрос, обсуждаемый в научной литературе. Он состоит в возможности унификации квалифицирующих признаков, отражающих повышенную опасность всех или определённой группы преступлений. Здесь предлагаются самые разные подходы. Так, например, Т.П. Русакова предлагает вовсе отказаться от закрепления квалифицирующих признаков в составах преступлений и «перенести» их в Общую часть Кодекса, отождествив со списком обстоятельств, отягчающих наказание. «При таком решении этой проблемы, — считает автор, — отпала бы необходимость включения квалифицирующих обстоятельств в отдельные составы, они могли бы помещаться в Общей части уголовного права, с предусмотрением возможности при их наличии в любом составе соответствующего увеличения размера наказания»²⁶¹. В этом же русле рассуждает С.Е. Кротов, предлагая два альтернативных решения проблемы унификации квалифицирующих признаков. «Первый: одноимённые признаки в преступлениях с единым родовым объектом должны регламентироваться более или менее единообразно, т.е., например, для раздела 7 УК РФ должны быть унифицированы квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки преступлений. И второй путь — кардинальное решение этого вопроса на уровне категоризации преступлений. Для каждой категории (ст.15 УК) можно было бы предусмотреть свой блок квалифицирующих обстоятельств, из которого законодатель мог бы то или иное обстоятельство отнести к определённому виду преступлений»²⁶². Не столь категорична Т.А. Лесниевски-Костарева. Она предлагает, с одной стороны, более активно использовать приём вынесения квалифицирующих признаков, свойственных всем преступлениям, в Общую часть уголовного закона, помещая там их определение и обязательно указывая степень влияния на наказание; а с другой стороны, в структуре той или иной главы Особенной части предусматривать отдельную статью с описанием квалифицирующих признаков, свойственных посягательствам на соответствующий родовой объект²⁶³.

261 Русакова Т.П. Пути дальнейшего совершенствования советского уголовного права // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества. — Томск: Изд. Томск. ун-та, 1989. — С. 181 — 182.

262 Кротов С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — С. 21.

263 Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998. — С. 174 — 175.

При существующих различиях стремление авторов едино — обеспечить унификацию квалифицирующих признаков и их влияние на оценку общественной опасности преступлений. Такое стремление должно быть поддержано. Однако в выборе пути решения проблемы следует проявить разумную сдержанность и следовать системным началам уголовного права и уголовного закона.

Прежде всего, надо напомнить, что на роль положений Общей части УК РФ могут претендовать лишь такие предписания, которые распространяемы на все положения Особенной части, имеют универсальный, «сквозной» характер и в силу этого своего свойства могут быть основой формирования института (субинститута) Общей части. Именно таким свойством обладают, к примеру, положения о неоконченном преступлении, о рецидиве. Законодатель справедливо поместил их в Общую часть УК РФ, определив предписания раздела о преступлении корреспондирующие предписания раздела о наказании, закрепив правила дифференциации ответственности и наказания при наличии соответствующего признака. Из всех предусмотренных в разделе VII УК РФ (и в иных разделах также) квалифицирующих признаков на роль такого универсального признака может претендовать только один — тот, что отражает групповой характер совершённого преступления. Об отсутствии системности в использовании данного признака в статьях Особенной части УК РФ специалисты писали неоднократно²⁶⁴. Представляется, что в этой части *законодательство содержит существенный резерв для совершенствования и есть все основания к тому, чтобы, исключив квалифицирующий признак «группа» из всех статей Особенной части УК РФ, предусмотреть в Общей части УК РФ (на основе ст. 67 УК РФ) развёрнутые правила дифференциации уголовного наказания в случае совершения преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой* (конкретные рекомендации по решению этой задачи будут представлены в последующем разделе работы).

Все остальные квалифицирующие признаки статей раздела VII УК РФ не обладают столь универсальным значением, а потому их перемещение в Общую часть не представляется обоснованным. Нецелесообразным

264 См., например: Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. — 2018. — № 5.

выглядит и предложение об установлении списка квалифицирующих признаков для отдельных категорий преступлений, как они обозначены в ст.15 УК РФ, поскольку набор этих признаков определяется не характером и степенью тяжести преступлений, а их социально-криминологическими особенностями. Что касается возможности выделения в структуре глав раздела VII УК РФ отдельных статей, посвящённых квалифицирующим признакам преступлений определённого рода, то это решение также не безупречно, прежде всего, с юридико-технической точки зрения и с позиций практики применения уголовного закона, поскольку его реализация потребует разработки новых правил квалификации преступлений, предусматривающих ссылку на норму, содержащую квалифицирующие признаки, наряду со ссылкой на статью, описывающую основной состав преступления, а также разработку дополнительных правил назначения наказания, что вызовет дополнительные и неоправданные сложности.

Изложенное относительно теоретических основ отбора и конструирования квалифицирующих признаков в статьях раздела VII УК РФ «Преступления против личности» позволяет сформулировать несколько общих выводов, значимых для развития теории и практики конструирования и применения уголовного закона:

— квалифицирующие признаки должны отражать особенности того или иного единичного преступления и не пересекаться с институтом множественности, для оценки которого существуют иные положения уголовного закона;

— на роль квалифицирующих признаков преступлений против личности могут претендовать те обстоятельства, которые при совершении именно данного вида преступлений свидетельствуют о повышении степени их общественной опасности за счёт (а) увеличения вероятности и объёма причиняемого вреда, (б) углубления степени вины лица, совершившего преступление, и уровня безнравственности содеянного;

— свойства личности виновного нецелесообразно использовать в качестве квалифицирующих признаков преступлений, они должны учитываться в процессе дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности посредством использования таких законодательных конструкций, которые не относятся к признакам состава преступления;

— статистика может служить лишь ориентиром, первым «маркером», позволяющим отметить признаки, которые могут претендовать на статус

квалифицирующих; результаты статистического отбора должны быть подкреплены криминологическими, уголовно-правовыми и уголовно-политическими аргументами;

— ряд квалифицирующих признаков в преступлениях против личности не имеют под собой достаточного социального и правового основания, носит во многом умозрительный и надуманный характер, что ведёт к перегрузке текста уголовного закона и не способствует эффективной дифференциации ответственности; ряд квалифицирующих признаков должен быть изъят из текста закона, причём, без ущерба качеству самого закона;

— без ущерба для качества уголовно-правовой охраны законодатель может ограничиться набором квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, не выделяя в статьях УК РФ признаки составов преступлений более высокой степени дифференциации, при этом на роль квалифицирующих признаков могут претендовать те, что отражают степень вины лица, совершившего преступление, и уровень безнравственности содеянного, а на роль особо квалифицированных — те, что свидетельствуют об увеличении вероятности и объёма причиняемого вреда;

— квалифицирующие признаки, обладающие сходной социально-криминологической природой должны образовывать единый комплекс оснований дифференциации ответственности. Как таковой этот комплекс должен быть предусмотрен в одной структурной единице текста закона (в части статьи или в пункте части статьи). Дробление этого комплекса на отдельные составляющие (детализация, конкретизация признака) и локализация этих составляющих в различных единицах текста не представляется оправданной;

— квалифицирующие признаки близкого содержания не должны быть представлены в различных текстовых блоках закона, они должны быть изложены лаконично с предоставлением суду пространства для толкования в целях достижения оптимального баланса между нормативной дифференциацией и судебной индивидуализацией уголовной ответственности;

— выдвижение жёстких требований об обеспечении соответствия между наличием квалифицирующего признака и повышением категории преступлений нецелесообразно, оценка степени общественной опасности преступления при наличии квалифицирующих признаков должна осуществляться посредством построения разумной и обоснованной системы санкций.

§ 2. Квалифицирующие признаки преступлений против личности: вопросы законодательной и правоприменительной практики

Теоретический анализ дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков показал, что отечественное законодательство содержит значительные резервы в части использования этого приёма. В качестве трёх потенциальных направлений качественного совершенствования системы квалифицирующих признаков было выявлено: исключение отдельных признаков, вынесение некоторых признаков за рамки Особенной части УК РФ, дополнение предписаний раздела VII УК РФ новыми квалифицирующими признаками; в качестве юридико-технического направления — перегруппировка существующего набора квалифицирующих признаков и их уплотнение. С учётом этого построим изложение материала в рамках настоящего параграфа.

Об исключении отдельных квалифицирующих признаков

Квалифицирующие признаки должны характеризовать единичное преступление и не пересекаться с институтом множественности преступлений и характеристикой личности виновного. С этой точки зрения вызывает сомнение использование в законе таких признаков, как «совершение преступления в отношении двух или более лиц», «совершение преступления, сопряжённого с иным преступлением», «совершение преступления лицом, ранее судимым».

Совершение преступления в отношении двух или более лиц указано законодателем в числе признаков составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 105, 107, 109, 110, 110.1, 111, 112, 117, 121, 122, 126, 127, 127.1, 127.2, 134, 135, 151.2 УК РФ. Вопросы толкования и применения этого признака раскрыты в двух постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (по делам об убийстве и о половых преступлениях), согласно которым, исходя из положений ч.1 ст.17 УК РФ, признаётся, что совершение преступления в отношении двух или более лиц, совершённое одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации как одно преступление по соответствующему пункту части статьи

Особенной части УК РФ, при условии, что ни за одно из этих преступлений виновный ранее не был осуждён²⁶⁵.

Такое толкование изначально было предложено в 2008 году применительно к убийствам и стало реакцией высшей судебной инстанции на исключение признака неоднократности из числа квалифицирующих признаков убийства и было продиктовано, как представляется, стремлением обеспечить равенство граждан перед законом и справедливость в ситуации, когда в результате действий виновного смерть причиняется двум или более лицам при различном содержании вины. Вместе с тем, некоторыми специалистами оно оценивается критически. Ю.Е. Пудовочкин пишет: «Более предпочтительной представляется рекомендация, содержащаяся в первоначальной редакции постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1, согласно которой по п. «а» ч.2 ст.105 УК РФ следовало квалифицировать убийство двух или более лиц, если действия виновного охватывались единым умыслом. Умышленное причинение смерти двум или более лицам, не связанное единством умысла, мотивов и намерений, на наш взгляд, целесообразно квалифицировать по совокупности преступлений»²⁶⁶. К более

265 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1999. — № 3; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 2. Аналогичные предписания сохранились в проекте постановления, посвящённого квалификации преступлений против свободы, но в окончательный вариант постановления они не вошли. См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 3.

266 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 2 т. Т.1. / под ред. А.В. Бриллиантова. — Изд. 2-е. — М.: Проспект, 2015. — С. 375. К этому же мнению склоняется А.Н. Попов, см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII — VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2017. — С. 26. На такой квалификации настаивает Д.В. Васяев, признавая убийство двух или более лиц продолжаемым преступлением (Васяев Д.В. Уголовная ответственность за убийство с учетом его мотива и цели: проблемы правотворчества и правоприменения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2014. — С. 9). В этом отношении интересно отметить, что, к примеру, в немецкой практике конструкция продолжаемого преступления в целом была признана неконституционной (см. об этом: Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. — 5-е изд. — М.: Инфотропик, 2013. — С. 665).

радикальному выводу о необходимости исключения рассматриваемого признака из закона пришла на основании глубокого исследования этой проблемы с акцентом на вопросы квалификации и назначения наказания Н.А. Лопашенко²⁶⁷.

Такой вывод небезоснователен. К нему сподвигает и прикладной, и теоретический анализ проблемы. Есть все основания считать, *что п. «а» ч.2 ст.105 УК РФ является собой исключительно искусственную и нежизнеспособную конструкцию, в рамках которой под видом единичного преступления скрывается совокупность преступлений*. В качестве доказательств, основанных на практике применения данной нормы, можно привести следующие:

— различный статус потерпевших при совершении преступления в отношении двух лиц, при котором посягательство на одно лицо охватывается специальной нормой (например, при совершении деяний, предусмотренных ст.105 УК РФ и ст.317 УК РФ), требует оценки содеянного по правилам совокупности²⁶⁸;

— два убийства, из которых одно совершено при наличии привилегированных признаков (например, при превышении пределов обороны), квалифицируется по правилам совокупности²⁶⁹;

— различные стадии совершения двух убийств (например, оконченное убийство и покушение на убийство) и различные роли при их совершении (например, исполнительство и подстрекательство) оцениваются по правилам совокупности²⁷⁰;

267 Лопашенко Н.А. Убийства. — М.: Юрлитинформ, 2013. — С. 216 — 238.

268 Верховный Суд РФ. Дело № 18-АПУ19-30. Апелляционное определение от 21.01.2020. Дискуссию о правилах квалификации таких ситуаций см., например: Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 55 — 58.

269 См. п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1999. — № 3; Верховный Суд СССР. Определение Судебной коллегии от 22.12.1967 по делу Кулиева Р.Б. // Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1968. — № 1.

270 См. п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1999. — № 3; Верховный Суд РФ. Дело № 299-П13ПР. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19.02.2014; Дело № 72-АПУ 14—71. Апелляционное определение от 29.01.2015; Дело № 11-АПУ15—18. Апелляционное определение от 14.07.2015.

- срок давности по каждому из убийств исчисляется самостоятельно²⁷¹;
- с позиций учения о множественности преступлений будет оценено убийство двух лиц, совершённое на территории различных государств;
- не применяется рассматриваемый признак в случае, когда после осуждения за преступление в отношении одного лица станет известно о том, что лицо до этого совершило ещё одно такое же преступление в отношении другого лица;
- в отсутствии в статье УК РФ квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении двух или более лиц», совершение этого преступления в отношении нескольких потерпевших, образует совокупность преступлений²⁷².

Возможность признания совершения преступления в отношении двух или более лиц особой формой множественности теоретически обосновывается в специальных исследованиях, посвящённых данному институту²⁷³. Не углубляясь в исследование темы множественности и места ситуаций совершения преступления в отношении двух или более лиц в системе форм множественности, констатируем основное: совершение преступлений в отношении двух или более лиц не может рассматриваться как единичное преступление. Т.А. Плаксина, на наш взгляд, совершенно права, когда пишет: «Состав убийства двух или более лиц сконструирован законодателем как характеризующийся тождественной многообъектностью сложный состав, объединяющий неопределённое множество тождественных преступлений. Однако социальная потребность в уголовно-правовой охране совокупности основных объектов убийства, каждому из которых причиняется

271 Такой вывод однозначно следует из ранней практики применения п. «и» ст.102 УК РСФСР 1960 г. «убийство, совершённое лицом, ранее судимым за убийство». Пленум Верховного Суда РФ указывал в своё время: «Убийство не может квалифицироваться по п. «и» ст.102 УК РСФСР, ... если к моменту совершения убийства истёк срок давности привлечения к уголовной ответственности за ранее совершённое преступление». См. п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.1992 № 15 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1993. — № 3.

272 Верховный Суд РФ. Дело № 19-АПУ14-36СП. Апелляционное определение от 11.12.2014.

273 См., например: Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. — 2008. — № 4. — С. 179 — 192; Шкредова Э.Г. Формы множественности преступлений в современной уголовно-правовой доктрине // Журнал Российского права. — 2012. — № 9. — С. 50 — 54.

вред, материализующийся в виде смерти потерпевшего, в силу ряда причин не способна получить юридическое выражение в квалифицирующем убийство обстоятельстве, а может быть реализована лишь через институт совокупности преступлений»²⁷⁴.

Ещё один квалифицирующий признак, отражающий множественность, — сопряжённость одного преступления с другим. Он непосредственно предусмотрен в ч.2 ст.105 УК РФ в нескольких её пунктах. Правила квалификации убийств при наличии сопряжённости с другими преступлениями установлены в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ и предполагают обязательную квалификацию содеянного с учётом положений закона о совокупности (в том числе в ситуациях, когда «сопряжённое» преступление не совершено по независящим от лица обстоятельствам)²⁷⁵. Подтверждены такие правила и Конституционным Судом РФ²⁷⁶. Однако в науке обосновываются и иные суждения на этот счёт, отталкивающиеся от идеи признания рассматриваемой конструкции проявлением единичного сложного (составного) преступления²⁷⁷.

274 Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006. — С. 8 — 9.

275 Верховный Суд РФ. Дело № 49-О09-116СП. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 03.09.2009; Дело № 66-УД14-3. Определение суда кассационной инстанции от 17.02.2015.

276 Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филиппова Виктора Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17, пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 1569-О; Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пономарева Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 и частью третьей статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 307-О; Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глушкова Дмитрия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 Уголовного кодекса Российской Федерации от 24 сентября 2012 г. № 1663-О.

277 Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. — М.: Норма, 2015. — С. 166 — 172; Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. — М.: Юрлитинформ, 2003. — С. 160 — 161; Иванов Н.Г. К вопросу о квалификации «преступлений сопряженности» // Уголовное право. — 2005. — № 9. — С. 19.

Такая ситуация настоятельно требует объяснения. В частности, признавая необходимость квалификации содеянного в рассматриваемых случаях по правилам совокупности, надо обосновать, что убийство, сопряжённое с некоторыми иными, прямо указанными в законе преступлениями, обладает повышенной общественной опасностью, учёт которой не может быть осуществлён в рамках применения института совокупности преступлений и требует конструирования квалифицированного состава преступления.

Попытки обоснования соответствующего законодательного решения, как правило, сводятся к характеристике умысла, цели и мотива деятельности виновного²⁷⁸. Не оспаривая такого подхода, заметим всё же, что: а) для оценки этих обстоятельств в законе уже предусмотрен признак «убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение»; б) соответствующие параметры вины меняются в случае совершения убийства, сопряжённого с любым преступлением, а не только с изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера, похищением человека, разбоем, вымогательством или бандитизмом. Учитывая это, Н.Н. Коротких верно пишет, что *«идея сочетания нескольких преступлений в рамках состава убийства или в законодательных конструкциях других составов нецелесообразна по причине отсутствия какой-либо логики в выборе самих преступлений, на основе которых должно происходить усиление репрессии»*²⁷⁹.

Осознавая указанные обстоятельства, наука предложила два противоположных решения: унифицировать исследуемые квалифицирующие признаки и расширить их содержание в рамках единой конструкции «убийства, сопряжённого с иным преступлением»²⁸⁰ либо вовсе отказаться

278 Бородин С.В. Преступления против жизни. — М.: Юристь, 1999. — С. 102, 152; Арсанукаев И.С. Криминологическое и уголовно-правовое исследование предупреждения убийств, сопряжённых с другими преступлениями: дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — С. 37 — 38.

279 Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2016. — С. 21.

280 Краев Д.Ю. Проблемы уголовной ответственности за убийства, сопряжённые с иными преступлениями. — М.: Юрлитинформ, 2009. — С. 89; Попов А.Н. Убийства приотягчающих обстоятельствах. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 324.

от использования в законе такого признака²⁸¹. Последнее предложение представляется более обоснованным. В поддержку его отметим дополнительно, что признание исследуемой конструкции особой разновидностью совокупности, которая учтена законодателем, но вместе с тем требует для квалификации института множественности, порождает безусловную «двойную» ответственность, когда законодатель повышает наказание в санкции ч.2 ст.105 УК РФ за счёт «сопряжённости», а затем требует и применения правил ст.69 УК РФ при назначении наказания по совокупности двух сопряженных преступлений.

О вынесении некоторых квалифицирующих признаков в Общую часть УК РФ

Дифференцирующие ответственность обстоятельства, чтобы претендовать на роль квалифицирующих признаков, должны быть свойственны лишь определённой группе преступлений и соотносимы с тем или иным признаком состава преступления. В случае, когда эти условия не выполняются, но потребность в дифференциации ответственности сохраняется, законодатель может воспользоваться иными средствами, в частности, предусмотреть соответствующие правила в ряду предписаний Общей части уголовного закона. В ряду признаков, регламентация которых в этой части нуждается в оптимизации, следует назвать групповой характер преступления и наличие судимости у субъекта преступления.

Дифференциация ответственности за преступление, совершённое в составе различных групповых образований, является одним из наиболее распространённых оснований для конструирования квалифицирующих признаков. В том или ином сочетании и виде признаков «группа лиц» отражён в ст.ст. 105, 110, 110.1, 111, 112, 117, 126, 127, 127.1, 127.2, 131, 132, 134, 135, 141, 142.2, 146, 147, 151.2 УК РФ. При этом, как показывает

281 Волженкин Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. — 1998. — № 12. — С. 2 — 7; Стетюха М.П. Убийства, сопряжённые с изнасилованием и (или) насильственными действиями сексуального характера: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2008. — С. 10; Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Сопряжённость как уголовно-правовая категория // Общество и право. — 2014. — № 4. — С. 64 — 70; Рожнов А.П. Проблемы квалификации убийств, сопряжённых с иными преступлениями // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. — 2011. — № 1. — С. 152 — 158.

анализ, сочетания различных групп и оценка деяний, ими совершённых, в законодательстве существенно различается применительно к различным преступлениям (см. табл. 4)

Таблица 4. Использование признака «группа» в качестве квалифицирующего

	в части статьи УК РФ как квалифицирующий признак	в части статьи УК РФ как особо квалифицирующий признак
группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа	105, 131, 132, 142.2	134
группа лиц, группа лиц по предварительному сговору		
группа лиц по предварительному сговору, организованная группа	110, 110.1, 117, 141, 146, 147, 151.2	111, 135
группа лиц по предварительному сговору	126, 127	
организованная группа		126, 127, 127.1, 127.2

Таблица наглядно демонстрирует, что использование рассматриваемого признака не подчиняется законам формальной логики и является достаточно произвольным²⁸². Так, например, один и тот же набор признаков может выступать как квалифицирующим, так и особо квалифицирующим обстоятельством (например, в ст.110 УК РФ и ст.111 УК РФ); применительно к сходным по своим параметрам преступлениям могут использоваться различные сочетания признаков для дифференциации ответственности в качестве особо квалифицирующего обстоятельства (например, в ст.134 УК РФ и ст.135 УК РФ); различные группы могут выступать и в качестве квалифицирующего, и в качестве особо квалифицирующего обстоятельства (например, в ст.105 УК РФ и ст.126 УК РФ); допускается как недифференцированная оценка групповых преступлений,

282 См. об этом также: Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2000. — С. 22.

совершённых в различных группах²⁸³ (ст.105 УК РФ), так и дифференциация ответственности в зависимости от вида группы (ст.126 УК РФ); возможно использование как всего набора групп, так и лишь одной группы (например, ст.131 УК РФ и ст.127.1 УК РФ).

Вряд ли можно объяснить такую ситуацию криминологическими и социально-правовыми особенностями преступлений. При всём желании сложно обосновать отсутствие признака «совершение преступления в группе лиц без предварительного сговора» в ст.ст. 111, 135, 141 УК РФ; нет разумных объяснений для существующих различий в оценках групповых случаев вовлечения несовершеннолетних в различные действия, причиняющие вред их нравственному и физическому развитию; нет оснований для унификации ответственности за убийство, совершённое в различных формах соучастия и т.д.

Представляется, что поиск оправдывающих законодателя оснований в данном случае бесперспективен. А потому требуется некоторое общее решение проблемы, формулировка неких общих принципов и начал дифференциации уголовной ответственности за преступление, совершённое в соучастии. Исходной посылкой к разработке таких правил должно стать признание очевидного факта: преступление, совершённое в группе, обладает сравнительно большей общественной опасностью, нежели преступление, совершённое лицом единолично. Опасность умножается за счёт увеличения числа участвующих в преступлении лиц, углублении содержания их вины, большей вероятности причинения вреда, оптимизации механизма совершения преступления, ограничения возможности потерпевшего избежать преступления. Очевидно, что в силу этого едва ли возможно признавать рассматриваемый квалифицирующий признак в качестве характеризующего исключительно субъекта преступления²⁸⁴ или объективную сторону деяния²⁸⁵,

283 На этот счёт в науке уже отмечалось, что «нивелирование законодателем пределов ответственности участников различных по уровню общественной опасности групповых преступных образований, когда в ряде статей Особенной части УК РФ виды преступной группы изложены в одной части (пункте) и равным образом влияют на наказание, представляется неудачным». См.: Балеев С.А. Дифференциация ответственности соучастников преступления // Ученые записки Казанского гос. ун-та. — 2007. — Т. 149. Кн. 6. Гуманитарные науки. — С. 204.

284 Лопашенко Н.А. Убийства. — М.: Юрлитинформ, 2013.

285 Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2008.

как это предлагается в литературе. Он демонстрирует качественно-количественное изменение всех параметров и показателей общественной опасности, а потому носит универсальный характер.

Это даёт основание к разработке общих правил дифференциации ответственности за совершение в составе группы лиц (любых форм) всех преступлений. Попытки их создания предприняты в науке. Так, В.В. Соболев предлагает дополнить ст.67 УК РФ дифференцированными правилами определения минимального срока наказания за преступления, совершённые, с одной стороны, в группе лиц и группе лиц по предварительному сговору, а с другой стороны — организованной группой²⁸⁶. Ещё более дробит такие правила Н.В. Димченко, определяя минимум наказания в определённом процентном отношении от максимума санкции²⁸⁷. О разработке соответствующих правил пишут и иные авторы²⁸⁸.

Однако важно подчеркнуть, что все эти предложения разрабатываются, по большому счёту, вне анализа проблемы дифференциации уголовной ответственности посредством квалифицирующих признаков. Специалисты, в частности, не оспаривают сам факт наличия квалифицирующего признака «группа» и более того, предлагают указать этот признак в целом ряде статей уголовного закона. Такие разработки не отвечают, как представляется, началам системности. Более того, разработка и применение дифференцированных правил назначения наказания при сохранении квалифицированных составов с повышенной санкцией с неизбежностью повлечёт за собой нарушение принципа справедливости и двойной учёт одного и того же обстоятельства.

В связи с этим более разумным и обоснованным видится следующее комплексное решение проблемы: а) исключение квалифицирующего признака «совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой» (во всех комбинациях) из всех статей Особенной части УК РФ; б) разработка и закрепление в ст.67 УК РФ правила об обязательном усилении наказания в случае

286 Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2000. — С. 23.

287 Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершённые в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — С. 12.

288 Сидрякова М.В. Назначение наказания участникам групповых преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2003. — С. 10; Кубов Р.Х. Особенности квалификации сложных форм соучастия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — С. 19 — 20.

совершения группового преступления (по аналогии с положениями ст.68 УК РФ, с дифференциацией минимального предела наказания в зависимости от формы соучастия). Это повлечёт за собой: а) обязательную ссылку при квалификации содеянного на соответствующую часть ст.33 УК РФ во всех случаях, когда лицо, не является исполнителем преступления (в том числе и для преступлений, совершённых организованной группой²⁸⁹); б) обязательное доказывание в судебной процедуре формы соучастия и ссылку на ст.67 УК РФ при назначении наказания²⁹⁰; в) усиление ответственности за все без исключения преступления, в случае совершения их в группе лиц; г) последовательную дифференциацию ответственности в зависимости от общественной опасности той или иной формы соучастия.

Ещё один квалифицирующий признак преступлений против личности, который может быть в перспективе более детально регламентирован на уровне предписаний Общей части УК РФ — предшествующая судимость субъекта преступления. Сегодня в разделе VII УК РФ этот признак встречается только в составах половых преступлений против несовершеннолетних (ч.5 ст.131, ч.5 ст.132, ч.6 ст.134, ч.5 ст.135 УК РФ)²⁹¹.

В отечественной литературе (особенно советского периода истории и на рубеже XXI века) была представлена широкая дискуссия о содержании данного признака и возможности его использования в уголовном законе в качестве квалифицирующего обстоятельства. Первоначальная редакция УК РФ, как известно, отказалась от его использования, однако спустя двадцать лет законодатель вновь вернулся к его использованию. Сегодня толкование этого признака дано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвящённого квалификации половых преступлений. Согласно п.14

289 Такие предложения уже обоснованно выдвигались в науке ранее, см., например: Кисин А.В. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в составе организованной преступной группы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 9.

290 Современная редакция ст.67 УК РФ справедливо воспринимается в науке как неинформативная и не требующая применения при назначении наказания соучастникам, см. об этом: Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. — М.: РГУП, 2019. — С. 483 (автор соответствующего раздела — А.А. Толкаченко).

291 Наряду с этим, он использован ещё в трёх статьях закона, регламентирующих ответственность за мелкое взяточничество, мелкий коммерческий подкуп и нарушение правил дорожного движения.

соответствующего постановления к имеющим судимость за ранее совершённое преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего относятся лица, имеющие непогашенную или не снятую в установленном порядке судимость за любое из совершённых в отношении несовершеннолетних преступлений, предусмотренных частями 3-5 статьи 131, частями 3-5 статьи 132, частью 2 статьи 133, статьями 134, 135 УК РФ. При этом также учитываются судимости за указанные преступления, совершённые лицом в возрасте до восемнадцати лет²⁹². В постановлении Пленума ВС РФ, посвящённом вопросам назначения наказания, специально подчёркивается, что «в случае совершения преступления против половой неприкосновенности потерпевших, не достигших четырнадцатилетнего возраста, квалифицированного по части 5 статьи 131 УК РФ или по части 5 статьи 132 УК РФ, лицом, имеющим судимость за ранее совершённое преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, суд не вправе учитывать такую судимость в качестве отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного пунктом «а» части 1 статьи 63 УК РФ» (п. 32)²⁹³.

Исходя из текста закона и разъяснений высшей судебной инстанции страны, квалифицирующий признак наличия предшествующей судимости не всегда образует рецидив преступлений. В связи с чем вновь актуализируется вопрос о возможности применения положений ст.68 УК РФ к лицам, чьи действия квалифицированы с учётом рассматриваемого квалифицирующего признака, и в чьём поведении наличествуют признаки рецидива (ст.18 УК РФ). Это одна из «старых проблем» отечественного уголовного права, восходящая к соотношению «неоднократности» и «рецидива»²⁹⁴. Действовавшее в условиях прежнего (до

292 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 2.

293 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 2.

294 См., например, об этом: Становский М.Н. Назначение наказания. — СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. — С. 241 — 247; Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. — М.: Норма, 2002. — С. 251 — 252; Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве. — Саратов: Саратовск. гос. акад. права, 1998. — С. 179.

реформы 2003 года) законодательство и практика его применения допускали возможность «двойного» учёта этих обстоятельств²⁹⁵. Сегодня к этому также есть предпосылки. Если наличие судимости как признак, позволяющий вменить исследуемое квалифицирующее обстоятельство, не образует для лица рецидива, применяется только соответствующая статья Особенной части УК РФ с назначением наказания в пределах санкции; если же эта судимость одновременно образует рецидив, то помимо квалификации содеянного с учётом квалифицирующего признака, суд должен констатировать рецидив (ст.18 УК РФ), признать его отягчающим обстоятельством (ст.63 УК РФ) и назначить наказание с учётом правил определения наказания при рецидиве (ст.68 УК РФ). Такое положение вещей, как представляется, нарушает и принцип равенства граждан перед законом, и принцип справедливости. Оно не может быть оправдано социально-психологическими переживаниями и эмоциями в связи с защитой несовершеннолетних от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации.

К тому же признак «специального рецидива» (в криминологическом смысле он охватывает содержание исследуемого квалифицирующего обстоятельства) в большей степени характеризует опасность личности виновного, нежели свидетельствует о возрастании опасности самого преступления. Как мы уже отмечали, дифференциация уголовной ответственности в зависимости от свойств личности виновного вполне оправданна, но она не должна предполагать использования квалифицирующих признаков в качестве своего инструмента.

295 Так, согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.1999 № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» (Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1999. — № 9), правила, изложенные в ч.3 ст.68 УК РФ, применялись лишь в случаях, когда статья (или часть статьи) Особенной части УК РФ содержала указание на судимость лица как на квалифицирующий признак при совершении нового преступления (например, пункт «в» части третьей статьи 158 УК РФ, пункт «в» части третьей статьи 159 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 213 УК РФ). А в соответствии с п. 13 постановления, в случаях, когда основанием для квалификации действий лица по признаку совершения преступления неоднократно явилась предшествующая судимость, которая не была погашена или снята, судам надлежало в соответствии со ст.18 УК РФ решить вопрос о наличии рецидива преступлений и его вида. При наличии рецидива преступлений, назначая наказание, следовало руководствоваться ч.2 ст.68 УК РФ, если статья (часть статьи) Особенной части РФ не содержит указания на судимость лица, совершившего преступление, как квалифицирующий признак.

Не оспаривая представлений о повышенной опасности лиц, которые неоднократно, при наличии судимости, совершают тождественные преступления, полагаем, что качественная оценка такой опасности должна быть учтена в нормах Общей части УК РФ, прежде всего, за счёт существенной модернизации института рецидива преступлений²⁹⁶. В науке имеются, на наш взгляд, вполне убедительные свидетельства того, что оптимальным ответом на опасность таких лиц может стать концепция рецидивиста²⁹⁷. В рамках её построения *есть все основания к тому, чтобы формировать специальные правила дифференциации уголовной ответственности для лиц, которые имеют судимость и неоднократно совершают преступные деяния, не прибегая при этом к конструированию квалифицирующих признаков*. Это позволит: а) учесть криминальную специализацию и признавать рецидивистами лишь тех, кто, имея судимость, совершает тождественные или однородные преступления; б) обеспечить дифференциацию ответственности рецидивистов в случае совершения ими любых преступлений (не только против личности, но и против иных объектов); в) рассмотреть и решить вопрос относительно учёта для признания лица рецидивистом судимостей за преступления, совершённые лицом в возрасте до 18 лет²⁹⁸.

296 В науке представлена и принципиально иная позиция — «включить в описание составов преступлений против жизни, против собственности и других преступлений, часто совершаемых лицами, ранее судимыми за аналогичные деяния, такой признак, как рецидив». См.: Татарников В.Г. Рецидив и его влияние на характер и степень общественной опасности преступлений против личности // Вестник ИрГТУ. — 2015. — № 6. — С. 284 — 288.

297 См. об этом: Щербаков С.В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009; Меликов Э.М. Рецидив краж: уголовная ответственность и предупреждение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2017; Досаева Г.С. Уголовно-правовой институт множественности преступлений: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2017; Понятовская Т.Г. Проблема рецидива в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 3 — С. 96 — 102.

298 Такие предложения разработаны в науке, см.: Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2006; Андриухин Н.Г. Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: состояние и перспективы развития. — М.: ВНИИ МВД РФ, 2004. — С. 134.

О дополнении предписаний раздела VII УК РФ новыми квалифицирующими признаками

Оптимизация процессов дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков предполагает не только исключение или коррекцию некоторых обстоятельств, не отвечающих требованиям теории, но и напротив, включение в закон новых и расширение практики использования имеющихся квалифицирующих признаков.

В качестве перспективного направления дифференциации уголовной ответственности следует назвать вытекающий из конституционных обязательств государства курс на усиленную защиту интересов семьи, детей, семейных и детско-родительских отношений²⁹⁹. Применительно к проблематике дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности он непосредственно связан с обсуждением одного из острых вопросов уголовной политики — о возможности и целесообразности усиления уголовной ответственности в случае совершения преступлений против членов семьи.

В науке на этот счёт высказаны различные суждения. Некоторые авторы, сознавая повышенную опасность внутрисемейных преступлений, полагают достаточным для реагирования на них дополнить список обстоятельств, отягчающих наказание, в ст.63 УК РФ самостоятельным пунктом: «совершение насильственного преступления в отношении члена семьи»³⁰⁰. Другие идут дальше, обосновывая, наряду с этим, необходимость включения соответствующего обстоятельства в качестве квалифицирующего признака в некоторые составы преступлений против личности (ч.2 ст.105, ч.2 ст.111, ч.2 ст.112, ч.2 ст.117, ч.2 ст.119 УК РФ)³⁰¹.

299 См. об этом, например: Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): автореф. дисс. ...д-ра юрид. наук. — СПб., 2019.

300 Фатеев А.Н. Домашнее насилие: опыт криминологического исследования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — С. 10.

301 Пономарев П.Г., Борбат А.В., Ильяшенко А.Н. Насильственная преступность в семье: меры предупреждения // Российский следователь. — 2002. — № 2. — С. 25; Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые

Однако эти предложения встречают критику, в том числе со стороны специалистов в области семейной криминологии. Так, например, Д.А. Шестаков пишет: «Создание преимуществ или ограничений в уголовно-правовой защите интересов представителей того или другого пола нарушило бы закреплённое в Конституции РФ (ст.19) равенство прав человека и потому в принципе не должно иметь места. ... Мы отрицательно оцениваем как само намерение усилить ответственность, так и введение названныхотягчающих — общих и квалифицирующих — обстоятельств. Вообще усиливать и без того жесткое современное законодательство дальше некуда, да это противоречило бы общей тенденции его развития, было бы регрессом уголовного права, тянуло бы его назад»³⁰². Ему вторит В.И. Шахов: «сам факт совершения насильственного преступления в отношении члена своей семьи бесосновательно расценивать как обстоятельство, отягчающее (равно как и смягчающее) наказание. Предложения об усилении уголовного наказания за насилие в семье не может основываться только лишь на нравственно-этических позициях, либо оправдываться ссылкой на распространённость указанного явления»³⁰³.

Каждая из этих позиций имеет свою систему аргументации и свои «слабые позиции». Представляется, что истина, как всегда, расположена между этими крайними позициями. С одной стороны, законодатель не может игнорировать опасность внутрисемейного насилия, а с другой стороны, не должен формулировать квалифицирующий признак, исходя из формального наличия семейных отношений между преступником и жертвой. Специфика квалифицирующих признаков, отражающих опасность внутрисемейного насилия, должна предполагать учёт: факта наличия семейных отношений, зависимого и беспомощного состояния жертвы, причинения вреда дополнительным общественным

и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2003. — С. 16. См. также сведения, представленные в приложении № 2.

302 Шестаков Д.А. Внутрисемейные насильственные преступления: уголовно-правовой аспект // Правоведение. — 2001. — № 2. — С. 168.

303 Шахов В.И. К вопросу об ответственности за внутрисемейные насильственные преступления // Право: Теория и Практика. — 2003. — № 4. — С. 59 — 62. Этой позиции придерживаются и иные специалисты, см., например: Мамбетов Р.Я. Криминологические и уголовно-правовые проблемы защиты прав и интересов женщин в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.

отношениям, поставленным под охрану уголовного закона, особую безнравственность и аморальность деяния. Исходя из этого, полагаем, что на роль обстоятельства, дифференцирующего ответственность, может претендовать лишь определённая разновидность семейных отношений, а именно — отношения детско-родительские. Совершение преступления родителями или заменяющими их лицами против детей, равно как и совершение преступления детьми против собственных родителей или лиц, выполняющих внутри семьи воспитательные функции, в полной мере отвечает основным параметрам квалифицирующего признака в преступлениях против личности.

Как показывает исследование (см. Приложение 2), наука давно и настойчиво предлагает законодателю реализовать идею усиления ответственности за преступления, совершаемые при таких обстоятельствах. Определённым откликом на этот призыв может служить ряд рассматриваемых в российском парламенте законопроектов, которыми, в частности, предлагалось:

— дополнить ч.4 ст.133, ч.3 ст.134 УК РФ и ч.3 ст.135 УК РФ квалифицирующим признаком: «то же деяние, совершённое родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней)»³⁰⁴;

304 Законопроект № 108017-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации (об усилении уголовной ответственности за нравственное растление, сексуальное совращение и эксплуатацию несовершеннолетних). Зарегистрирован 28.06.2001. Электронный ресурс: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/108017-3> (дата обращения: 12.04.2020); Законопроект № 136215-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и противодействия изготовлению и обороту порнографической продукции». Зарегистрирован 05.12.2008. Электронный ресурс: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/136215-5> (дата обращения: 12.04.2020); Законопроект № 349188-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Зарегистрирован 26.03.2010. Электронный ресурс: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/349188-5> (дата обращения: 12.04.2020).

— дополнить ч.2 ст.115, ч.2 ст.116, ч.2 ст.117 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение деяния в отношении родственников или лиц, ранее состоявших с виновным в родственных отношениях»³⁰⁵.

Однако эти законопроекты либо были сняты с рассмотрения, либо приняты в редакции, исключающей усиление ответственности родителей за преступления против детей. Объяснить такую позицию исключительно редакционными неточностями законопроектов, а также ссылками на наличие в УК РФ признаков, позволяющих в полной мере оценить особенности совершения преступления родителем против ребёнка (в частности, малолетние, беспомощность и зависимость жертвы) в полной мере нельзя³⁰⁶.

305 Законопроект № 665512-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления повышенной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 115-117 УК РФ, совершённые в отношении родственников или лиц, ранее состоявших с виновным в родственных отношениях)». Зарегистрирован 01.12.2014. Электронный ресурс: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/665512-6> (дата обращения: 12.04.2020).

306 Надо отметить, некоторые специалисты предлагают вменять ст.156 УК РФ в тех случаях, когда жестокое обращение с детьми было связано с сексуальным насилием над несовершеннолетним (см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII — VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2017. — С. 164, автор комментария — Е.В. Пейсикова). К такому решению в известной мере располагает конструкция ст.156 УК РФ, содержащая сложный для комментирования оборот «если это деяние соединено» с жестоким обращением. Это позволяет в известной степени вынести за рамки состава само жестокое обращение и квалифицировать любое преступление, свидетельствующее о жестокости по отношению к ребёнку, по совокупности со ст.156 УК РФ. К этому призывает и Е.В. Пейсикова, требуя квалификации по совокупности по ст.156 УК РФ даже случаев причинения несовершеннолетнему лёгкого вреда здоровью, которые, исходя из санкций, заведомо менее опасны, чем неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Однако такое решение, во-первых, не является универсальным, хотя бы потому, что побои в условиях нынешнего законодательства по-прежнему остаются частью состава преступления, предусмотренного ст.156 УК РФ, а следовательно, «жестокое обращение», по закону хотя и «соединённое» с неисполнением обязанностей, остаётся всё же частью этого неисполнения; а во-вторых, не подтверждается практикой применения уголовного закона, которая не склонна применять ст.156 УК РФ ко всем случаям совершения сексуальных или насильственных преступлений родителями против детей. Отталкиваясь от идеи, что соединённое с неисполнением обязанностей по воспитанию жестокое обращение находится за рамками состава преступления, предусмотренного ст.156 УК РФ, можно, конечно, утверждать, что квалифицирующий признак, о котором мы рассуждаем, получил «прописку» в законе в качестве самостоятельного состава преступления. И потому любое насилие в отношении ребёнка,

Имеющиеся квалифицирующие признаки, прежде всего, в составах половых преступлений против детей не позволяют в должной мере отреагировать именно на факт семейной связи виновного и жертвы. Между тем должно быть очевидно, что в тех случаях, когда семья (место, где ребенок должен чувствовать себя в защищенности) превращается в источник сексуальных злоупотреблений, происходит не просто нарушение половой неприкосновенности несовершеннолетних, но и глубокая деформация охраняемых законом семейных отношений, грубое поспание конституционной обязанности родителей заботиться о безопасности и здоровье детей. В связи с этим полагаем, что *совершение преступления родителями либо лицами, их заменяющими, увеличивая объём и вероятность причиняемого вреда и свидетельствуя об особой аморальности содеянного, должно быть предусмотрено в качестве квалифицирующих признаков преступлений, описанных в статьях 133, 134, 135 УК РФ.*

Что касается включения рассматриваемого признака в разряд обстоятельств, квалифицирующих преступления против жизни и здоровья, то здесь вопрос должен решаться с учётом наличия в законе ст.156 УК РФ, которая призвана охватить собой насилие в отношении детей со стороны родителей. При этом наиболее сложные проблемы в применении данного состава преступления состоят в том, чтобы решить, охватываются ли его рамками случаи разового применения насилия в отношении детей или же «неисполнение обязанностей» и «жестокое обращение» предполагают определённую продолжительность, систематичность в поведении виновного лица, а также в определении объёма насилия, которое охватывается нормой и не требует квалификации по правилам совокупности. Как известно, по этому поводу существует широкая дискуссия в науке³⁰⁷. Нам в данном случае в большей степени импонирует взгляд на данное преступление как на деяние «растянутое во времени», требующее определённой системы поступков, некоторой

которое совершается родителями или лицами, их заменяющими, всегда должно квалифицироваться по совокупности с преступлением, предусмотренным ст.156 УК РФ. Но такое решение и не является оправданным с точки зрения теории, и не находит реального подтверждения в правоприменительной практике.

307 См., например: Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. — СПб: Юридический центр Пресс, 2002 — С. 186 — 187; Западнова Ю.А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2018. — С. 74.

общей линии поведения виновного, свидетельствующей о том, что субъект не исполняет или ненадлежащим образом исполняет обязанности по воспитанию. Единичные случаи применения насилия не укладываются в границы объективной стороны ст.156 УК РФ, при условии, если они не сопровождаются иными обстоятельствами, свидетельствующими о ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Равно как не укладываются в границы в ст.156 УК РФ и такие систематические действия, которые свидетельствуют о большей общественной опасности содеянного (в частности, доведение до самоубийства, истязание). И тут возникает проблема учёта детско-родительских отношений в качестве обстоятельства, отражающего повышенную общественную опасность содеянного. Если в ст.ст. 111, 112 УК РФ она отчасти может быть решена за счет применения такого квалифицирующего признака, как «малолетние» и «беспомощность» жертвы, в ст.ст. 110, 117 УК РФ — за счёт признаков «несовершеннолетие», «беспомощность» и «зависимость», то ст.ст. 115, 116 УК РФ не располагают инструментами для усиления ответственности. Применение во всех случаях для оценки особенностей детско-родительских отношений по правилам совокупности ст.156 УК РФ также невозможно. Во-первых, насилие, описанное в ст.115 УК РФ и ст.116 УК РФ, полностью охватывается ст.156 УК РФ (исходя из применения так называемого «санкционного подхода»); во-вторых, применение ст.156 УК РФ по совокупности со ст.ст. 110, 111, 112, 117 УК РФ вызывает серьёзные вопросы с точки зрения соблюдения принципа «не дважды за одно»³⁰⁸.

Не обсуждая в данный момент качество предписания, содержащегося в ст.156 УК РФ, его социальную направленность и границы применения, в качестве «первой линии» в решении проблемы представляется необходимым в п. «б» ч.2 ст.111 УК РФ и в п. «б» ч.2 ст.112 УК РФ слово «малолетнего» заменить на «несовершеннолетнего» и дополнительно отразить возможность зависимых отношений виновного и жертвы, то есть *необходимо унифицировать квалифицирующие признаки, отражающие беспомощное состояние жертвы в ст.ст. 110, 111, 112, 117 УК РФ по типу*

308 Интересное решение этой проблемы содержится в ст. 260-1 УК Китая, где в части первой установлена ответственность за жестокое обращение с опекаемыми лицами безотностительно причинения вреда их здоровью, а в части третьей сделана специальная оговорка о том, что жестокое обращение, содержащее состав другого преступления, наказывается по санкции за более тяжкое из преступлений. См.: Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И. Коробеева, А.И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. — М.: Контракт, 2017. — С. 123.

«совершение деяния в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного». В качестве «второй линии» требуется решить вопрос о том, повышается ли принципиально степень общественной опасности данных преступлений в случае совершения их родителями против детей в условиях, когда отсутствуют признаки систематического неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию (поскольку при наличии такой систематичности содеянное всегда будет требовать оценки по правилам совокупности со ст.156 УК РФ). На наш взгляд, *ценность здоровья в данном случае намного «перевешивает» ценность детско-родительских отношений и потому между фактами единичных случаев причинения вреда здоровью несовершеннолетнему родителями либо иными лицами нет принципиальной уголовно-правовой разницы.* Увеличение объёма применяемых к родителям мер в данном случае способно обеспечить применение положений Семейного кодекса РФ о возможности лишения таких родителей родительских прав (а равно, если речь идёт о профессиональных воспитателях — положений Трудового кодекса РФ, позволяющих расторгнуть трудовой договор). В силу этого, отражение факта именно детско-родительских отношений в ст.ст. 110, 111, 112, 117 УК РФ нецелесообразно.

Развивая и поддерживая законодательную линию дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности, совершённые в отношении наиболее уязвимых и потому подлежащих особой охране лиц, стоит обратить внимание на имеющиеся в законе *резервы в части усиления ответственности за насильственные преступления, совершаемые в отношении женщины, находящейся в состоянии беременности.* Законодатель использует соответствующий квалифицирующий признак в ст.ст. 105, 110, 110.1, 117, 126, 127, 127.1 УК РФ. Однако в отсутствие логического и социально-криминологического основания не использует его для усиления ответственности лиц, причиняющих побои, лёгкий, средней тяжести и тяжкий вред здоровью, осуществляющих эксплуатацию рабского труда. Такое положение вещей, как представляется, нуждается в корректировке за счёт расширения спектра квалифицирующих признаков в соответствующих статьях УК РФ.

Следующим актуальным направлением активизации защиты интересов личности от преступных посягательств является надлежащая реакция законодателя на негативные последствия процессов информатизации

и компьютеризации, которые сопровождаются переходом части преступлений в виртуальное пространство и использованием средств компьютерной коммуникации для причинения вреда.

Законодатель, надо признать, включил соответствующий квалифицирующий признак в ряд составов преступлений против личности. Хотя при этом и нарушил принцип единообразия в формулировке данного признака. Если в ст.ст. 110, 110.1, 110.2, 151.2 УК РФ ответственность усиливается в случае совершения преступления «в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)), то в ст.128.1 УК РФ усилена ответственность за клевету, содержащуюся лишь в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Оснований для отказа в дифференциации ответственности за клевету в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), как представляется, нет. Потому, если законодатель посчитал необходимым специально оговорить информационные сети при описании рассматриваемого признака в одних статьях (хотя при надлежащем толковании понятия «публичность» этого можно было и не делать), то он обязан был сделать это и во всех остальных ситуациях использования данного признака.

Однако анализ показывает, что возможности для дифференциации уголовной ответственности посредством исследуемого признака не исчерпаны в полной мере. Способ совершения преступления, отражённый в признаке «публичность» (в предлагаемой ст.110 УК РФ трактовке), свидетельствует о большей вероятности причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны за счёт широкого и неконтролируемого оборота информации. Соответственно, он должен найти отражение, в первую очередь, в ряду квалифицирующих признаков тех преступлений, которые предполагают информационное воздействие на личность.

Законодателем была предпринята попытка установить данный признак в ч.3 ст.133 УК РФ³⁰⁹. Однако она не увенчалась успехом,

309 Законопроект № 388776-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних». Зарегистрирован 14.02.2018. Электронный ресурс: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7> (дата обращения: 12.04.2020).

как представляется, по той очевидной причине, что публичность в случае принуждения к действиям сексуального характера не является типичным признаком преступления, которое совершается, во-первых, без широкой огласки, а во-вторых, не способно причинить вред объекту охраны за счёт нецеленаправленного широкого информационного воздействия. Гораздо больше оснований для внедрения рассматриваемого признака в закон предоставляет преступление, предусмотренное ст.135 УК РФ — развратные действия. В своём постановлении от 04.12.2014 № 16, посвященном вопросам квалификации половых преступлений, Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание, что развратные действия могут быть совершены с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. В настоящее время в условиях тотальной компьютеризации общества, практически повсеместностью сети Интернет и общедоступностью Интернет-ресурсов (чат, электронная почта, Skype, социальные сети, сайты знакомств, форумы, программы, обеспечивающие текстовую, голосовую и видеосвязь через Интернет между компьютерами, смартфонами и планшетами), сложной контролируемостью телекоммуникационных сетей, удалённое совершение развратных действий стало весьма распространённым явлением, способным беспрепятственно «войти» в любой дом. Всё это позволяет преступнику свободно выбрать жертву, поддерживать длительный и интенсивный обмен информацией сексуального содержания, охватить большое количество несовершеннолетних, пользоваться практически неограниченным доступом подростков к Интернет-ресурсам, их любопытством и беззащитностью в интернет-пространстве, оставаться анонимным и безнаказанным. *Данные факты со всей очевидностью свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности совершения бестелесных развратных действий с использованием сети Интернет и иных информационно-телекоммуникационных сетей и, следовательно, необходимости предусмотреть указанный способ как квалифицирующий признак состава.*

Ещё один состав преступления, при выполнении которого объём причиняемого вреда объекту охраны увеличивается в случае совершения деяния публично, с использованием средства массовой информации или коммуникации, — это угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Такие деяния оказывают не только особое психотравмирующее воздействие на личность потерпевшего, маскируя в ряде случаев источник

угрозы и обеспечивая его анонимность, но вызывают специфическое дестабилизирующее воздействие на общественный порядок и безопасность, способствуя созданию атмосферы всеобщего страха. К тому же они нарушают установленный порядок оборота и предоставления информации, работы средств массовой информации, свидетельствуют о злоупотреблении в использовании интернет-технологий. В связи с этим *совершение преступления публично, с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей должно стать обстоятельством, дифференцирующим ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.*

Содержит резервы для совершенствования и система квалифицирующих признаков похищения человека (ст.126 УК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в официальном толковании данной нормы указал, что «по смыслу уголовного закона под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют»³¹⁰. Такая трактовка очевидно расходится с буквальным текстом закона, который выделил корыстный мотив в разряд квалифицирующих признаков преступления (п. «з» ч.2 ст.126 УК РФ). Корыстные мотивы похищения, по мысли законодателя, повышают опасность преступления, а если эти мотивы реализуются дополнительно в требованиях передачи имущества как условия освобождения похищенного, то всё содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений (п. «з» ч.2 ст.126 УК РФ и соответствующая часть ст.163 УК РФ). В связи с этим возникает закономерный вопрос: обладают ли одинаковой опасностью случаи похищения человека, совершаемые в целях сокрытия или облегчения иного преступного деяния, не связанного с корыстью? Вопрос о том, как квалифицировать преступление против личности (например, убийство, изнасилование), если ему предшествовало похищение жертвы, является одним из дискуссионных. Высшая судебная инстанция России в упомянутом постановлении Пленума от 24.12.2019 № 58 указала (п.10): «В случаях, когда захват и перемещение человека были направлены не на удержание потерпевшего в другом месте, а на его

310 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 3.

убийство, содеянное квалифицируется по соответствующей части статьи 105 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 126 УК РФ не требуется». Это правило, по-видимому, применимо и к иным ситуациям совершения преступлений против похищенных лиц. Однако уже в п. 15 указанного Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2019 № 58 значится: « В случаях, когда купле-продаже человека либо совершению с ним иных действий, относящихся к торговле людьми, предшествовало похищение данного лица, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями статьи 126 и статьи 127.1 УК РФ». Объяснить противоречие можно, скорее всего тем, что при убийстве Пленум ВС РФ рассматривает похищение человека в качестве элемента применяемого в отношении жертвы насилия. Но такое понимание создаёт крайне сложные проблемы в квалификации деяний. Получается, к примеру, в случае совершения группового преступления, лицо, похитившее жертву и доставившее её к месту убийства или к месту изнасилования, должно рассматриваться в качестве соисполнителя убийства или изнасилования даже в случае, если оно не применяло насилия, непосредственно направленного на лишение жертвы жизни, или не участвовало в совершении полового сношения. Такая квалификация видится сомнительной. Похищение человека, которое согласно закону может быть ненасильственным, при совершении которого опасное для жизни или здоровья насилие увеличивает объём ответственности, не может по логике вещей расцениваться в качестве проявления насилия при совершении иных преступлений. Представляется, что более обоснованное и оптимальное решение проблемы содержалось в одном из проектов цитированного постановления, согласно которому «Если виновное лицо посредством похищения человека или незаконного лишения его свободы создало условия для совершения другого преступления (например, для убийства, изнасилования, вымогательства и др.), содеянное им образует совокупность преступлений, предусмотренных статьёй 126 УК РФ или статьёй 127 УК РФ и статьёй УК РФ о соответствующем преступлении».

Но здесь возникает другой вопрос: насколько обоснованно охватывать по общему правилу одной частью статьи 126 УК РФ (частью первой) случаи похищения человека, преследующие цель совершения иного преступления и не преследующие такой цели. Несправедливость ситуации видится нам воочию. Указанная цель отражает особую мотивацию

преступника, его ориентацию на выполнение сложносоставных, а потому заранее обдуманых, намеренных действий, она же свидетельствует о глубокой безнравственности виновного. К тому же похищение человека в целях совершения иного преступления значительно облегчает возможность совершения этого «иного» посягательства и увеличивает как вероятность, так и объём причиняемого интересам личности вреда. В этой связи представляется, что *в ст.126 УК РФ необходима дифференциация ответственности за похищение человека, совершённое с целью скрыть или облегчить совершение иного преступления.*

О юридико-техническом совершенствовании системы квалифицирующих признаков

Вопросы юридической техники представляются особенно важными, когда речь идёт об уголовном законе, основанном на требованиях законности, определённости, недопустимости двоякого толкования, равенства. Любая небрежность или двусмысленность законодателя здесь грозит существенными негативными социальными и правовыми последствиями. Наука разработала и предложила законодателю целый ряд правил, соблюдение которых должно обеспечить надлежащее соответствие «духа» закона его «букве». Однако в силу разных причин техника современного УК РФ далека от идеальных научных представлений. И в этом отношении система квалифицирующих признаков преступлений против личности демонстрирует определённые резервы для своего совершенствования.

Некоторые соображения по поводу оптимизации квалифицирующих признаков были высказаны ранее. В рамках данной части исследования обратимся к тем признакам, наличие и содержание которых, в принципе, не вызывает возражений, но порядок оформления в тексте закона может быть усовершенствован.

Прежде всего, обратим внимание на *случаи избыточной дифференциации уголовной ответственности*. Такая избыточность является следствием изменений закона, имевших место в последние годы и направленных на усиление защиты интересов несовершеннолетних. Так, в ст.110.1 УК РФ содержится шесть частей. При этом логика законодателя состоит в том, чтобы дифференцировать ответственность за склонение и содействие к самоубийству: (1) несовершеннолетних, беспомощных, беременных; (2)

в случае смерти несовершеннолетнего, беспомощного или беременной; (3) в случае смерти двух или более несовершеннолетних, беспомощных, беременных. Однако проведена эта дифференциация неразумно и непоследовательно. Согласно закону, деяния, повлекшие самоубийство двух или более несовершеннолетних, беспомощных и беременных, обладают той же опасностью, что и деяние, повлекшее самоубийство двух или более «обычных» потерпевших, так как все эти случаи охватываются ч.6 ст.110.1 УК РФ. Различия в оценках имеют место только при наличии одного потерпевшего (ч.4 и ч.5 ст.110.1 УК РФ). Однако это, на наш взгляд, «разрушает» изначальную логику законодателя. К тому же, наличие признака «совершение преступления в отношении двух или более лиц» существенно занижает представления об опасности содеянного, поскольку в современной ситуации исключает возможность квалификации содеянного по правилам совокупности. С учётом того, что разница в санкциях между преступлением, повлекшим смерть одного несовершеннолетнего и повлекшим смерть двух или более несовершеннолетних, составляет всего три года, а между деянием, повлекшим смерть взрослого и смерть несовершеннолетнего — два года, полагаем, что в специальной дифференциации ответственности за преступления в ч.4, ч.5 и ч.6 статьи 110.1 УК РФ не было особого смысла. Полагаем, что вполне достаточным, разумным и обоснованным с точки зрения теории дифференциации ответственности было бы на основании чч. 4, 5, 6 ст.110.1 УК РФ сконструировать единую часть статьи с квалифицирующим признаком — «повлекшее самоубийство или покушение на самоубийство» с единой санкцией — от пяти до пятнадцати лет лишения свободы. Такое решение обеспечит, помимо прочего, унификацию квалифицирующих признаков в сопоставимых составах преступлений, предусмотренных ст.110 УК РФ и ст.110.1 УК РФ.

Следующий аспект изложения квалифицирующих признаков, восходящий к требованиям юридической техники и социально-правовой обусловленности, состоит в обсуждении того, *насколько возможно и целесообразно закрепление в одном комплексе признаков, различающихся по степени опасности вариантов их проявления*. Так, например, в ч.2 ст.124 УК РФ альтернативными квалифицирующими последствиями преступления признаются смерть больного или причинение тяжкого вреда его здоровью; в ч.3 ст.127.1, ч.3 ст.127.2 УК РФ — то же плюс иные тяжкие последствия; в ч.2 ст.126 УК РФ — альтернативными способами совершения

деяния признаются применение насилия, опасного для жизни или здоровья, или угроза его применения (при том, что в ч.2 ст.127 УК РФ угроза не указана в ряду квалифицирующих признаков); в ч.2 ст.127.1 УК РФ — насилие либо угроза его применения; в ч.3 ст.150, ч.3 ст.151 УК РФ — насилие или угроза его применения (при том, что в ст.151.2 УК РФ такой признак вовсе не предусмотрен). В ситуациях составных насильственных преступлений дело осложняется ещё и тем, что объём насилия в каждом составе может существенно различаться, даже если наименование этого вида насилия совпадает. В реальности это приводит к тому, что существенно различающиеся по степени опасности деяния получают равную юридическую квалификацию. Так, по ч.2 ст.150 УК РФ квалифицируется вовлечение в преступление, совершённое как при угрозе побоями, так и с реальным причинением несовершеннолетнему средней тяжести вреда здоровью, а по п. «е» ч.2 ст.127.1 УК РФ — торговля людьми, совершённая как с угрозой побоями, так и с реальным причинением тяжкого вреда здоровью. Это порождает закономерный вопрос о надлежавшей дифференциации ответственности и соблюдении начал справедливости в уголовно-правовой оценке деяний. Представляется, что при существующем приёме изложения квалифицирующих признаков принцип справедливости не соблюдается в полной мере. Самый простой, на первый взгляд, способ разрешения проблемы — расчленить рассматриваемые признаки, исходя из опасности образующих их альтернативных вариантов, и предусмотреть в различных частях той или иной статьи. Однако он может «сработать» не всегда, поскольку техника конструирования квалифицированных составов в данном случае «накладывается» на технику и правила конструирования составных сложных преступлений. В силу чего работа по упорядочению ситуации здесь должна осуществляться комплексно. В качестве общих принципов можно выделить следующие: а) если можно не конструировать сложное составное преступление, не следует его создавать искусственно, поскольку для оценки рассматриваемых ситуаций всегда есть институт совокупности преступлений; б) если создание составного преступления оправданно, то различные по степени опасности последствия или различный по опасности способ не должны предусматриваться в рамках одного состава в качестве альтернативных признаков.

Далее остановимся на соблюдении законодателем *требования единообразия в изложении квалифицирующих признаков*. Вполне обоснованно

законодатель дифференцирует ответственность за преступления против личности, совершённые с особой жестокостью. Однако юридико-техническое оформление этого квалифицирующего признака различается: в ст.ст 105, 131, 132 УК РФ использован оборот «с особой жестокостью» (в случае половых преступлений — к потерпевшему или иным лицам), в ст.111 УК РФ — «с особой жестокостью, издевательствами или мучениями», в ст.117 УК РФ — «с применением пытки». Между тем, социально-криминологическая сущность всех этих признаков одинакова. В науке давно обращалось внимание на это обстоятельство³¹¹. Имеющаяся полисемия не способствует правильному пониманию уголовного закона, направляет усилия юристов в сторону тщетных попыток разграничить указанные признаки, что не оправдывается необходимостью. Полагаем, что *вполне достаточно в статьях уголовного закона использовать уже устоявшийся оборот «совершение преступления с особой жестокостью»*, толкование которого, при всей известной сложности, является уже относительно устоявшимся в науке. Единственная оговорка, которую необходимо в данном случае сделать, состоит в особенностях использования данного признака в ст.131 УК РФ и ст.132 УК РФ. В условиях прежнего толкования данных норм, при котором насилие в отношении «иных», помимо потерпевшего, лиц охватывалось составом полового преступления и не требовало квалификации содеянного по совокупности, связь особой жестокости с насилием в отношении этих лиц была вполне оправдана. Сегодня, когда правоприменитель изменил подход к уголовно-правовой оценке насильственных половых преступлений и требует квалификации насилия в отношении «иных» лиц всегда по совокупности со ст.131 УК РФ или ст.132 УК РФ, представляется, что особая жестокость в составе изнасилования и насильственных действий сексуального характера должна связываться исключительно с характеристикой поведения виновного в отношении жертвы полового преступления. Особая жестокость в отношении «иных» лиц должна получать оценку в рамках квалификации насильственных преступлений против их здоровья.

311 См., например: Чечель Г.И. Жестокый способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминологические исследования. — Ставрополь: Ставропольск. кн. изд-во, 1992. — С. 88; Тришина Ж.В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009. — С. 8.

Ещё один значимый юридико-технический аспект изложения квалифицирующих признаков в законе состоит в том, чтобы *каждый признак получил самостоятельный буквенный индекс в рамках соответствующей части статьи уголовного закона*³¹². В этом отношении необходимо пересмотреть технику изложения признаков, зафиксированных сегодня в п. «б» ч.2 ст.111, ч.2 ст.119, ч.2 ст.121, ч.4 ст.150 УК РФ, таким образом, чтобы каждый предусмотренный в соответствующих предписаниях квалифицирующий признак получил самостоятельное обозначение.

Изложенное в рамках настоящего параграфа, разумеется, не может претендовать на то, чтобы осветить все аспекты законодательной практики конструирования и судебного применения квалифицирующих признаков в преступлениях против личности. Но оно, на наш взгляд, убедительно доказывает, что современная система таких признаков в УК РФ далека от идеала и содержит существенные резервы для совершенствования. Основные направления для этого: упрощение, систематизация, унификация, обеспечение социально-криминологической адекватности. Однако работа по оптимизации использования квалифицирующих признаков для дифференциации ответственности не может и не должна рассматриваться в отрыве от решения предшествующей этому, а потому и более фундаментальной задачи, — определения основания ответственности и отбора признаков основного состава преступления, а также разграничения преступлений между собой.

312 Это требование звучит лейтмотивом едва ли не всех сочинений, посвящённых проблемам теории квалифицирующих признаков, см., например: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — С. 192 — 193.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование проблем дифференциации ответственности за общественно опасные посягательства, причиняющие вред интересам личности, представляет собой сложную познавательную задачу, к решению которой усилия отечественных специалистов должны быть обращены в приоритетном порядке. В этой области научного знания пересекается большой блок вопросов, связанных с межотраслевым разграничением оснований и видов ответственности, конструированием основных и квалифицированных составов преступлений, адекватным определением размера санкций, выбором оснований освобождения от уголовной ответственности и форм её реализации. В настоящей книге рассмотрена только некоторая часть из них, что создаёт предпосылки для продолжения работы над темой, для постановки и обсуждения ряда дополнительных проблем, разрешение которых будет способствовать оптимизации теории и практики уголовно-правовой защиты личности. К выполнению этой задачи автор планирует обратиться в последующих публикациях.

Завершая работу над этой книгой, автор выражает глубокую благодарность своему научному редактору профессору Пудовочкину Ю.Е и уважаемым рецензентам профессорам Букалеровой Л.А. и Дмитренко А.П. за помощь в работе над рукописью, ценные пожелания и критические замечания, учёт которых способствовал развитию и оптимальному выражению авторских идей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Квалифицирующие признаки в преступлениях против личности

Квалифицирующий признак (в ст. УК РФ)	Объект уголовно-правовой охраны						семья и несовершеннолетние
	жизнь	здоровье	свобода	честь и достоинство	половая неприкосновенность и половая свобода	конституционные права и свободы	
в отношении двух или более лиц	105, 107, 109, 110, 110.1	111, 112, 117, 121, 122	126, 127, 127.1, 127.2		134, 135		151.2
в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга	105	111, 112, 115, 117, 119					
в отношении малолетнего, несовершеннолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии	105, 110, 110.1	111, 112, 117, 121, 122	126, 127, 127.1, 127.2		131, 132, 133, 134, 135		
а равно сопряжённое с похищением человека, либо в отношении лица, похищенного либо захваченного в качестве заложника (в различном сочетании и описании)	105	117					

в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности	105, 110, 110.1	117	126, 127, 127.1				
совершённое с особой жестокостью	105			131, 132			
совершённое общеопасным способом, способом, опасным для жизни и здоровья многих людей (в различном описании)	105	111	127.1				
по мотиву кровной мести	105						
совершённое группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (при различном сочетании и описании)	105, 110, 110.1	111, 112, 117	126, 127, 127.1, 127.2	131, 132, 134, 135	141, 142.2, 146, 147		151.2
из корыстных побуждений или по найму,	105	117	126				
а равно сопряжённое с разбоем, вымогательством или бандитизмом (в различном сочетании и описании)							
из хулиганских побуждений	105	111, 112, 115					

с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение,	105								
а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера	105	111, 112, 115, 117, 119							
по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы	105	111, 127.1							
в целях использования или изъятия органов или тканей потерпевшего (в различном описании)	109	118, 121							
вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей	110, 110.1, 110.2			128.1					151.2
в публично выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (в различном описании)									

повлекшее тяжкие последствия, самоубийство, смерть, причинение тяжкого вреда здоровью, заражение болезнью (в различном описании)	110.1	111, 123, 124, 124.1	126, 127, 127.1, 127.2, 128		131, 132	143, 145.1	
с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия		111, 112 115	126, 127				
с применением попытки		117					
с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, с применением или угрозой насилем (в различном описании)			126, 127, 127.1, 127.2		131, 132	139, 141, 144, 148	150, 151
с применением шантажа			127.2				
совершённое лицом с использованием своего служебного положения			127.1, 127.2, 128	128.1		137, 138, 139, 141, 144, 146, 148	
с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей			127.1				

<p>с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность потерпевшего (в различном описании)</p>		<p>127.1, 127.2</p>				
<p>о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера, с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (в различном описании)</p>			<p>128.1</p>			
<p>лицом, имеющим судимость в особо крупном размере</p>				<p>131, 132, 134, 135</p>	<p>146</p>	
<p>совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний</p>					<p>148</p>	

совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего										150, 151
связанные с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы										150
Общее число использованных признаков — 32	19	15	12	3	7	6				6
Всего статей УК РФ — 65	8	17	5	1	5	20				9
Статьи УК РФ с квалифицирующими признаками — 42	6	11	5	1	5	11				3
Статьи УК РФ без квалифицирующих признаков — 23	2	6	0	0	0	9				6

Приложение 2. Обзор научных рекомендаций о расширении и дополнении перечня квалифицирующих признаков преступлений против личности (по итогам анализа свободной выборки 80 авторефератов диссертаций)

ст. 105 УК РФ					
ч. 2. несовершеннолетнего (Ю.В. Николаева, Н.А. Колчин, Т.А. Военная)	ч. 2. совершённое лицом, совершившим преступление, предусмотренное ст. 105, 277, 295, 317, 357 УК РФ (Т.А. Плаксина)	ч. 2. совершённое при купле-продаже или иных сделках с человеком (Е.Е. Шалимов)	ч. 2. в составе преступного сообщества (Р.Н. Астапов)	ч. 2. лишение жизни родителей при отсутствии со стороны их безнравственного поведения (С.В. Тосаков, О.Н. Ярошенко)	ч. 2. совершённое членом семьи (Ф.А. Меликов)
ч. 3. несовершеннолетней, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (Ю.В. Николаева)					

ст. 107 УК РФ	
ч. 2. совершённое членом семьи (Ф.А. Меликов)	

ст. 109 УК РФ	
ч. 2. совершённое членом семьи (Ф.А. Меликов)	
ч. 3. несовершеннолетнему вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (Ю.В. Николаева)	

ст. 110 УК РФ	
ч. 2. совершение преступления группой лиц; с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (Э.В. Рыжов)	

ст. 111 УК РФ				
ч. 2. из корыстных побуждений (С.А. Маркарян)	ч. 2. совершённое при купле-продаже или иных сделках с человеком (Е.Е. Шалимов)	ч. 2. с применением оружия (А.М. Мирзаметов)	ч. 2. сопряжённое с изнасилованием (А.Н. Каменева)	ч. 2. совершённое членом семьи (Ф.А. Меликов)
ст. 112 УК РФ				
ч. 2. из корыстных побуждений (С.А. Маркарян)	ч. 2. деяния в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (Е.В. Пахомова, А.М. Мирзаметов, Р.Ю. Смирнов)	ч. 2. с применением оружия (А.М. Мирзаметов)	ч. 2. в отношении двух или более лиц; с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, организованной группой, с особой жестокостью, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (А.С. Гулимов)	ч. 2. совершённое членом семьи (Ф.А. Меликов)
ст. 115 УК РФ				
ч. 2. из корыстных побуждений (С.А. Маркарян)	ч. 2. в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (С.А. Маркарян, Е.В. Пахомова)	ч. 2. в отношении беспомощных лиц, в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (Е.В. Пахомова, Р.Ю. Смирнов)	ч. 2. совершённое членом семьи (Ф.А. Меликов)	ч. 2. в отношении несовершеннолетнего (Н.В. Коваль)

ст. 116 УК РФ			
ч. 2. в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественной обязанности (С.А. Маркарян, Е.В. Пахомова)	ч. 2. в отношении беспомощных лиц, в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (Е.В. Пахомова)	ч. 2. а) из хулиганских побуждений; б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору; в) родителем, опекуном, попечителем в отношении малолетнего ребёнка, а равно в его присутствии; г) лицом, в отношении его родителей, опекунов, попечителей, которые занимались воспитанием виновного (П.Н. Кабанов)	ч. 2. в отношении несовершеннолетнего (Н.В. Коваль)
ч. 3. организованной группой, в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (Р.М. Шагвалиев)			

ст. 117 УК РФ	
ч. 2. из корыстных побуждений (С.А. Маркарян)	ч. 2. а) в отношении двух и более лиц; б) исключить; в) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; г) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, а равно лица, похищенного или захваченного в заложники; д) с применением птыки; е) группой лиц по предварительному сговору; ж) исключить; з) по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды; и) родителем, опекуном, попечителем в отношении малолетнего ребёнка, а равно в его присутствии; к) лицом в отношении его родителей, опекунов, попечителей, которые занимались воспитанием виновного (П.Н. Кабанов)
ч. 3. организованной группой, с причинением тяжкого вреда здоровью, по найму, по мотиву национальной, расовой, религиозной вражды или ненависти (В.Г. Вениаминов)	

ст. 118 УК РФ	
ч. 2. в отношении двух или более лиц (Р.Ю. Смирнов)	

ст. 119 УК РФ							
ч. 2. с использованием	ч. 2. с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (Х.Х. Абсагаров, О.И. Коростылев, М.А. Овчинников, М.В. Хабарова)	ч. 2. сопряженность с принуждением (И.В. Лукьянова, О.И. Коростылев)	ч. 2. повлекшая тяжкие последствия (И.В. Лукьянова)	ч. 2. с причинением побоев или легкой вреда здоровью в целях достижения реальности угрозы, совершённая группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (Х.Х. Абсагаров)	ч. 2. из хулиганских побуждений (О.И. Коростылев, М.В. Хабарова)	ч. 2. в отношении заведомо малолетнего лица, либо женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; с применением гипноза; в отношении двух или более лиц (М.В. Хабарова, Р.Ю. Смирнов)	ч. 2. совершённое членом семьи (Ф.А. Меликов)

ст. 120 УК РФ	
ч. 2. из корыстных побуждений (С.А. Маркарян)	ч. 2. в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (Н.И. Медведова)

ст. 121 УК РФ	
ч. 3. повлекшее причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью (Е.А. Иерусалимская)	ч. 3. в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (Р.Ю. Смирнов)

ст. 125 УК РФ					
ч. 2. в отношении несовершеннолетнего (Н.В. Коваль)					
чч. 3, 4. повлекшее наступление вреда здоровью или смерти одному или нескольким потерпевшим (Ю.А. Власов, М.А. Горбатова)					
ст. 126 УК РФ					
ч. 2. по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (Е.В. Ушакова)	ч. 2. в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей (Е.А. Кислова)	ч. 2. в виде промысла либо в качестве профессиональной деятельности;ности; совершенное неоднократно (И.П. Порфиренко)	ч. 2. похищение несовершеннолетнего родителем, опекунами, попечителями с целью последующего завладения его имуществом, в том числе недвижимостью, а также получения права на распоряжение таким имуществом (Ю.В. Ускова, Е.В. Никулина)	ч. 2. с удержанием похищенного одного месяца (Е.В. Никулина)	ч. 2 сопряжённое с изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера, либо совершенное в целях торговли людьми или в целях эксплуатации его рабского труда (Р.Я. Мамбетов)
ч. 2. по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (Е.В. Ушакова)	ч. 2. лицом с использованием своего служебного положения; в отношении заведомо несовершеннолетнего лица; по найму (Т.Б. Гаджиев, Е.В. Никулина)	ч. 3. способом, опасным для жизни многих людей (Е.А. Кислова)	ч. 3. с удержанием похищенного более одного месяца (Е.В. Никулина)		
ст. 127 УК РФ					
ч. 2. с угрозой применения насилия опасного для жизни и здоровья (Д.Я. Зайдиева)			ч. 2. с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (Г.А. Гурбанова)		ч. 2. из корыстных побуждений (С.Н. Потапкин)

ч. 3. в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (Г.А. Гурбанова)	
ст. 127.1 УК РФ	
ч. 2. в отношении двух и более малолетних или несовершеннолетних, преступным сообществом (преступной организацией) (Е.Е. Шалимов)	ч. 2. сопряжённое с клеймением потерпевших или обозначением их иными способами; совершение преступления лицом, ранее совершавшим подобные преступления, либо преступление, предусмотренное статьями 126, 127, 127.1, 127.2, 128 УК РФ (И.Б. Гетман)
ч. 3. совершение торговли людьми в виде преступного промысла (И.Б. Гетман)	
ст. 127.2 УК РФ	
ч. 2. в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (Ю.В. Николаева)	ч. 2. с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (Т.А. Военная)
ст. 128 УК РФ	
ч. 2. из корыстных побуждений (С.А. Маркарян)	ч. 2. повлекшая тяжкие последствия (И.И. Харитонов)
ст. 131 УК РФ	
ч. 2. совершённое родственником по прямой восходящей или нисходящей линии, братом, сестрой, опекуном, попечителем либо иным лицом, на которое законом, в соответствии со служебными полномочиями, либо, исходя из фактически сложившихся обстоятельств, возложены обязанности по содержанию, воспитанию и лечению потерпевшего лица; с целью сексуальной эксплуатации и лишения свободы потерпевшего лица; сопряжённое с похищением или незаконным лишением свободы потерпевшего лица (А.Н. Каменева)	ч. 2. в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (Н.Н. Коновалов)
ч. 3. в отношении лица, имеющего инвалидность I или II группы (О.Ю. Степанова)	

ст. 132 УК РФ	
<p>ч. 2. инцест (А.М. Мартиросян, Е.В. Поддубная, О.Ю. Степанова)</p> <p>ч. 3. в отношении лица, имеющего инвалидность I или 2 группы (О.Ю. Степанова)</p>	<p>ч. 2. в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (Н.Н. Коновалов)</p>
ст. 133 УК РФ	
<p>ч. 2. а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) в отношении лица, находящегося в зависимости от виновного; в) в отношении заведомо несовершеннолетнего лица (Д.А. Гнилицкая)</p> <p>ч. 3. в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста (Д.А. Гнилицкая, Г.А. Елошина)</p>	<p>ч. 2. в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно в отношении совершеннолетнего родственника или другого члена семьи (К.В. Самойленко)</p> <p>ч. 3. в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родственника или другого члена семьи (К.В. Самойленко)</p>
ст. 134 УК РФ	
<p>ч. 2. совершение родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, педагогом или другим работником образовательного, лечебного или иного учреждения, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетними, а равно лицом, которому воспитание и надзор за несовершеннолетним доверены родителями или лицами, их заменяющими (А.Я. Авдальян, Г.Н. Краснюк)</p> <p>ч. 5. совершённые группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; совершённые родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего; повлекшие по неосторожности заражение потерпевшего ВИЧ-инфекцией, венерическими заболеваниями или иные тяжкие последствия (В.Г. Романов)</p>	
ст. 135 УК РФ	
<p>ч. 2. совершение родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного или иного учреждения, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетними, а равно лицом, которому воспитание и надзор за несовершеннолетним доверены родителями или лицами, их заменяющими (А.Я. Авдальян, А.Д. Оберемченко, Г.Н. Краснюк)</p>	

ст. 136 УК РФ	
ч. 2. в отношении двух или более лиц (А.С. Курманов)	
ч. 2. с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; публично; из корыстных мотивов (И.П. Гальгина)	ч. 2. причинившее вред правам и законным интересам граждан (О.В. Мозговой)
ст. 137 УК РФ	
ч. 2. а) распространение сведений о наличии у лица ВИЧ — инфекции; б) совершение деяния из корыстных побуждений; в) повлекшее по неосторожности тяжкие последствия; г) сопряжённое с распространением сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации (А.С. Курманов)	
ст. 138 УК РФ	
ч. 2. а) совершение деяния из корыстных побуждений; б) сопряжённое с незаконным проникновением в жилище или помещение (А.С. Курманов)	
ст. 139 УК РФ	
ч. 2. из хулиганских побуждений (Э.Ю. Авшеев)	
ст. 140 УК РФ	
ч. 2. те же деяния, совершённые лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления (М.Г. Адыханов)	
ч. 3. деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они: а) сопряжены с сокрытием правонарушений, совершённых должностными лицами органов государственной власти; б) совершены группой лиц по предварительному сговору; в) повлекли тяжкие последствия (М.Г. Адыханов)	
ст. 143 УК РФ	
ч. 2. повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью двух или более лиц (О.А. Смык)	

ч. 3. повлекшее по неосторожности смерть несовершеннолетнего (О.А. Смык)	
ст. 144 УК РФ	
ч. 2. совершённое а) в отношении двух или более лиц, б) лицом с использованием своего служебного положения (Е.В. Красильникова)	ч. 2. а) с применением насилия; б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (А.С. Курманов)
ч. 3. лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления (Е.В. Красильникова)	
ст. 145 УК РФ	
ч. 2. повлекшее по неосторожности тяжкие последствия (Н.Ю. Гронская, А.С. Курманов)	ч. 2. в отношении двух или более лиц (М.А. Султанова)
ст. 145.1 УК РФ	
ч. 3. по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (М.А. Султанова)	
ст. 147 УК РФ	
ч. 2. с использованием служебного положения (Д.Д. Скребел)	
ст. 150 УК РФ	
ч. 2. группой лиц по предварительному сговору (Е.Е. Пухтий)	ч. 2. совершение преступления в отношении двух и более несовершеннолетних, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, вовлечение несовершеннолетнего в общественно опасную деятельность (Ю.Е. Пудуовички, Н.П. Шевченко)
ч. 3. в отношении двух или более лиц (Е.Е. Пухтий)	

ст. 151 УК РФ	
ч. 2. группой лиц по предварительному сговору (Е.Е. Пухтий, С.Ш. Ахмедова)	ч. 2. вовлечение несовершеннолетнего в разовое употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ с целью вовлечения его в совершение конкретного преступления, либо антиобщественные действия (И.В. Лигвинова)
ч. 3. в отношении двух или более лиц (Е.Е. Пухтий, С.Ш. Ахмедова)	ч. 2. совершение деяния в отношении лица, заведомо для виновного не достигшего 14 лет» (Г.В. Шевченко, К.Н. Почивалова, Б.А. Мкртычан)
ст. 153 УК РФ	
ч. 2. в отношении двух или более лиц; б) группой лиц по предварительному сговору (Е.Е. Пухтий)	
ч. 2. совершённое медицинским работником, работником детского дома, дома ребёнка, детской больницы и других учреждений здравоохранения, оказывающих медицинскую помощь детям	
ч. 2. повлекшие гибель ребёнка или причинение средней тяжести или тяжкого вреда его здоровью (Ю.В. Ускова)	
ч. 3. а) организованной группой; б) лицом с использованием своего служебного положения (Е.Е. Пухтий)	
ст. 154 УК РФ	
ч. 2. с использованием лицом своего служебного положения (Ю.В. Николаева, Е.Е. Пухтий, Ю.В. Ускова)	ч. 2. группой лиц по предварительному сговору (Е.Е. Пухтий, Ю.В. Ускова)
ч. 3. организованной группой (Е.Е. Пухтий)	
ст. 155 УК РФ	
ч. 2. с использованием лицом своего служебного положения (Ю.В. Николаева)	ч. 2. лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну (Е.Е. Пухтий)
ч. 3. повлекшие тяжкие последствия (Е.Е. Пухтий)	

ст. 156 УК РФ			
ч. 2. с применением насилия (Ю.В. Николаева, Ю.Е. Пудовочкин); с применением насилия, опасного для жизни и здоровья (Ю.А. Западнава)	ч. 2. в отношении двух и более несовершеннолетних (О.С. Колмакова, А.А. Гордейчик, О.М. Шаганова, Н.В. Довгалюк)	ч. 2. группой лиц (А.А. Гордейчик)	ч. 2. совершённые группой лиц по предварительному сговору (Н.В. Довгалюк)
ч. 3. с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья несовершеннолетнего (А.А. Гордейчик)			

ст. 157 УК РФ	
ч. 2. в отношении двух или более лиц (Е.Е. Пухтий)	ч. 2. совершённое лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное настоящей статьёй (Т.И. Юсупов)
ч. 3. повлекшие тяжкие последствия (Е.Е. Пухтий)	

Приложение 3. Изменение категориальной принадлежности преступления при наличии некоторых квалифицирующих признаков

Зависимость категории преступления от использования квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении двух или более лиц»

Основной состав (ст. УК РФ)	Квалифицированный состав		
	Особо тяжкое	Тяжкое	Средней тяжести
Особо тяжкое	105		Небольшой тяжести
Тяжкое	110, 111, 127.2	127.1	

Средней тяжести	134	122, 126	107	109
Небольшой тяжести	135	112, 117, 127	110.1	121, 151.2

Зависимость категории преступления от использования квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии»

Основной состав (ст. УК РФ)	Квалифицированный состав			Небольшой тяжести
	Особо тяжкое	Тяжкое	Средней тяжести	
Особо тяжкое	105			
Тяжкое	110	111, 127.1		
Средней тяжести				
Небольшой тяжести		117	110.1, 112	

Зависимость категории преступления от использования квалифицирующего признака «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой»

Основной состав (ст. УК РФ)	Квалифицированный состав			Небольшой тяжести
	Особо тяжкое	Тяжкое	Средней тяжести	
Особо тяжкое	105			
Тяжкое	111, 127.1	110, 131, 132		
Средней тяжести	126, 127.2, 134		142.2	
Небольшой тяжести	135, 151.2	117, 127, 146	110.1, 112, 141, 142.2, 147	

**Приложение 4. Дифференциация квалифицирующих признаков
в преступлениях против личности**

Объект преступления	Количество дифференцированных групп (ст. УК РФ)			
	Одна группа	Две группы	Три группы	Четыре группы
Жизнь	105, 107, 110, 110.2	109	110.1	
Здоровье	112, 115, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 124	122	111	
Свобода	128	126, 127, 127.1, 127.2		128.1
Честь				
Половая свобода и половая неприкосновенность	133			131, 132, 134, 135
Конституционные права и свободы	137, 138, 141, 142.2, 145.1, 146, 147, 148	143, 144		
Семья и несовершеннолетние	151.2	151	150	
Количество (статей УК РФ)	25	9	3	5
Удельный вес от общего числа квалифицированных составов (в %)	59,5	21,4	7,2	11,9

ЛИТЕРАТУРА

1. Абсатаров Х.Х. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как преступление против личности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дисс. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2005.
2. Авдеева Л.А. Уголовно-правовая охрана семейных отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009.
3. Аверинская С.А., Забавко Р.А., Радченко О.В. Административная преюдиция в уголовном праве: доктринальные противоречия // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 1 (88).
4. Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2017.
5. Аленкин Н.Е. Уголовная ответственность за убийство по просьбе потерпевшего // Вестник Московского университета. Сер.11. Право. — 2014. — № 2.
6. Ананич С.В., Духовник Ю.Е. Составы преступлений с административной преюдицией: декриминализовать или оставить? // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — 2020. — № 1 (47).
7. Ангазаров О. Привлечение лица к уголовной ответственности после привлечения его к административной ответственности за то же правонарушение // Законность. — 2009. — № 2.
8. Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. — 2018. — № 5.
9. Андрюхин Н.Г. Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: состояние и перспективы развития. — М.: ВНИИ МВД РФ, 2004.
10. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Обоснованность уголовно-правовых норм с административной преюдицией // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 435.
11. Антоненко М.М. Законодательное разрешение проблемы эвтаназии в зарубежных странах и России // Бизнес в законе. — 2015. — № 4.
12. Антоненко М.М. Эвтаназия как разновидность убийства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2018.
13. Антонов И.М. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Владивосток, 2004.

14. Аратова А.А. Административная ответственность за оскорбление: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013.
15. Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2006.
16. Арсанукаев И.С. Криминологическое и уголовно-правовое исследование предупреждения убийств, сопряжённых с другими преступлениями: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2012.
17. Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Сопряжённость как уголовно-правовая категория // Общество и право. — 2014. — № 4.
18. Балеев С.А. Дифференциация ответственности соучастников преступления // Учёные записки Казанского гос. ун-та. — 2007. — Т. 149. Кн. 6. Гуманитарные науки.
19. Бежанов В.О. К вопросу о значимости критерия общественной опасности в оценке административных правонарушений // Вестник РГТУ. Сер: Экономика. Управление. Право. — 2014. — № 15.
20. Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». — 2011. — № 2 (10).
21. Белов В.Ф. Преступления против семьи и несовершеннолетних в аспектах de lege lata и de lege ferenda. — М.: РУСАКИ, 2002.
22. Благоев Е.В. Освобождение от уголовной ответственности (размышления о проблемах и их преодолении). — М.: Юрлитинформ, 2018.
23. Блинов А.Г. Учение об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2014.
24. Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019.
25. Богомяткова Е.С. Эвтаназия как социальная проблема: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. — СПб., 2006.
26. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2008.
27. Борисов О.А. Взаимосвязь объекта и мотива преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 1996.
28. Бородин С., Глушков В. Убийство из сострадания и проблема эвтаназии // Общественные науки и современность. — 1992. — № 4.
29. Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. — М.: Юрид. лит., 1977.

30. Бородин С.В. Преступления против жизни. — М.: Юристъ, 1999.
31. Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 1998.
32. Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней: Криминальные и уголовно-правовые аспекты: дисс... канд. юрид. наук. — Владивосток, 2005.
33. Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве. — Саратов: Саратов. гос. акад. права, 1998.
34. Варанкина Ю.С. Уголовно-правовые проблемы борьбы с невыплатой заработной платы (по материалам Приволжского федерального округа): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
35. Васильченко Д.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: автореф. дисс. .. канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2002.
36. Васин Д.М. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния: место и роль в уголовно-правовом регулировании: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2013.
37. Васяев Д.В. Уголовная ответственность за убийство с учётом его мотива и цели: проблемы правотворчества и правоприменения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2014.
38. Вениаминов В.Г. Уголовная ответственность за побои и истязание: дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2005.
39. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. — М.: РГУП, 2017.
40. Викторов И.С. Уголовно-правовая ответственность за распространение венерических заболеваний в советском государстве (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1973.
41. Винокуров В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. — 2014. — № 4.
42. Вист И.И. Уголовная ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2015.

43. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. — М.: Юрид. лит., 1986.
44. Владимирова О.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2015.
45. Волженкин Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. — 1998. — № 12.
46. Воробьев В.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере трудовых отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2002.
47. Гайков И.В. Проблемы квалификации и регламентации ответственности за убийство по найму: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2004.
48. Галстян И.Ш. Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением виновного: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2007.
49. Герасимова Е.А. Уголовно-правовое противодействие розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2015.
50. Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. — М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911.
51. Гертель Е.В. Уголовная ответственность за угрозу: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2006.
52. Гетман И.Б. Уголовная ответственность за торговлю людьми: автореф. дисс. ... канд.юрид. наук. — Тюмень, 2010.
53. Головенков П.В. Уголовное Уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. — 2-е изд. — М.: Проспект, 2013.
54. Головки Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богущ Г., Есаков Г. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. — 2017. — № 2.
55. Головки Л.В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex Russica (Русский закон). — 2016. — № 1.
56. Головки Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. — 2013. — № 1 (5).

57. Горбатова М.А. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье: понятие, система и уголовно-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2002.
58. Горбатова М.А., Щипанова Н.И. Ответственность за убийство из сострадания: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. — 2019. — № 3.
59. Гошаев И.М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 7.
60. Грачева Ю.В. Источники судейского усмотрения в институтах освобождения от уголовной ответственности и от наказания. — М.: Юрлитинформ, 2011.
61. Грибков А.В., Воронова О.С. Согласие потерпевшего как условие освобождения от уголовной ответственности и наказания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2019. — № 1-2.
62. Григорян Л.А. Уголовная ответственность за убийство по просьбе потерпевшего или по мотиву сострадания // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов III Международ. науч.-практ. конф. — Могилёв: Могилёвский ин-т МВД Республики Беларусь, 2015.
63. Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
64. Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Минск, 1985.
65. Гулиева Н.Б. Составные преступления в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Кемерово, 2006.
66. Гусев А.В. Административная преюдиция как связующий межотраслевой элемент: доктринальные подходы // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. — СПб: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2020.
67. Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2011.

68. Данилова Б.Г., Цатурян Т.В., Саркисов Р.Р. Способ совершения преступления как квалифицирующий признак преступного деяния // Российский судья. — 2013. — № 10.
69. Демин В.Ф. Социальная обусловленность законодательного конструирования единого сложного преступления и его квалификации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1989.
70. Дерюга А.Н. Общественная опасность — признак административного правонарушения? // Журнал российского права. — 2011. — № 8.
71. Диваева И.Р. Уголовно-правовая охрана права на неприкосновенность частной (личной) жизни человека в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2004.
72. Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершённые в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.
73. Долгова С.В. Проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2003.
74. Дорохов Н.А., Безрук А.Н. Правовое явление «малозначительные деяния» // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2012. — № 1.
75. Досаева Г.С. Административная преюдиция (вопросы теории и практики) и уголовный проступок как новый вид правонарушения в РФ // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 3.
76. Досаева Г.С. Уголовно-правовой институт множественности преступлений: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2017.
77. Дуюнов В.К., Кондратюк С.В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. — 2019. — Т. 9, № 11-1.
78. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
79. Ермолаев А.В. Уголовная ответственность за преступления против семьи: проблемы законодательной регламентации и правоприменения и пути их разрешения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2009.

80. Есаков Г.А. Юридические признаки состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII междунар. научн. практ. конф. (28 — 29 января 2016 г.). — М.: РГ-Пресс, 2016.
81. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. — Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1894.
82. Жамбалова А.Ю. Уголовная ответственность лиц с психическими аномалиями, не исключающими вменяемости: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
83. Жижиленко А.А. Преступления против личности. — М.: Госиздат, 1927.
84. Жинкин А.А. Торговля людьми и использование рабского труда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2005.
85. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 1961.
86. Зацепин А.М. Общая и специальная норма уголовно-правового регулирования составов преступлений // Глобальный научный потенциал. Юридические науки. — 2015. — № 11 (56).
87. Звечаровский И.Э., Саидов М.О., Яцеленко Б.В. Юридическая природа малозначительного деяния // Вестник Российской правовой академии. — 2016. — № 3.
88. Золотарева Е.А. Правовое регулирование эвтаназии в зарубежных странах // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. — 2009. — № 5.
89. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. — М.: Норма, 2002.
90. Иванов Н.Г. К вопросу о квалификации «преступлений сопряжённости» // Уголовное право. — 2005. — № 9.
91. Иванов Н.Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Критический взгляд // Уголовное право. — 2000. — № 2.
92. Иванцова Н.В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики: дисс. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2005.
93. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. — М.: Проспект, 2014.

94. Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дисс. ... д-ра юрид. наук. — Ярославль, 2014.
95. Иванчин А.В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. — 2017. — № 4.
96. Ивченко И.А. Эвтаназия как общественный феномен: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — М., 2009.
97. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А., Побегайло Э.Ф., Шишов О.Ф., Пашин С.А., Палеев М.С. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации // Советская юстиция. — 1992. — № 3.
98. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2003.
99. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. — М.: Норма, 2015.
100. Кабанов П.Н. Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.
101. Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007.
102. Камнев В.Н. Ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью по российскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2011.
103. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. — 2019. — № 6.
104. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление (уголовно-правовые проблемы): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006.
105. Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2003.
106. Келина С.Г. Меры ответственности, предусмотренные законодательством, и основания их применения // Государство и право. — 1982. — № 5.
107. Кисин А.В. Уголовная ответственность за преступления, совершённые в составе организованной преступной группы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013.

108. Ключенко Л.Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019.
109. Клыга Т.В., Хазов Е.Н. Актуальные вопросы, правовые основания применения эвтаназии в зарубежных государствах // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 8.
110. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. — Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982.
111. Козаченко И.Я., Костарева Т.А., Кругликов Л.Л. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка: лекция. — Екатеринбург: УРГЮА, 1994.
112. Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2011.
113. Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 5 (1).
114. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 2 т. Т.1. / под ред. А.В. Бриллиантова. — Изд. 2-е. — М.: Проспект, 2015.
115. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X — XII / отв. ред. В.М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2017.
116. Коновалов В.С. Уголовная ответственность за причинение лёгкого вреда здоровью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2002.
117. Кононов А.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и применения к этим лицам принудительных мер медицинского характера: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019.
118. Константинов П.Ю., Соловьева А.К., Стуканов А.П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Правоведение. — 2005. — № 3.
119. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. — М.: Акад. МВД СССР, 1980.

120. Коржанский Н.И. Объект преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления / под ред. В.Б. Малинина. — СПб.: Изд. Профессора Малинина, 2005.
121. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. — М.: Юрлитинформ, 2019.
122. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. — М.: Юрлитинформ, 2012.
123. Коробеев А.И., Ширшов А.А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. — 2017. — № 4.
124. Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальные и процессуальные аспекты): сб. науч. ст. / отв. ред Л.Л. Кругликов. — Ярославль: ЯрГУ, 1995.
125. Коростылев О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2004.
126. Коротич Е.А. Уголовно-правовая охрана личной свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Минск, 2016.
127. Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2016.
128. Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019.
129. Косторнова В.Ю. Уголовно-правовая характеристика и криминологический анализ убийства матерью новорождённого ребёнка: дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2004.
130. Краев Д.Ю. Проблемы уголовной ответственности за убийства, сопряжённые с иными преступлениями. — М.: Юрлитинформ, 2009.
131. Красильникова Е.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2007.
132. Краснопеев И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2001.
133. Крашениников А.А. Угроза в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2002.

134. Кротов С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
135. Круглень А.Н. Подкуп на выборах, референдуме: преступление или административное правонарушение // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2012. — № 2.
136. Кругликов Л.Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние // Вестник Ярославского государственного университета. — 2007. — № 4.
137. Кругликов Л.Л. О понятии преступлений с квалифицированными составами // Юридическая наука. — 2014. — № 2.
138. Кругликов Л.Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // Lex Russica. — 2014. — № 3.
139. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
140. Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. — М.: Норма, 2006.
141. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 1999.
142. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. — М.: Юрид. лит., 1960.
143. Кузнецов А., Нуркаева Т. Вопросы уголовно-правовой охраны здоровья в свете изменений и дополнений Уголовного кодекса // Уголовное право. — 2004. — № 3.
144. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. — М.: Городец, 2007.
145. Кузнецова Н.Ф. Цели и механизм реформы Уголовного кодекса // Советское государство и право. — 1992. — № 6.
146. Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2019.
147. Кули-Заде Т.А.-о. Уголовная ответственность лиц с уменьшенной (ограниченной) вменяемостью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2011.

148. Куперина Т.В. Субъективная сторона убийства матерью новорождённого ребёнка // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные проблемы. Материалы III Всерос. Конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. — М.: Проспект, 2008.
149. Купирова Ч.Ш. Ответственность за преступления против несовершеннолетних (по материалам следственно-судебной практики Приволжского федерального округа): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2015.
150. Курдюк П.М., Чернов Ю.И. Мелкие преступления: взаимосвязь или размывание границ административной и уголовной ответственности? // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2018. — № 1.
151. Куц П.Н. Ответственность за вымогательство по советскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1988.
152. Лапшин В.Е. Смерть как правовое явление: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2005.
153. Лапшин В.Ф. Средства дифференциации ответственности в новейшей уголовно-правовой доктрине // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 3.
154. Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2016.
155. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998.
156. Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной и административной политики // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 4.
157. Лесниченко И.П. Уголовная ответственность и проблемы её реализации: дисс. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2005.
158. Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. — 2017. — № 4.
159. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — № 3 (23).
160. Лопашенко Н.А. Убийства. — М.: Юрлитинформ, 2013.
161. Лукьянова И.В. Угроза как преступление в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2004.

162. Лумпова И.А. Виды ответственности в советском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 1991.
163. Лунева А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013.
164. Луценко Н.С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2020.
165. Максимова О.В. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2013.
166. Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. — 2008. — № 4.
167. Мальцев В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. — 1999. — № 1.
168. Мальцев В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. — Волгоград: ВА МВД России, 2004.
169. Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. — Волгоград: ВА МВД России, 2010.
170. Маляева Е.О. К вопросу об увеличении привилегированных видов убийства // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: материалы II Международ. науч.-практ. конф. (30 — 31 мая 2002 г, МГУ им. М.В. Ломоносова). — М.: ЛексЭст, 2003.
171. Маляр М.Ю. Неправомерный отказ в предоставлении информации (ст. 140 УК РФ): изъяны законодательной техники // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. — 2014. — № 3.
172. Мамбетов Р.Я. Криминологические и уголовно-правовые проблемы защиты прав и интересов женщин в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
173. Маркарян С.А. Мотивы как основание дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности (проблемы конструирования квалифицирующих признаков): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Махачкала, 2012.
174. Маркунцов С.А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении её использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 4.

175. Маркунцов С.А. О применении уголовно-правовых запретов, сконструированных с использованием административной преюдиции // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2019. — № 3.
176. Маслак С.Н. Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2013.
177. Мацнев Н.И. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности: дисс. ... канд. юрид. наук. — Л., 1981.
178. Меликов Э.М. Рецидив краж: уголовная ответственность и предупреждение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2017.
179. Минаева М.М. Уголовно-правовая охрана жизни ребёнка до и после рождения по законодательству России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2012.
180. Михайлов К.В. Уголовно-правовой институт освобождения от наказания. — М.: Юрлитинформ, 2008.
181. Мурзина Л.И. Убийство матерью новорождённого ребёнка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009.
182. Мусина Р.Р. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны // Актуальные проблемы экономики и права. — 2011. — № 3.
183. Мустафаев Ч.Ф.-оглы. Административная преюдиция в советском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1986.
184. Мухортова М.В. Преступления, связанные с нарушением специальных правил: природа и особенности элементов состава: дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2016.
185. Мыц Я.А. Оставление в опасности в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. — Ульяновск, 2006.
186. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2018.
187. Научные основы квалификации преступлений: учебник. — Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015.
188. Николаева Ю.В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012.

189. Новикова Е.В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2018. — № 12.
190. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты.— М.: Норма, 2001.
191. Норвартян Ю.С. Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: вопросы криминализации и пенализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2015.
192. Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами (вопросы теории и практики): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Нижний Новгород, 2002.
193. Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления. — М.: Юрлитинформ, 2016.
194. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
195. Павлов С.Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2011.
196. Панкратова О.В. Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ): уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2012.
197. Пахомова Е.В. Проблемы законодательного учёта признаков потерпевшего при дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2011.
198. Пелипенко Р.С. О декриминализации клеветы и оскорбления // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2012. — № 4.
199. Песлякас В.Ч. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (по материалам ЛитССР): дисс... канд. юрид. наук. — Минск, 1979.
200. Пикуров Н.И. Административная преюдиция в уголовном праве: возможна ли реабилитация? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. IV международ. науч.-практ. конф. — М.: Проспект, 2007.
201. Пикуров Н.И. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: юридическая природа и перспективы применения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIV Международ. науч.-практ. конф. — М.: Оригинал-макет, 2017.
202. Питецкий В.В. Составные нормы в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2004.

203. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006.
204. Побегайло Э.Ф. Кризис современной уголовной политики // Уголовное право. — 2004. — № 4.
205. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними (уголовно-правовое и криминологическое исследование). — Воронеж: Изд. Воронеж. ун-та, 1965.
206. Поликарпова И.В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и её влияние на квалификацию преступлений: на примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2008.
207. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. II. Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
208. Полуэктов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2018.
209. Пономарёв П.Г., Борбат А.В., Ильяшенко А.Н. Насильственная преступность в семье: меры предупреждения // Российский следователь. — 2002. — № 2.
210. Понятовская Т.Г. Проблема рецидива в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 3.
211. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
212. Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
213. Применение насилия. Понятие и квалификация / под ред. А.В. Галаховой. — М.: Норма, РГУП, 2016.
214. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
215. Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. — М.: РГУП, 2019.
216. Пудовочкин Ю.Е. Проблемы понимания и квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: новое в уголовном законодательстве // Российское правосудие. — 2010. — № 4 (48).

217. Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005.
218. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учеб. пособ. — М.: Юрлитинформ, 2009.
219. Пуляева Е.В. Аффект: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Тамбов, 2007.
220. Путилов П.Н. Нормальное развитие несовершеннолетних как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1999.
221. Расторопов С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005.
222. Рогова Е.В. Межотраслевая дифференциация ответственности // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сб. мат. Межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Р.А. Забавко. — Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД РФ, 2018.
223. Рогова Е.В. Правила построения квалифицирующих и привилегирующих признаков состава преступления // Пробелы в Российском законодательстве. — 2013. — № 5.
224. Рогова Е.В. Уголовный проступок и межотраслевая дифференциация ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2017. — № 3.
225. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014.
226. Рожнов А.П. Проблемы квалификации убийств, сопряжённых с иными преступлениями // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. — 2011. — № 1.
227. Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. — М.: Контракт, 2015.
228. Румянцев М.С. Некоторые аспекты межотраслевой дифференциации ответственности в уголовном праве // Юридические записки молодых учёных и аспирантов: актуальные проблемы законодательной и правоприменительной практики: материалы IV Международной научной конференции. — Ярославль: ЯрГУ, 2013, Вып. 13.
229. Румянцев М.С., Кузнецов С.В. Дифференциация уголовной ответственности: юридическое содержание и проблемы межотраслевого характера // Юридическая практика. — 2013. — № 2.

230. Русакова Т.П. Пути дальнейшего совершенствования советского уголовного права // Актуальные вопросы правооказания в период совершенствования социалистического общества. — Томск: Изд. Томск. ун-та, 1989.
231. Рыбин В.А. Философские основания проблемы эвтаназии: методологический анализ: автореф. дисс. ... д-ра философ. наук. — Екатеринбург, 2006.
232. Сабитов Р.А. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2019. — Т. 4, Вып. 1.
233. Савельева О.Ю. Институт административной преюдиции в современном уголовном праве // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. — № 2 (27).
234. Салева Н.Н. Убийство, сопряжённое с иными преступлениями: проблемы квалификации и уголовной ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2006.
235. Санжаров Ф.И. Соотношение дифференциации уголовной ответственности с иными методами уголовной политики // ACADEMY. — 2018. — № 6 (933).
236. Свидлов Н.М. Специальные нормы в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1979.
237. Семченков И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003.
238. Серегина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорождённого ребёнка: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2004.
239. Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2016.
240. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция сквозь призму междисциплинарных связей // Пробелы в Российском законодательстве. — 2016. — № 5.
241. Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
242. Скребец Д.Д. Уголовно-правовые аспекты борьбы с преступлениями против изобретательских и патентных прав: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2008.

243. Смирнов В.А. Статья 140 УК РФ как уголовно-правовое средство обеспечения прав гражданина на информацию в сфере оказания трансплантологической помощи // Сибирский юридический вестник. — 2007. — № 3.
244. Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2000.
245. Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Международ. науч.-практ. конф. (27 — 28 мая 2004, МГУ им. М.В. Ломоносова). — М.: ЛексЭст, 2004.
246. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. — М.: РГУП, 2019.
247. Становский М.Н. Назначение наказания. — СПб.: Юридический центр Пресс, 1999.
248. Степанов В.В. Малозначительность правонарушения в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
249. Стетюха М.П. Убийства, сопряжённые с изнасилованием и (или) насильственными действиями сексуального характера: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2008.
250. Сытников В.О. Правовые проблемы конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ // Пробелы в Российском законодательстве. — 2013. — № 6.
251. Тарасова Ю.Е. Формы множественности преступлений и конструкции множественного совершения деяний в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019.
252. Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. — 1992. — № 2.
253. Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве // Известия вузов. Правоведение. — 1994. — № 3.
254. Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада, выполняющего также функции автореферата. — СПб., 1994.
255. Татарников В.Г. Рецидив и его влияние на характер и степень общественной опасности преступлений против личности // Вестник ИрГТУ. — 2015. — № 6.
256. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. — Харьков: Выща школа, 1988.

257. Теунаев А.Ю. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Кисловодск, 2003.
258. Тимофеева Е.А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2008.
259. Тосаков С.В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, её прав, свобод и законных интересов: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2010.
260. Точеный М.Д. Убийство либо причинение телесных повреждений при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ, ч. 2 ст. 114 УК РФ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2006.
261. Тришина Ж.В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009.
262. Тухбатуллин Р.Р. Умышленные преступления против жизни и здоровья, совершённые в состоянии аффекта: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
263. Тюрина И.Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как вид освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.
264. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015.
265. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. — М.: Юристъ, 1996.
266. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. III. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. — М.: Юрлитинформ, 2016.
267. Уголовное право. Учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. — М.: Городец, 2011.
268. Усачева А.П. Генезис и развитие уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью при наличии привилегирующих признаков // Общество и право. — 2017. — № 1.

269. Усачева А.П. Система привилегированных видов причинения вреда здоровью в российском уголовном законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — № 1.
270. Фатеев А.Н. Домашнее насилие: опыт криминологического исследования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.
271. Федотова Н.В. Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
272. Фомичева М.А. Угроза как способ совершения преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
273. Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. — Барнаул, 2004.
274. Харитонов И.И. Уголовная ответственность за клевету: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2015.
275. Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2019.
276. Хатуев В.Б. Уголовно-правовая охрана беременных женщин, малолетних, беззащитных и беспомощных лиц и лиц, находящихся в зависимости от виновного: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2004.
277. Хильгендорф Э. Пунитивное законодательство и уголовно-правовая доктрина. Скептические замечания к некоторым руководящим терминам современной теории уголовного права // Вопросы российского и международного права. — 2012. — № 1.
278. Хлебницына Е.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019.
279. Чернышева Ю.А. Причинение смерти лицу по его просьбе (эвтаназия): уголовно-правовое, уголовно-политическое, криминологическое и социально-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Тамбов, 2009.
280. Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминологические исследования. — Ставрополь: Ставропольск. кн. изд-во, 1992.
281. Чугаев А.П. Индивидуализация ответственности за преступления и её особенности по делам несовершеннолетних. Учебное пособие. — Краснодар, 1979.

282. Чуличкова Е.А. Межотраслевые коллизии уголовно-правовых норм с охранительными нормами права иной отраслевой принадлежности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2011.
283. Шаматульский И.А. Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2015.
284. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. — М.: Юрид. издат. Минюста СССР, 1947.
285. Шахов В.И. К вопросу об ответственности за внутрисемейные насильственные преступления // Право: Теория и Практика. — 2003. — № 4.
286. Шевченко Г.В. Виктимологическая профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2015.
287. Шейнина Е.А. Законодательство Европы об эвтаназии: от запрета к легализации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2010. — № 12.
288. Шергин А.П. Административная юрисдикция // Советское государство и право. — 1976. — № 6.
289. Шестаков Д.А. Внутрисемейные насильственные преступления: уголовно-правовой аспект // Правоведение. — 2001. — № 2.
290. Шкредова Э.Г. Формы множественности преступлений в современной уголовно-правовой доктрине // Журнал Российского права. — 2012. — № 9.
291. Шнитенков А. Проблемы квалификации при совокупности преступлений // Уголовное право. — 2005. — № 2.
292. Шредер О.Б. Культурфилософский анализ феномена эвтаназии: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — Томск, 2004.
293. Штанькова А.П. Внешняя законодательная техника привилегированных составов преступлений // Вестник ВГУ. Серия Право. — 2017. — № 2. — С. 280 — 281.
294. Штемберг Э.Э. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика убийства, совершенного с особой жестокостью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2002.
295. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. — М.: Юрлитинформ, 2003.
296. Щербаков С.В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.

297. Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2019.
298. Юрков С.А. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав: автореф. дисс. ... канд.юрид. наук. — М., 2013.
299. Юсупов Т.И. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2007.
300. Ющенко Н.В. Эвтаназия: аксиологический и антропологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — Ростов-на-Дону, 2011.

Научное издание

МОТИН Анатолий Владимирович

**ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ЛИЧНОСТИ**

Монография

Печатается в авторской редакции и коррекции

Технический редактор *Лина Мовсеян*
Компьютерная верстка: *Сергей Чальи*

Издательство «Знание-М»

Подписано в печать 01.02.2021 Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman». Печать цифровая.

Усл. печ. л. – 13,95. Заказ № 3878. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в издательско-полиграфическом комплексе
Северо-Кавказского федерального университета
355038, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2

Издано в научных и учебных целях.
Коммерческое использование не предусмотрено.

МОТИН Анатолий Владимирович — кандидат юридических наук (научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), адвокат Палаты адвокатов Самарской области. Член редакционных коллегий научных журналов «THEORIA: педагогика, экономика, право» (г. Белгород), «Наукосфера» (г. Смоленск). Член Союза криминалистов и криминологов.

Автор научных публикаций, посвящённых общим вопросам дифференциации уголовной ответственности; проблемам ответственности за преступления против личности; исследованию составов половых преступлений и проблемам их квалификации.

Идентификаторы автора (научные): <https://orcid.org/0000-0003-2886-9544>

SPIN-код: 5510-7690

AuthorID: 931371

Смыслим в издательском деле!
Наши книги в интернет-магазине www.litres.ru/logos

book-best.ru vk.com/cn2logos logos.book@mail.ru

